

Московский исламский институт
Нижегородский исламский институт им. Х. Фаизханова

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Ежеквартальный альманах

Выпуск № 3 (35)' 2014

Москва
Издательский дом «Медина»
2014

Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты: ежеквартальный альманах. Вып. № 3 (35). — М.: ИД «Медина», 2014. — 100 с.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Дамир Ваисович Мухетдинов

ректор Нижегородского исламского института имени Х. Фаизханова, доцент ННГУ имени Н. И. Лобачевского,
кандидат политических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Виталий Вячеславович Наумкин

директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, член научного совета Российского совета по международным делам,
доктор исторических наук, профессор

Алексей Михайлович Васильев

директор Института Африки РАН, действительный член РАН, Академик РАН, президент Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, Член Совета по внешней политике МИД РФ, главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», профессор

Абсаттар Багисбаевич Дербисали

директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН Республики Казахстан, Академик академии Высшей школы
Республики Казахстан, доктор филологических наук, профессор

Сергей Николаевич Абашин

ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН,
профессор факультета антропологии, именной профессор (профессура British Petroleum),

доктор исторических наук

Дмитрий Юрьевич Арапов

профессор исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, член Всероссийской ассоциации востоковедов,

доктор исторических наук

Григорий Григорьевич Косач

профессор кафедры современного Востока Факультета истории, политологии и права РГГУ, эксперт Института Ближнего Востока,
заместитель главного редактора журнала «Вестник Евразии», доктор исторических наук

Бахтиер Мираимович Бабаджанов

ведущий научный сотрудник Института востоковедения АН Республики Узбекистан,

доктор религиоведения, доктор исторических наук

Абдулло Хаким Рахнамо

руководитель Департамента международных отношений Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан,

кандидат исторических наук

Акылбек Ленбаевич Салнев

директор Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете имени Б.Н.Ельцина,

кандидат политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Айдар Юрьевич Хабутдинов

профессор кафедры общетеоретических дисциплин Казанского филиала Российской академии правосудия, доктор исторических наук

Дамир Зиннурович Хайретдинов

ректор Московского исламского института, кандидат исторических наук

Шамиль Равильевич Кашаф

редактор Издательского дома «Дело» Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Сергей Юрьевич Бородай

младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, магистр филологии

Публикуемые материалы необязательно отражают точку зрения редакции альманаха.

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ ФС77-35773 от 25 марта 2009 г.

Издано при финансовом содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования

СОДЕРЖАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

<i>Добров Д.</i> - ИГИЛ превращается в «халифат».....	8
<i>Мирна Набхан</i> - Никаб и калашников — джихад по-женски.....	11
<i>Питер Ли</i> - США разворачиваются к вратам ада.....	14
<i>Крук А.</i> - Нельзя понять, что такое ИГИЛ, не зная историю ваххабизма в Саудовской Аравии.....	20
<i>Уитни М.</i> - Фиаско под названием ISIS. Настоящая цель - Иран.....	28
<i>Валента И.</i> - Могут ли Россия и Америка объединить свои усилия для того, чтобы уничтожить Исламское государство?.....	33
<i>Арманыян Н.</i> - Обама не сможет разгромить Исламское государство.....	37
<i>Францблау Ж.</i> - Ливия: поучительная история.....	40

ИСЛАМ В США И ЕВРОПЕ

<i>Пайнс Д.</i> - Как подавить народное движение в Америке? Убить лидера.....	44
<i>Латион С.</i> - Мусульманская молодежь Европы. На пути к общей идентичности?.....	49
<i>Дж. Бьюкенен</i> - Почему они нас ненавидят?.....	59
<i>Кнобель М.</i> - Исламисты и женщины	64
<i>Добров Д.</i> - Германия: исламские радикалы поднимают голову.....	66
<i>Тарнеро Ж.</i> - И все это натворил нобелевский лауреат Обама.....	69

ДРУГОЕ

<i>Адиатулина Г.</i> - Опыт регулирования процессов в России. Мусульманские лидеры на крымской переговорной площадке.....	74
<i>Тенк А.</i> - Архипелаг суннитов.....	80
<i>Бреммер Я.</i> - Четыре всадника геополитического Апокалипсиса.....	84
<i>Жигалкин Ю.</i> - Война с террором. Кто теперь враг.....	90
<i>Ремизов М.</i> - Союз с исламом на антиамериканской почве невозможен.....	96
<i>Тенк А.</i> - Что на самом деле говорит Коран о насилии?.....	99

Islam in Modern Europe

(Contents)

Introduction.....	5
-------------------	---

THE NEAR EAST

<i>Dobrov D. - ISIS transforms into «caliphate».....</i>	<i>8</i>
<i>Mirna Nabhan - Nikab and kalashnikov - jihad in a feminine way.....</i>	<i>11</i>
<i>Peter Lee - The USA turns to the gates of hell.....</i>	<i>14</i>
<i>Crook A. - You can't understand what is ISIS,</i> <i>if you don't know the history of Wahabism in Saudi Arabia.....</i>	<i>20</i>
<i>Whitney M. - Fiasco of ISIS. The true target is Iran.....</i>	<i>28</i>
<i>Valenta I. - Could Russia and the USA be wartime allies against ISIS?.....</i>	<i>33</i>
<i>Armanyan H. - Obama could not destroy ISIS.....</i>	<i>37</i>
<i>Franzblau J. - Lybia: instructive experience.....</i>	<i>40</i>

ISLAM IN THE USA AND EUROPE

<i>Pypes D. - How to suppress national movement in the USA? To kill the leader.....</i>	<i>44</i>
<i>Lation S. - Muslim Youth of Europe. On the way to the common identity?.....</i>	<i>49</i>
<i>Buchanan J. - Why do they hate us?.....</i>	<i>59</i>
<i>Knobel M. - Islamists and women.....</i>	<i>64</i>
<i>Dobrov D. - Germany: muslim radicals rise their heads.....</i>	<i>66</i>
<i>Tarnero J. - And all this was made by Nobel prize winner Obama.....</i>	<i>69</i>

OTHER

<i>Adiatulina G. - The practice of regulation of processes in Russia.</i> <i>Muslim leaders on the Crimean forum.....</i>	<i>74</i>
<i>Tenk A. - Archipelago of the Sunni.....</i>	<i>80</i>
<i>Bremmer Y. - Four riders of geopolitical Apocalypse.....</i>	<i>84</i>
<i>Jigalkin Y. - The war with terror. Who is an enemy?.....</i>	<i>90</i>
<i>Remizov M. - Alliance with Islam against the USA is impossible.....</i>	<i>96</i>
<i>Tenk A. - What does the Qu'ran indeed tell us about violence.....</i>	<i>99</i>

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

Данный номер журнала «Ислам в современном мире» посвящен внутрироссийской, постсоветской и общемировой проблематике, касающейся ислама. Как и два первых номера 2014 г., он выполнен в новом объединенном формате, что обусловлено такими масштабными и значимыми событиями, как подписание соглашения о создании Евразийского экономического совета и вхождение Крыма в состав Российской Федерации. В представленном номере сделан акцент на актуальных цивилизационных и политических проблемах, что потребовало выделения трех разделов: Ближний восток, ислам в США и Европе и другое.

Первый раздел под названием «Ближний восток» занимает основную часть журнала. Он посвящен преимущественно недавним событиям в Ираке и на севере Сирии. Речь идет о создании Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ, англ. ISIS). Банда религиозных фанатиков, исповедующих идеологию, не имеющую ничего общего с настоящим Исламом, была образована в 2006 году в Ираке путем слияния одиннадцати радикальных группировок во главе с местным подразделением «Аль-Каиды». Боевики ИГИЛ принимали активное участие в гражданской войне в Сирии. Группировка обрела широкую известность летом 2014 года, когда боевики начали полномасштабное наступление на северные и западные районы Ирака, а также в северной Сирии (Курдистан). Радикалам в течение месяца удалось взять под свой контроль несколько городов. 10 июня они под руководством Тархана Батирашвили захватили Мосул, на следующий день — Тикрит, а через несколько дней подошли вплотную к Багдаду. В конце июня террористы объявили о создании собственного квазигосударства (т. н. «халифата»), простирающегося от города Алеппо, на севере Сирии до провинции Дияла, что на востоке Ирака. 3 августа террористам удалось взять под контроль два крупных нефтяных месторождения. «Халифом» был объявлен главарь боевиков — Абдалла Ибрагим ас-Самараи, также известный как Абу Бакр аль-Багдади. После провозглашения государства, который не признала ни одна страна, группировка, ранее известная как «Исламское государство Ирака и Леванта», отбросила географическую привязку в своём названии.

Возникновение ИГИЛ явилось закономерным следствием политики США и их вассалов на Ближнем востоке. Нет никакого сомнения в том, что ИГИЛ представляет большую угрозу для всего Ближнего востока и для всех мирных мусульман, христиан и иудеев. Мнения специалистов о данном проекте расходятся. Некоторые видят в нем пример стратегии «управляемого хаоса», другие считают, что ИГИЛ направлен против Ирана, третьи полагают, что это не американский, а сирийский проект. В данном разделе мы собрали статьи сторонников разных позиций.

Д. Добров рассматривает предысторию ИГИЛ и тот путь, который прошла эта террористическая группировка до провозглашения «халифата». М. Набхан рассказывает о женщинах-смертницах в исламском государстве. Питер Ли показывает, к каким опасным последствиям ведет необдуманная политика США на Ближнем востоке. А. Крук разбирает предысторию ИГИЛ и связь этой организации с ваххабитской идеологией Саудовской Аравии. М. Уитни отстаивает точку зрения о том, что настоящей целью проекта ИГИЛ является Иран. И. Валента рассуждает о возможности союза США и России в деле уничтожения исламского государства. Н. Арманьян скептически оценивает перспективы США в борьбе с ИГИЛ. Ж. Францблау проводит параллели между ИГИЛ и современной ситуацией в Ливии: в обоих случаях он видит попытку реализовать стратегию «управляемого хаоса».

В разделе «Ислам в США и Европе» публикуются статьи исследователей, занимающихся проблемой европейского и американского ислама. В работе Д. Пайпса повествуется о народном движении в США, которое было тесно связано с Исламом, и о противоправных действиях политиков США с целью задавить ислам. В статье С. Латион рассматривается феномен европейской мусульманской молодежи и делается позитивный прогноз, согласно которому в ближайшие годы можно будет наблюдать складывание единой идентичности европейских мусульман. В работе известного американского республиканца П. Дж. Бьюкенена, написанной для американской публики, разбираются возмущения общественности по поводу ненависти к США со стороны мусульман Ближнего востока; Бьюкенен показывает, что конфликт имеет как ценностную, так и политическую основу. Он выступает апологетом мусульман и критиком экспансионистской политики

США. В статье Ж. Тарнеро обстоятельно рассматриваются геополитические промахи президента Обамы, в том числе в области Ближневосточной политики. В работе Д. Доброва рассказывается о росте немецкого мусульманского радикализма в связи с деятельностью ИГИЛ. В статье М. Кнобель повествуется о женском факторе в ислализме.

В заключительный раздел вошли статьи, связанные с другими актуальными проблемами. В работе Г. Адиатулиной дается анализ крымской ситуации и рассказывается о взаимодействии мусульманских лидеров на крымской переговорной площадке. В статье А. Тенка вкратце рассматриваются основные радикальные исламские группировки и выявляются их идеологические позиции. В статье Я. Бреммера предвещается «геополитический апокалипсис», который связан, по мнению автора, с неразрешимыми конфликтами в ряде регионов мира. В работе Ю. Жигалкина анализируются успехи и промахи борьбы с терроризмом, длящейся в США на протяжении уже 13 лет. В статье М. Ремизова обосновывается точка зре-

ния о том, что союз России с мусульманскими странами на почве антиамериканизма невозможен, что обусловлено большими социокультурными различиями и разными политическими традициями. Наконец, в статье А. Тенка дается краткий анализ отрывков из Корана, в которых упоминается насилие. Автор показывает, что их ваххабитская интерпретация является надуманной и ложной.

Надеемся, что представленные работы заинтересуют читателей и позволят шире взглянуть на место ислама в контексте современных геополитических, культурных и социальных тенденций. Обращаем особое внимание на статьи из первого раздела, поскольку дестабилизация ситуации на Ближнем востоке, обусловленная деятельностью ИГИЛ, грозит дестабилизацией обстановки на границах с Россией и в самой России. Феномен ИГИЛ требует самого тщательного анализа, ведь врага нужно знать в лицо.

Редакционный совет

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ИГИЛ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «ХАЛИФАТ»¹

Добров Д.

29 июня 2014 года Абу Бакр аль-Багдади, лидер ИГИЛ («Исламского государства Ирака и Леванта»), провозгласил себя халифом, а подконтрольные его движению территории Сирии и Ирака — халифатом. Для внешнего мира произошла смена вывески из ИГИЛ в ИГ («Исламское государство»). Провозглашение исламского халифата стало новым качественным этапом в становлении движения, которое возникло около 10 лет назад как региональное отделение «Аль-Каиды». Это событие вызвало паническую реакцию на Западе. Президент США Барак Обама назвал ИГ «раковой опухолью», которую необходимо удалить. США собирают международную коалицию для оказания военной помощи иракским курдам и шиитскому правительству в Багдаде, борющимся с ИГ, не исключена и международная военная операция. Одновременно создание ИГ стало важнейшим мотиватором для исламистов во всем мире, которые прибывают в район боевых действий. Столь бурная реакция Запада вызвана, очевидно, не только военными успехами ИГ на фронтах Ирака и Сирии, но и сутью самого проекта под названием «халифат», который представляет угрозу геополитическому балансу на Ближнем Востоке и ставит под вопрос существование практически всех правительств региона.

В ЧЕМ ОТЛИЧИЕ ИГ ОТ ДРУГИХ ИСЛАМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ?

Новопровозглашенный Халифат принципиально отличается от уже известных исламистских движений — «Братьев-мусульман», «Аль-Каиды», «Хамаса», «Хезболлы», фронта «Ан-Нусра» и т.д. Само слово «государство», или «халифат», говорит о форме общественного устройства, в которой война против «неверных» играет важную, но не единственную роль. ИГ взяло на себя функцию практической организации жизни на подконтрольных территориях и по-своему справляется с этой задачей, хотя и варварскими, средневековыми методами.

Кроме того, ИГ ставит на первый план идею «исламско-суннитского интернационала» и наме-

рено стать его ядром. В этом реальное отличие ИГ от движений типа «Хамас» или «Талибан», которые решают чисто национальные задачи. Само слово «халифат» предполагает возвращение к «истинному Исламу» первых халифов, который объединял весь арабо-мусульманский мир. Идея единства заложена в исторической памяти жителей региона: вплоть до окончания Первой мировой войны регион Леванта — от Палестины до Междуречья — был органическим целым, несмотря на различие диалектов арабского языка. Поэтому ИГ вписывается в историческую традицию Леванта, где поочередно доминировали Багдадский халифат, Дамасский халифат, монголы, мамлюки и, наконец, Османский халифат (ликвидирован лишь в 1924 году). Нынешние Сирия, Ливан, Ирак, Кувейт, Иордания и Палестинская автономия не являются с точки зрения сторонников панарабизма «органическими» государствами, основанными на единстве нации, религии и исторической преемственности. Все они были искусственно «нарезаны» в результате Первой мировой войны по колониальным лекалам, прежде всего по условиям ненавистного арабам англо-французского договора Сайкса-Пико. Халифат — это, с одной стороны, реакция на внешние агрессии со стороны Великобритании, США и их союзников, с другой — на неудачные попытки построить «демократический капитализм» западного типа в арабских странах.

КАКОВА ПРЕДЫСТОРИЯ ИГ?

Корни возникновения ИГИ-ИГИЛ-ИГ следует искать в суннитских районах Ирака, где вскоре после американской оккупации в 2003 году иорданец Абу Мусаб Аз-Заркави учредил региональное отделение «Аль-Каиды». После его гибели в 2006 году в результате американской бомбардировки новым эмиром движения стал Абу Омар Аль-Багдади (Багдади-первый), который и провозгласил Исламское государство Ирака (ИГИ). Несмотря на гибель Багдади и других лидеров ИГИ, это образование сохранило основные структуры. «Вторую жизнь» этому движению дала гражданская война в Сирии. «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) появилось на сирийском театре боевых действий в 2012 году в ре-

¹ Источник: <http://inosmi.ru/world/20140901/222732152.html>

результате слияния иракских и сирийских суннитских группировок, оно стремительно поставило под свой контроль значительную часть районов Сирии, занятых до этого умеренной сирийской оппозицией. И уже после победоносного наступления в Ираке в июне 2014 года ИГИЛ превратился в ИГ, или халифат. ИГ, являясь «дочкой» «Аль-Каиды», имеет ту же идеологию и цели, однако это уже не террористическая организация классического типа, а «государственнический» проект, рассчитанный на построение халифата и контроль всех сфер жизни. Методы вооруженной борьбы — еще более жестокие и радикальные, включая запрещенные виды оружия и безжалостный террор. В этом — гораздо большая опасность ИГ в сравнении с «Аль-Каидой».

РОЛЬ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА В СТАНОВЛЕНИИ ИГ

Так же, как «Аль-Каида» и «Талибан», ИГИ-ИГИЛ-ИГ было изначально создано при поддержке спецслужб США и стран Персидского залива. Чрезвычайно активно исламистам помогали Турция, Катар и Саудовская Аравия, особенно в период, когда ИГИ-ИГИЛ боролось с сирийской правительственной армией на севере Сирии. Сейчас Катар и страны Персидского залива категорически отрицают свою причастность к финансированию ИГИЛ, но ни для кого не секрет, что стратегической задачей суннитских монархий является борьба с «шиитским поясом» от Ливана до Ирана, включая Сирию и Ирак, и они готовы ради этого заключить пакт с кем угодно. На первом этапе главным союзником ИГИЛ в Сирии стал фронт «Ан-Нусра», состоящий из сирийских и международных джихадистов и активно финансировавшийся Катаром. ИГИЛ находился в сложных отношениях с фронтом «Ан-Нусра», который считается официальным подразделением «Аль-Каиды» в Сирии. Однако перед лицом внешних врагов они легко находят общий язык. После серии побед ИГИЛ-ИГ в Ираке, в его ряды влилось много бойцов «Ан-Нусры».

В ЧЕМ ПРИЧИНА ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИГ С ВОЕННОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ?

Очевидно, что одними исламистскими лозунгами в практической жизни не обойтись. Прежде всего, налицо достаточно высокий профессиона-

лизм управленческих кадров, армейских офицеров и пропагандистского аппарата ИГ. В отличие от полубразованных талибов и членов «Аль-Каиды», идеологический костяк ИГ составляют фанатичные исламские радикалы из стран Европы, а также бывшие офицеры армии Саддама Хусейна и члены партии БААС. Их объединяет суннитский национализм и ненависть к Западу. Зарубежные обозреватели нехотя признают, что самопровозглашенный халифат успешно строит госпитали, новые дороги, школы, восстанавливает транспортное сообщение. Это обеспечивает ему поддержку местного населения и затрудняет усилия западных стран по борьбе с ИГ. Боевая подготовка джихадистов обеспечена кадрами иракской армии времен Саддама Хусейна, которые являлись преимущественно суннитами, причем из областей Ирака, особо лояльных тогдашнему иракскому диктатору. Кроме того, ИГ эффективно использует современные средства пропаганды, прежде всего видеоматериалы, которые выкладываются в интернет. Высокое качество съемок позволяет предположить, что их создавали профессионалы, прошедшие школу телеканала «Аль-Джазира» и западных СМИ.

Вместе с тем, жизнь в городах, подконтрольных ИГ, строится в соответствии с архаичными законами шариата, западные демократические нормы правосудия полностью отвергаются. Ворам отрубают руки, неверных жен забивают камнями, пьяниц секут плетьюми, а наркдилеров казнят. Наряды религиозной полиции — «хизба» — разъезжают по населенным пунктам и следят за «правильными» ценами и соблюдением норм шариата. Повсюду действует шариатские судебные и исполнительные органы. Внутренняя политика ИГ основана на социальной солидарности, помощи малоимущим и самоорганизации общества на традиционных исламских началах. Это обеспечивает исламистам значительную поддержку населения, хотя невозможно проследить, является это результатом запугивания или искренней реакцией. Всех «кяфилов» (иноверцев), включая шиитов, алавитов, христиан и езидов в ИГ ожидают репрессии и гонения, десятки тысяч бежали в Турцию и Иракский Курдистан. На христиан местной администрацией наложен печально известный налог — «джизья».

Несмотря на архаичность шариатской модели государства, она может существовать достаточно долго, как это демонстрирует опыт талибов

в Афганистане. Положить конец такому устройству может лишь внешнее вооруженное вмешательство. К тому же, после взятия банка в Мосуле ИГ располагает большими валютными запасами, а основной внутренней валютой халифата, как ни парадоксально, является доллар США. Контролируя крупные плотины на Ефрате, а также добычу нефти, оружейный трафик, торговлю заложниками и другие незаконные виды деятельности, ИГ является самой богатой террористической организацией мире.

КАКОВЫ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ РОСТА ИГ?

Несмотря на призыв к универсальности, новоявленный халифат во многом является проявлением регионального суннитского национализма (сирийского и иракского), он был изначально создан как орудие борьбы с шиитскими правительствами в Багдаде и Дамаске. Этот факт является серьезным препятствием к дальнейшему разрастанию халифата, так как ИГ упирается в «естественные» этно-религиозные границы: регионы, населенные курдами, шиитами и алавитами. По сути дела, нынешний «халифат» охватывает довольно компактный, хотя и большой, регион между Ираком и Сирией. О трансграничном характере нового государства говорит тот факт, что до июньского наступления оплотом ИГ (тогда ИГИЛ) был город Ракка в северной Сирии. Первым актом ИГ после взятия Мосула стало уничтожение пограничных знаков между Сирией и Ираком, как «позорной» демаркации в соответствии с договором Сайкса-Пико. Сегодня об этом договоре знает каждый рядовой боец

в армии ИГ. Завоевать шиитские районы Ирака, Курдистан и территории алавитов в Сирии халифату вряд ли под силу — хотя бы в силу ограниченных демографических ресурсов. В многомиллионном Багдаде, населенном преимущественно шиитами, отряды ИГ просто растворились бы. Однако дестабилизировать обстановку и создать гуманитарный кризис им вполне под силу. Амбиции ИГ достаточно велики, его сторонники делают ставку на стратегическую перспективу — победу радикального суннитского Ислама если не во всем мусульманском мире, то в масштабе Леванта. И собственное государство в треугольнике между Сирией, Ираком и Турцией дает им необходимый плацдарм для наступления. Они намерены вести борьбу, пока под напором исламской оппозиции не рухнут правительства Ирака, Сирии и Египта. Упорство, с которым боевики ИГ продолжают борьбу, в том числе методами тотального террора, подтверждает, что они не собираются останавливаться на достигнутом. Как отметил в своем недавнем анализе бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен (Dominique de Villepin), границы, установленные договором Сайкса-Пико, уже сметены. Выброшены на свалку истории политические модели эпохи постколониализма и Холодной войны. На авансцену арабского мира вышел исламизм, который является таким же извращением Ислама, как фашизм — идеи национальной. Ближнему Востоку грозит цивилизационный коллапс, а спасти ситуацию может только твердая позиция стран Запада и арабских режимов, которые должны прекратить заигрывания с исламистами и определить стратегические задачи развития для региона.

НИКАБ И КАЛАШНИКОВ — ДЖИХАД ПО-ЖЕНСКИ¹

Мирна Набхан

После событий арабской весны положение женщин в Сирии обострилось катастрофическим образом.

Сегодня примерно в четверти семей беженцев главой стала женщина, в связи с чем правозащитные организации бьют тревогу и говорят о том, что эти вынужденные оставить свои дома люди стали одним из самых уязвимых слоев населения. Торговля и эксплуатация, жестокое обращение и сексуальные домогательства — все это стало частью жизни женщин.

Изнасилования, похищения и получившие распространение «временные браки» (их единственная цель — оправдать сексуальное насилие с точки зрения религии) воспринимаются уже как обычное дело, что не может не вызывать беспокойство. В этой стране, где уже почти четыре года бушует вооруженный конфликт, женщин унижают не только в сексуальном, но и в символическом плане, в первую очередь в зонах, которые находятся под контролем Исламского государства. В Ракке, оплоте самопровозглашенного халифата, эта радикальная экстремистская группа ставит перед женщинами жесточайшие ограничения, которые нарушают все их свободы и не имеют ни малейшего обоснования с точки зрения сирийского права.

Хотя в уголовном кодексе страны, а также законах о личном статусе (они относятся к таким вопросам как брак или наследование) содержатся дискриминационные статьи, сирийская конституция все же гарантирует равенство полов. Женщины всегда играли активную роль в общественной жизни, что было одним из главных достоинств сирийского общества. Однако так называемое Исламское государство уверено, что женщинам нет места на публике, что их должно быть не видно и не слышно. Для этого радикалы ИГ добиваются неукоснительного следования их собственному пониманию шариата и устанавливают средневековые правила, которые напрямую отражаются на повседневной жизни женщин и девочек, их возможности учиться,

работать и даже свободно перемещаться. После того как город оказался в их руках, они заставили женщин следовать жестким правилам в одежде: теперь они могут выйти на улицу только в никабе и обязательно в сопровождении родственника-мужчины. Несогласных ловят и наказывают. Тысячам сирийских женщин приходится мириться с этими обскурантистскими ограничениями, однако некоторые добровольно ставят их перед собой. Они вступают в ряды ИГ, где появился даже один полностью женский отряд, который активно занимается утверждением подобных ретроградских запретов.

ЗА ВУАЛЬЮ ИСЛАМИСТОК

Бригада «Аль-Ханса» (названа так в честь одной из величайших поэтесс арабского мира) насчитывает примерно 50 бойцов и была изначально сформирована для проверки женщин на блокпостах ИГ. Ее активисткам, разумеется, выделены собственные помещения, чтобы тем самым избежать смешения полов. Они молоды, отличаются самым разным этническим и общественным происхождением, умеют обращаться с оружием и представляют собой настоящую полицию нравов, которая патрулирует улицы Ракки и жестоко наказывает всех несогласных с распоряжениями ИГ.

Девушки записываются в ряды этой бригады по большей части по тем же соображениям, что и мужчины. Некоторых влечет возможность заработать, потому что «Аль-Ханса» дает им средства для существования, примерно 200 долларов в месяц (существенная сумма для современной Сирии). Некоторые решили взять в руки оружие, чтобы защитить себя: они больше не хотят оставаться потенциальными жертвами конфликта, где изнасилование давно уже стало эффективным оружием. А кто-то идет из искренних убеждений, потому что разделяет идеологию ИГ и стремится послужить «умме», наказав «предателей» ислама.

Сегодня их прерогативы меняются в зависимости от обстоятельств и стратегии террористической организации. Присутствие женщин в вооруженных отрядах ИГ может показать-

¹ Источник: http://www.huffingtonpost.fr/myrna-nabhan/role-femmes-etat-islamique_b_5994028.html?utm_hp_ref=fr-international

ся несоответствующим принятой в движении логике фундаменталистского ислама, однако ИГ — не просто международная террористическая группа религиозных фанатиков, варваров и женоненавистников, которые лишь стремятся притеснить женщин. Исламское государство — политическая сила с прицелом на международный уровень, и она говорит о себе как о социальном движении с опорой на общественную модель, которую разделяет существенная часть населения, в том числе и немала доля женщин.

ФЕМИНИЗАЦИЯ УЛЬТРАРАДИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Формирование этой бригады свидетельствует об изменении роли женщин в исламистском движении и появлении нового интереса к ним. Теперь женщины получили доступ к власти, потому что насилие является одним из ее проявлений. В связи с ультраконсервативной структурой террористического движения женщины обычно не имеют совсем никакой власти, и поэтому предоставление минимума этой самой власти некоторым из них создает раскол в их рядах и нейтрализует протест. Иначе говоря, гнев угнетенных уже не направлен исключительно на установленную мужчинами патриархальную структуру, а охватывает и других женщин.

Когда женщины начинают играть более активную роль в вооруженной борьбе, это порождает процесс «женской эмансипации» в экстремистском движении. В социальных сетях многие из них называют себя сильными женщинами, насмехаются над стереотипами об «угнетенной мусульманской женщине» и громогласно расхваливают новую «женскую силу джихада», которая, как ни парадоксально, утверждается в ущерб другим мусульманкам. Их заявления привлекают все большее число сторонниц, которые пишут о стремлении уехать на подконтрольную ИГ территорию. Сегодня они играют важную роль в наборе новых сторонников, потому что теперь более 80% вербовки идет через интернет. В прошлом «Аль-Каида» уже пыталась задействовать женщин и привлечь внимание к джихаду с помощью сетевых женских журналов. Там вперемешку со статьями о красоте и декоре встречаются интервью с вдовами исламистов, отрывки из «тайного дневника исламистки» и советы о том, как найти себе в мужа исламиста. Цель такого журнала —

вовлечь женщин в «войну с врагами ислама», потому что джихад — не дело одних лишь мужчин. Женщины тоже должны внести свою лепту, поддерживая взявших в руки оружие мужей, братьев и отцов, воспитывая юные поколения в духе «священной войны».

Сегодня женский джихад лишь продолжает набирать обороты, и мы видим все растущий приток девушек и женщин из других государств, которые стремятся отправиться в Сирию, потому что им забили голову фантазиями и идеалистическими представлениями. Хотя некоторым из них действительно удается попасть в «Аль-Хансу», большинству приходится довольствоваться вторыми ролями вроде логистики, медицинской помощи, хозяйства и воспитания детей. В эту террористическую организацию вливаются женщины из самых разных стран и слоев общества, и движут ими зачастую непохожие мотивы. Многие из них хотят сбросить с себя «давление» культуры, семьи и религии. Одни отправляются из гуманитарных соображений. Другие хотят защищать идеологию ИГ. Третьи едут на сирийский фронт вместе с мужьями-исламистами или же хотят выйти за муж за одного из бойцов. Как бы то ни было, единственный путь в «халифат» для них — это замужество, и поэтому им нужно получить обещание жениться от кого-то из находящихся там исламистов, если они еще не состоят в браке с кем-то из них. В настоящий момент исламистская иммиграция приобретает все более «семейные формы». Целые семьи отправляются путь с намерением пустить глубокие корни в Леванте, что создает серьезную угрозу для сирийского общества. Сначала в ИГ не хотели участия женщин, однако они совершенно необходимы для формирования государства, так как без них оно просто не может существовать. Феминизация исламистского движения создает образ добровольного участия в борьбе всех слоев общества и представляет собой важнейший элемент пропаганды организации, в которой два пола, быть может, и дополняют друг друга, но уж никак не равны.

Участие женщин в радикальных движениях не стало чем-то новым и беспрецедентным, однако их приобщение к насилию и агрессии неизменно вызывает шок. Война воспринимается как удел мужчин, где женщинам не находится места за исключением разве что роли пассивных жертв. Причина тому кроется в упрощенческом представлении женской природы, которую

связывают с пацифизмом, неспособностью к кровопролитию, необходимостью в защите и неприятии насилия. Как бы то ни было, история говорит нам, что женщины тоже сыграли заметную роль в вооруженных конфликтах, а иногда даже выступали в них на первых ролях, переступив порог вооруженной агрессии. Однако существование участвующих в вооруженных столкновениях женщин никак не отменяет того факта, что подавляющее большинство из

них все еще остаются жертвами войны. Повеление молодых исламисток в джихаде на Ближнем Востоке привлекает к себе такое внимание СМИ, потому что противоречит дихотомии мужчины и женщины и поднимает вопросы насчет разделения ролей полов в военное время. Война и насилие — удел не пола, а конкретных людей, а у мужчин нет монопольного права на слова «палач» и «мучитель», у которых легко может быть и женский род..

США РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ К ВРАТАМ АДА¹

Питер Ли

Я полагаю, что президент Обама обмолвился об основной стратегии США при работе с повстанцами ИГ в Ираке и Сирии, когда заявил, что цель США состоит в том, чтобы свести ИГ к «управляемой проблеме».

И поскольку ужасные последствия этого явного подтверждения постоянного присутствия для этого транснационального, халифата, который с удовольствием режет головы, дошли до него, вице-президент Джо Байден был отправлен устранять ущерб с гиперболизированным заявлением, что США будут преследовать ИГ «до самых врат ада».

Что ж, сказать по правде, войти во врата ада и тщательно разбираться с хаосом, созданным на Ближнем Востоке – вероятно, единственное, что Соединённым Штатам не очень-то хочется делать.

Одна из нелепостей нынешней ситуации в том, что пока США приклеивали ярлык «Гитлера Месяца» целому ряду своих соперников – Саддому Хусейну, Муаммару Каддафи, Ким Чен Ёну, Башару аль-Асаду, Владимиру Путину – кажется, они не хотели и были не в состоянии так же охарактеризовать самую что ни на есть гитлеровскую силу из возникших в последние годы, Халифат ИГ.

Халифат ИГ – экспансионистская, агрессивная, нетерпимая угроза, угроза уничтожения народов и государств региона.

Если бы Совет Безопасности ООН собрался, чтобы приложить поистине транснациональные усилия, направленные против ИГ, то сделал бы как раз то, для чего изначально и был задуман в конце Второй Мировой Войны.

Сюда бы также входила интенсивная операция против повстанцев в Ираке и Сирии против таких группировок, как «Пробуждения Анбар», которая – хотя на это почти не обращали внимание – была подготовкой к противоборству в местном понимании, и с ликвидацией эскадрона смерти JSOC, активов Аль-Каиды в провинции Анбар, плюс большие финансовые субсидии, чтобы обеспечить занятость и исключить из игры потенциальных боевиков и сторонников Аль-Каиды. Нынешний

аналог состоял бы в том, чтобы объединиться с Башаром Асадом в Сирии, саудовскими и турецкими военными и, будем надеяться, некоторыми отзывчивыми шейхами в суннитском Ираке, чтобы загнать ИГ в нору.

Но мы этого не добьёмся. С одной стороны, США и Британия уже заявили, что не станут работать с Асадом при планировании своих воздушных ударов по ИГ в Сирии, поскольку «нам он (Асад) не нравится» – вполне достаточное обоснование для того, чтобы пренебречь суверенитетом Сирии.

Как одобрительно сказал нам Ян Блэк в убедительной хронике неолиберального недомыслия, «Гардиан»:

«Прагматичный аргумент Запада для работы с президентом Сирии состоит в том, что война в тупике, и сотрудничество с ним жизненно необходимо перед лицом угрозы ИГИЛ...»

Обама и Кэмерон на это не купятся. Дополнительные аргументы, выдвинутые против привлечения Асада, сводятся к тому, что ему нельзя доверять и что помощь в подкрепление его позиций оттолкнет суннитов в Ираке и Сирии, чья поддержка необходима для борьбы с ИГИЛ. Говоря словами Надима Шехади, аналитика «Чэтэм-Хаус», к сирийскому лидеру доверия столько же, сколько к осуждённому поджигателю, предлагающему свои услуги в качестве пожарного».

Можно сказать, что работа с Асадом оттолкнёт суннитов, более властных и влиятельных, чем деятели местного масштаба в Ираке и Сирии, особенно лидеров Саудовской Аравии и Турции – они поставили значительный политический капитал на кампанию «Асад должен уйти» и ускорили соскальзывание Сирии в ад, питая конфликт деньгами, оружием и джихадистами.

США, тоже делавших ставку на свержение Асада, вероятно, не надо было долго убеждать, чтобы они отвергли предложение Асада о помощи.

А готовится и ещё более сомнительная игра.

Запад, по-видимому, решил поставить на переформатирование ранее крайне инертного и коррумпированного альянса против Асада вместо выработки *modus vivendi* с сирийским правительством.

Цинично и, боюсь, точно позицию США можно определить так: Асад побеждал Запад и Совет по

¹ Источник: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MID-01-090914.html

Сотрудничеству в Заливе в Сирии, но обескураживающий подъём ИГ перевернул шахматную доску. Теперь у США есть шанс войти, помочь установить эту доску, переставить фигуры в более приемлемую позицию... и добавить несколько своих фигур.

И я ожидаю, что шанс оставить всё это Асаду был решающим фактором при обсуждениях в Белом Доме, с учётом политической целесообразности для Америки осторожно ещё раз проверить градус ближневосточного пожара. Мир и стабильность на Ближнем Востоке могут быть для нас недостижимыми, но прибить Асада через четыре года обличений, санкций, анти-дипломатии и шельмования — это Победа! для отбивающейся от критики внешнеполитической команды, которая мало что ещё может показать за время, оставшееся до конца срока.

Деграция внешней политики президента Обамы во время второго срока в то, что я назвал бы идиотской неразберихой с реакциями пошиба с показом среднего пальца всем, от Китая до Украины, Газы и Ближнего Востока, не получила, как я полагаю, должного освещения со стороны армии американских журналов, вхожих в Вашингтон.

Очевидное объяснение — царствование Сьюзен Райс, советника по Национальной Безопасности, и то, что на неё первую пал выбор президента, но Бенгази отодвинуло её на второй план, и на этот пост оказался втиснутым Джон Керри. Оказалось, что Райс — воинственный, ориентированный на ближайшие цели политикан, и что она — никогда не думал, что скажу такое — заставляет меня с ностальгией вспоминать расчётливый оппортунизм Хиллари Клинтон.

Итак, вместо многонациональных усилий по выкорчёвыванию ИГ и, возможно, восстановления Сирии и Ирака до некоего подобия нормальности, мы получаем привычный альянс неолиберальных подозреваемых во главе с США и НАТО — «ключевую коалицию» христианских атлантистских держав плюс Турция — для продолжения реализации немногих пунктов плана, которые и ранее были недостижимы, и не сказать, что представляют собой предвестников возвращения стабильности на Ближнем Востоке.

Во-первых, НАТО, американский убийственно недееспособный европейский стратегический актив, вновь утверждён как глобальный партнёр США, как источник геополитических неприятностей, готовый повторить роль подручного в катастрофе, которую с таким энтузиазмом исполнил в Афганистане и Ливии.

Во-вторых, свержение Нури аль-Малики с поста премьер-министра Ирака, чей уход был так недвусмысленно связан с предоставлением военной поддержки США Ираку против ИГ, но, по видимому означает не более чем подтверждение для Саудовской Аравии, что США в Ираке не танцуют лишь под шиитско-иранскую музыку.

Малики теперь вице-президент нового иракского правительства, а премьер-министр — шиитская пустышка Хайдар аль-Абади. То, что удалось добиться ухода Малики, как предполагалось, ускорит появление анти-ИГИловского альянса иракских политиков-суннитов, но он должно ещё и материализоваться. Или, если верить «Рейтерс»:

«Самый высокопоставленный курдский политик перечислил задачи, в которые входит вывести суннитов из состояния вооружённого восстания, убедить курдов не откалываться и убедить шиитов Абади, что у него есть железное средство защитить их от боевиков, стремящихся к их уничтожению.

«Он должен осчастливить Малики. Он должен осчастливить шиитское религиозное руководство. Он должен осчастливить суннитов и развернуть их против ИГ. Он должен очень, очень нас осчастливить. Он должен осчастливить американцев, он должен осчастливить иранцев».

«Сможет ли он это сделать? Не думаю»...

Шейх Мохаммед Салех аль-Башари, 52-летний давний лидер суннитских анти-правительственных демонстраций, которого Малики пытался сокрушить в прошлом году, сказал, что Абади должен дистанцироваться от своего предшественника.

«Абади должен дать суннитам почувствовать, что они — полноправные граждане, в отличие от Малики, который заставлял их чувствовать, что они не являются частью страны».

Он сказал, что Абади не удастся поладить с суннитами, если только он не расформирует шиитское ополчение, которому Малики сначала противостоял, но в прошлом году всё больше полагался на него для защиты иракских городов, когда армия показала свою недееспособность.

«Малики был сильнее, и не смог это сделать», — сказал Башари, добавив, что сунниты никогда не станут бороться против ИГ, пока считают суннитских исламских боевиков защитниками от шиитских ополченцев.

«Племена никогда не будут сражаться против любой группировки, которая защищает их города, в том числе и ИГ».

На мой взгляд, неподходящее время для того, чтобы США могли получить золотую звезду «Ирак – Мы сделали это!».

В-третьих, возобновлённые усилия по использованию анти-ИГИловской кампании для реконструирования и усиления анти-асадовской оппозиции без помощи Асаду.

Задача номер один: использовать угрозу ИГ, чтобы вынудить сирийских курдов – эффективные региональные силы ополчения, которые пока продемонстрировали мудрый отказ от участия в мутном анти-асадовском крестовом походе, присоединиться к Свободной Сирийской Армии, а вместо этого сконцентрировались на обеспечении безопасности своей этнической твердыни. Согласно «Рейтерс», если говорить о большой стратегии, по которой спланирован тест-драйв совместной операции к северу от Алеппо:

«Борьба против ИГ может, в конце концов, закончиться победой сирийских курдов с западной помощью, которой они искали, но они должны сначала проявить своё отношение к президенту Башару аль-Асаду и уверить Турцию, что не будут создавать проблем на границе...

Частично план состоял в том, чтобы усилить поддержку умеренных групп арабов-суннитов, сражающихся и против Асада, и против ИГ. Курды говорят, что сотрудничают с теми же группами, в частности, в борьбе за территорию к северу от Алеппо...

Для проведения такой операции сирийские курды и умеренные арабы-сунниты должны устранить подозрения относительно целей друг друга. Алеппо может стать проверкой. Продвижение ИГ на территорию к северу от города угрожает маршрутам снабжения других суннитских группировок и представляет опасность для курдских интересов в городе Африн и в других местах»

С другой стороны, не думаю, что мы увидим помощь США в восстановлении контроля сирийского правительства над ключевой провинциальной столицей Рэгга и скором изгнании боевиков ИГ с авиабазы Такба.

Можно ли с уверенностью сказать, что США в ударе по ИГ могут серьёзно рассчитывать на «умеренную сирийскую оппозицию», а не на Асада, чтобы захватить и удержать территорию, которую оставит ИГ? Могут ли авиаудары и обещания поддержки и американского оружия быть срежиссированы так, чтобы достичь перехода боевиков Свободной сирийской армии, мало отличающихся от ИГ, в ряды «коалиции умеренных»? Может ли война против ИГ вестись при требова-

ниях ухода Асада и установления «правительства национального единства» в Дамаске за счёт американской помощи?

Другими словами, масса занятий для рвущихся в дело, но не слишком искушённых американских специалистов по Ближнему Востоку, ведь некоторые три десятка лет вели кампанию под знаменем «На этот раз мы всё сделаем правильно» (альтернативный лозунг – «Нет плохой политики, только плохие клиенты» и «Если сомневаешься, ставь процесс выше результата»).

Конечно, Асад не станет просто стоять в стороне, как и его союзники, Россия и Хезболла. И, если планы США по Сирии связаны с Ираном, который бросит Асада к чёрту ради ядерного соглашения, так этого не будет. Моя любимая метафора – США пытаются сыграть сирийскую мелодию смены режима на пианино, выбрасывая его из окна. Я ожидаю грохота, воплей и ужаса, но никак не прекрасной музыки.

В попытке объяснить роль США/Турции/курдов в подъёме ИГ и оправдать отказ протянуть руку Асаду, в западной прессе было написано много чепухи, вроде того что «Асад позволил разрастись угрозе ИГ». На деле Асад занимался исключительно борьбой с поддержанным извне мятежом, который США, Саудовская Аравия и Турция устроили после мирного внутреннего демократического движения и злополучного восстания оппозиции во главе с Братьями-мусульманами, которому не удалось достичь смены режима.

В своё время я писал о попытке Асада закрыть тему сирийского восстания (при поддержке России и Китая), сокрушив сопротивление в Хомсе, вроде Тяньаньмынь, в феврале 2012 и затем предложив парламентские выборы. США и их приятели постарались, чтобы такого не произошло, и открыли двери аду, наступившему (и продолжающемуся) в Сирии уже более двух лет.

Из «China Matters» 16 мая 2012:

Сирия: Эта страна отправляется прямо в ад, или куда-то ещё?

Ещё в феврале я писал о китайской дипломатической инициативе по Сирии, которая теперь во многом составляет мирный план Аннана. В то время я отмечал, что у китайского плана есть шанс, пусть и малый, ведь при всех громких словах со стороны стран Залива, Турции, ЕС и Запада, никто, видимо, не жаждет выступить первым и снести режим Асада.

Просто взорвать режим Асада назло Ирану, может быть и казалось легко, но этого не случилось.

Турция уже обеспечивает безопасное убежище Свободной Сирийской армии, но пока не дала ей волю. Западный Ирак доведён до кипения доктринёрством суннитских ополченцев, жаждущих обрушить его на режим алавитов, а Катар вроде бы заложил основу, чтобы безработные ливийские боевики нашли себе прибыльное занятие, сражаясь на стороне оппозиции в Сирии, но полный кровавый хаос ещё впереди.

Тот факт, что Алеппо и Дамаск пережили лишь два взрыва автомобилей, есть признак ограниченных возможностей ваххабитов и может быть показателем того, что приверженность Совета по Сотрудничеству в Заливе к свержению Асада не столь уж абсолютна.

Конечно, недавно Дамаск пережил взрывы машин с 1000 кг взрывчатки и такой же теракт был предотвращён правительственной службой безопасности в Алеппо.

И сегодня вот что мы читаем в «Washington Post»:

«Сирийские повстанцы, борющиеся с режимом президента Башара аль-Асада, начали в последние недели получать всё большее количество более совершенного вооружения; по данным оппозиционных активистов и официальных лиц США и других стран... эти усилия оплачены странами Персидского Залива и частично координированы США.

Эти вооружения складываются в Дамаске, в Идлибе у турецкой границы и в Забадани на ливанской границе. Активисты оппозиции, которые два месяца назад говорили, что у повстанцев не хватает снаряжения — основная часть его всё ещё покупается на чёрном рынке в соседних странах или у членов сирийского ополчения — теперь утверждают, что поставки его значительно увеличились после решения Саудовской Аравии, Катара и других государств Залива обеспечить миллионы долларов финансирования ежемесячно».

Сирийское Братство мусульман заявило, что открыло свои каналы поставок для повстанцев, используя ресурсы состоятельных предпринимателей и деньги государств Залива, в том числе Саудовской Аравии и Катара, как утверждает Мулла аль-Дроби, член исполнительного комитета сообщества Братьев мусульман.

Новые поставки положили конец неудачам повстанцев на протяжении нескольких месяцев, когда они были вынуждены уйти из крепости Баба Амр вблизи Хомса и из многих других районов в Идлибе и других местах.

«Прошли большие поставки», — сказал ещё

один оппозиционер. — «Некоторые районы забыты оружием».

Эффект новых поставок вооружений стал очевиден при столкновении в понедельник между оппозицией и правительственными силами за контроль над удерживаемым боевиками городом Растан вблизи Хомса. Базирующаяся в Британии Сирийская наблюдательная группа по правам человека заявила, что повстанцы, которые захватившие правительственные базы, убили 23 солдат».

Чудесный способ достичь прекращения огня.

Простейшее объяснение состоит в том, что США и страны Залива решили вбить кол в самое сердце хрупкого состояния прекращения огня, и дать Сирии запылать как следует, и чёрт с ними, с последствиями.

Это соответствовало бы почти всеобщему желанию покончить с Асадом, при этом воспользовавшись сопутствующей выгодой, учинив показательную публичную порку за китайские усилия направить политический ближневосточный процесс таким образом, который никак не устраивает США и Саудовскую Аравию.

Это самое вероятное объяснение.

Однако неразборчивость администрации Обамы относительно неконтролируемого режимом коллапса Сирии, направляемого фанатичными исламскими боевиками и Братством мусульман вместо приятных прозападных либеральных интеллектуалов, по-видимому, стала более неприкрытой после взрывов автомобилей в Дамаске.

Итак, я думаю, не станет ли эта статья чем-то по сути своей вроде подталкивания Саудовской Аравией к усилению неизбежного сирийского Армагеддона, питаемого помощью стран Залива, и, следовательно, стимулированием администрации Обамы к отказу от мирного процесса, да и вообще от идеи управляемого процесса, и пусть восстание идёт своим курсом... и, конечно, к взятию ответственности за ведение дел с Сирией или тем, что от нее останется, когда Асад уйдёт.

По мне готовым параграфом было:

«Официальные лица в регионе заявили, что основной озабоченностью Турции является позиция США и то, будут ли они и другие поддерживать вооруженную защиту зоны безопасности вдоль границы, или другие варианты, которые уже обсуждались.

Возглавляемые суннитами государства Залива, которые считали бы падение Асада ударом по шиитскому Ирану, такую помощь приветствовали бы, но предпочли бы более симметричный подход. Один из представителей Залива описал

постепенную эволюцию администрации Обамы от первоначального отказа рассматривать любые действия вне политический реалий до нынешней позиции где-то между «вот что нам надо сделать» и «мы делаем вот это».

«Самые разные люди надеются, что США будут наращивать усилия по подрыву или конфронтации с сирийским режимом», - сказал представитель Залива. - «Мы хотим, чтобы они прогнали Асада».

Не совсем то, что рисует мужество контрреволюционных королей, шейхов и эмиров Аравийского полуострова.

Я больше чем уверен, что государства Залива сами могли бы скинуть Асада, хотя и руками марионеток, потратив несколько миллионов долларов.

Так что вопрос тут главным образом в бесхарактерности Совета по Сотрудничеству в Заливе и в попытке подсадить Соединённые Штаты на разборки с сирийской неразберихой, когда Асад окажется в изгнании в России, будет повешен на люстре или что ещё...

Я думаю, стоит отметить, что тогда всё число жертв в Сирии было где-то от 2 до 3 тысяч. Ещё через пару лет их стало более 200 000.

Если в очередной раз упомянуть о дефиците мужества на Ближнем Востоке, то в сегодняшних действиях подозрительно отсутствуют (как и два года назад) две основные региональные державы, чьё активное военное участие было бы весьма полезно для разрушения ИГ – это Саудовская Аравия и Турция.

Саудовские деньги и турецкие убежища были основным условием успеха ИГ. Обе страны, публично и резко критикуя ИГ, отлично знают о последствиях, к которым приведут подлинные и всё более энергичные действия против ИГ.

Тылы ИГ – и со стороны его убежищ Турции, и со стороны тылов линии фронта в северной Сирии – оказались бы весьма уязвимыми для турецкого нападения.

Однако Турция застряла в проблеме 46 турецких заложников, захваченных ИГ в Мосуле. Турецкое правительство организовало запрет на обсуждение в национальной прессе заложников, многие из которых являются работниками консульства Турции, но кажется вполне вероятным, что опасность в том, что «покатятся головы», если Турция предпримет агрессивные шаги против ИГ. Даже при том, что США бомбили позиции ИГ в Ираке, турецкое правительство было крайне встревожено и объявило, что самолёты взлетали не с базы НАТО в Турции, в Инкирликке.

Интересно ещё и то, что ИГ захватило пре-

красный мавзолей Сулейман-Шаха. По затейливому капризу истории и согласно договорённости, Турция объявляет окрестности мавзолея «эксклавом», этот термин мне ранее был незнаком. Первоначальное место захоронения было затоплено водами озера Асад, когда в 1973 году было завершено строительство плотины Такба; перенесённое захоронение лежит в 20 милях за границей Турции в Сирии и охраняется турецкими войсками.

Пока со скрипом рождалась анти-ИГИловская коалиция, ИГ угрожала разрушить захоронение, что положило бы конец нео-оттоманским претензиям на региональную гегемонию, чем забавляется нынешнее турецкое правительство и, могу себе представить, добавляет проблем захваченным турецким заложникам. (Поскольку любую ситуацию на Ближнем Востоке невозможно рассматривать без некоей иронии, то просочились сведения о телефонном разговоре в марте 2014, раскрывшем, что тогдашний турецкий премьер-министр Реджеп Эрдоган, когда он столь же стремился вторгнуться в Сирию, сколь сегодня жаждет отстраниться от этого, рассматривал возможность проведения операции под чужим флагом ради оправдания турецкого военного нашествия.)

«Рейтерс» о турецком «затруднении» с ИГ:

«С уважением к затруднениям Турции, Вашингтон стремится к тому, чтобы Анкара сосредоточилась на прекращении потока иностранных боевиков, в том числе множества граждан США и Западной Европы, которые переходят её территорию для того, чтобы присоединиться к борьбе в Сирии.

«Все понимают, что турки – особый случай», – сказал представитель США на условиях анонимности, намекая на безопасность турецких заложников и нежелание одного из соседей атаковать другого из-за опасений возмездия.

«Турция никогда не будет частью коалиции, но что это значит? Не многого стоит повесить флаг на стену».

Поддержанная турецкой робостью, фирменная пассивность Саудовской Аравии это нечто противоположное открытому и честному противостоянию силам ваххабитским джихада.

А что до того, что именно Саудовская Аравия, в противоположность Асаду, может принести на вечеринку (за исключением военных активы вроде 300 боевых самолётов, 315 танков, восьми артиллерийских батальонов и трёх бронетанковых бригад), саудовское мнение в «NewYork Times» говорит нам, что это - незримая мощь саудовско-аравийской теологической законности:

«Саудовская Аравия – единственная власть в регионе, обладающая силой и законностью для свержения ИГИЛ. Эффективно истребив аль-Каиду в королевстве, саудовское правительство с его опытом борьбы с терроризмом, однозначно настроено разобраться с ИГИЛ, в конце концов, это связанная с Аль-Каидой организация. Королевство разработало впечатляющую контр-террористическую стратегию, и его стратегия считается одной из самых продуманных и эффективных в мире.

Что ещё более важно, саудовское руководство обладает уникальной формой религиозной надёжности и законности, что делает его намного более эффективным, чем другие правительства, в деле легитимизации чудовищной террористической идеологии ИГИЛ. Послание мусульманскому и арабскому миру, поскольку саудовская Аравия воспринимает их, как в корне отличных от ИГИЛ – и намного более предпочтительных – это послание на случай, если США поступают так, особенно с учётом хроники недавних провалов Америки на Ближнем Востоке».

Это мнение, по-видимому, говорит о том, что Саудовская Аравия видит свою главную роль в борьбе в качестве дирижёра анти-ИГИловских выпадов во время пятничных проповедей из уст заказных клерикалов, а смять потом лишённых легитимности, изолированных и деморализованных террористов ИГ - работа Запада.

Если учесть, что основная тактика Саудовской Аравии в отношении терроризма заключается в попытках экспортировать его и его участников за пределы королевства, то способность противостоять ИГ в Ираке и Сирии до последнего при неотразимой мощи салафитской ортодоксальности – вопрос открытый.

Ссора, которой, по моему мнению, добивается Саудовская Аравия с огромным рвением – это усилия по очернению регионального соперника, Катара, с помощью обвинений его в поддержке ИГ. По моим оценкам, ИГ и Саудовская Аравия разделяют фанатичную салафитскую ориентацию, а Катар поддерживал и дипломатическими средствами, и через «Аль-Джазиру», соперничающую форму модернизированного политического ислама, Братьев-мусульман, которых Саудовская Аравия считает угрозой своему теократическому правлению и вытесняет их из власти в Ливии, Египте и от руководства сирийской оппозицией, поэтому я воспринимаю такое утверждение весьма скептически.

Можно с уверенностью сказать, что кампания против ИГ не будет включать в себя признание

законности режима Асада и его власти в Сирии, не говоря уж о попытках США, Саудовской Аравии и Турции скорректировать ужасающие региональные и гуманитарные последствия их безответственной политики по смене режима в Сирии и Ираке. США, Саудовская Аравия, Турция и различные рыбы-прилипалы, которые следуют политике Запада/Совета по Сотрудничеству в Заливе, будут проводить тройственную игру: ослабление ИГ, поиск способов усиления ССА (Свободной Сирийской Армии) с помощью сколоченного Соединёнными Штатами альянса и лишение поддержки ИГ и укрепление позиции ССА – усиленной фанатичными боевиками, взамен ушедших в ИГ, и их более тесной поддержки и координации – с целью свержения Асада.

Вероятно, ИГ станет «управляемым», то есть будет считаться, что выкорчевать его невозможно, как и восстановить светские недискриминационные национальные правительства в суннитских районах Ирака и Сирии, – районах, которые в будущем могут стать чем-то другим, а не Халифатом ИГ, и будут названы «Архипелаг Джихада» – неологизм, который мне симпатичен в качестве фирменного.

К несчастью, основное оружие для управления ИГ, по-видимому, никак не оживление единства, решимости и «преследование до врат ада». Инструменты, которыми воспользуются – жадность, трусость и трусливый оппортунизм. Даже при американских воздушных, ракетных ударах и беспилотниках, это ненадёжный рецепт для достижения успеха.

Я бы сказал – удачи, но думаю, что народ Сирии заслуживает лучшего после двух с половиной лет джихадистского нашествия, устроенного США и Саудовской Аравией.

И последнее напоминание: чего хотят народы Сирии и Ирака – так это мира.

Ссылки:

1. *Bashar al-Assad's pitch for anti-Isis pact with west falls on closed ears, Guardian, September 4, 2014.*
2. *Congenial new Iraq leader wins allies, but no easy path to save nation, Reuters, September 8, 2014.*
3. *West widens contacts with Syria's Kurds but suspicion remains, Reuters, September 8, 2014.*
4. *Turkey may play quiet role in US. coalition against Islamic State, Reuters, September 5, 2014.*
5. *The Saudis Can Crush ISIS, New York Times, September 8, 2014.*

НЕЛЬЗЯ ПОНЯТЬ, ЧТО ТАКОЕ ИГИЛ, НЕ ЗНАЯ ИСТОРИЮ ВАХХАБИЗМА В САУДОВСКОЙ АРАВИИ¹

Крук А.

Драматическое появление группировки «Исламское государство» на иракской сцене шокировало многих на Западе. Многие ошеломлены – и напуганы – его жестокостью и его очевидной притягательностью для суннитской молодёжи. Но ещё больше они удивляются нерешительности Саудовской Аравии перед лицом этого проявления, как ставящей в тупик и необъяснимой, задаваясь вопросом – «неужели саудовцы не понимают, что IS угрожает и им?»

Похоже – особенно сейчас – что правящая элита Саудовской Аравии расколота. Некоторые аплодируют тому, что IS борется против «огня» иранских шиитов с помощью «огня» суннитов; тому, что новое суннитское государство обретает очертания в самом сердце того, что они считают историческим суннитским наследием; и их привлекает строгая салафитская идеология «Исламского государства».

Другие саудовцы больше встревожены и вспоминают историю восстания против Абд аль-Азиза, предпринятое ваххабистским «Братством» («Ихван») (здесь совпадение – это «Братство» не имеет ничего общего с «Братством» Братьев-мусульман – все дальнейшие упоминания в данной статье относятся к ваххабитскому «Братству», а не к «Братству» Братьев-мусульман), но который чуть не взорвал ваххабизм и аль-Саудов в конце 1920-х годов.

Многие саудовцы глубоко встревожены радикальными доктринами IS – и начинают ставить под вопрос некоторые стороны курса и дискурса Саудовской Аравии.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ САУДИТОВ

Внутренние несогласия и напряжённость в Саудовской Аравии по поводу IS можно понять, только поняв врождённую (и неизменную) двойственность, лежащую в основе создания доктрины Королевства и его исторических корней.

Одна из доминирующих составляющих нитей саудовской идентичности восходит напрямую к Мухаммаду ибн Абд аль-Ваххабу (основателю вахха-

бизма) и использованию его радикального пуританства избранных, к которому обратился Ибн Сауд. (Последний был тогда не более чем мелким князьком, в ряду многих других, постоянно соперничающих и совершающих набеги бедуинских племён отдалённых и отчаянно бедных пустынь Неджа).

Вторая составляющая нить этой запутанной двойственности связана именно с последующим движением короля Абд аль-Азиза в сторону государственности в 1920-х годах: его обуздание насилия «Ихвана» (для того, чтобы иметь дипломатический статус государства у Британии и Америки); институционализация им первоначального ваххабистского импульса – и то, что он впоследствии воспользовался своевременно забившим фонтаном нефтедолларов в 1970-х, чтобы направить плохо контролируемое движение «братьев» вовне, на экспорт – распространяя культурную революцию, вместо насильственных революций по мусульманскому миру.

Однако эта «культурная революция» не была послушным реформаторством. Это была революция, основанная на якобинской ненависти Абд аль-Ваххаба к моральному разложению и уклони́зму, как он его воспринимает – отсюда его призыв к очищению ислама от всех ересей и идолопоклонства.

МУСУЛЬМАНЕ-САМОЗВАНЦЫ

Американский писатель и журналист Стивен Колл писал, как Абд аль-Ваххаб, этот аскетичный и строгий последователь мудреца 14-го века Ибн Таймийи, презирал «благоприличную, претенциозную, курящую табак, употребляющую гашиш, бьющую в барабаны египетскую и османскую знать, которая путешествует через Аравию, чтобы помолиться в Мекке».

С точки зрения Абд аль-Ваххаба, они – не мусульмане; это самозванцы, притворяющиеся мусульманами. Само собой, немногим лучше он относился и к поведению местных арабов-бедуинов. Они злили Абд аль-Ваххаба тем, что почитали святых, воздвигали надгробья, а также своими «суевериями» (то есть почитанием могил или мест, которые считались особо проникнутыми божественностью).

¹ Источник: http://www.huffingtonpost.com/alastair-crooke/isis-wahhabism-saudi-arabia_b_5717157.html

Такое поведение Абд аль-Ваххаб осуждал как «бида» (новшество, ересь) – запрещённую Всевышним.

Как и Ибн Таймия до него, Абд аль-Ваххаб был убеждён, что период пребывания Пророка Мухаммеда в Медине – это идеал мусульманского общества («лучшее из времён»), которому все мусульмане должны стремиться подражать (это, по сути, и есть салафизм).

Ибн Таймия объявил войну шиизму, суфизму и греческой философии. Кроме того, он высказывался против паломничества к могиле пророка и празднования его дня рождения, заявляя, что такое поведение представляет собой лишь имитацию христианского культа Христа как Бога (то есть идолопоклонство). Абд аль-Ваххаб усвоил всё это раннее учение, заявляя, что за «любое сомнение или колебание» со стороны верующего в том, что касается его или её признания этой конкретной интерпретации Ислама, нужно «лишать человека неприкосновенности его имущества и его жизни».

Одним из основных принципов учения Абд аль-Ваххаба стала ключевая идея «такфира». Согласно учению такфиристов, Абд аль-Ваххаб и его последователи могли счесть собратьев-мусульман неверными, если те причастны к деятельности, которую так или иначе можно было бы назвать посягательством на суверенитет абсолютной власти (то есть короля). Абд аль-Ваххаб осудил всех мусульман, которые почитают умерших, святых или ангелов. Он считал, что такие чувства умаляют полное подчинение, которое нужно испытывать по отношению к Богу, и только к Богу. Таким образом, ваххабитский Ислам запрещает любую молитву святым и за умерших близких, паломничество к могилам и особым мечетям, религиозные праздники, чествование святых, празднование дня рождения пророка Мухаммеда, и даже запрещает воздвигать надгробия при погребении умерших.

Абд аль-Ваххаб требовал послушания – послушания, которое нужно демонстрировать физическими и моральными способами. Он утверждал, что «каждый мусульманин должен принести личную клятву в покорности единственному главе мусульман (халифу, если бы такой был). Те, кто не соответствует таким взглядам, должны быть убиты, их жёны и дочери отданы на поругание, а их имущество конфисковано», – писал он. Список отступников, заслуживающих смерти, включал шиитов, суфиев и представителей других мусульманских конфессий, которых Абд аль-Ваххаб вообще не считал мусульманами.

Здесь нет ничего, чтобы отличало ваххабизм от IS. Разрыв мог бы появиться только позднее: от последующей институционализации доктрины Абд аль-Ваххаба: «Один правитель, одна власть, одна мечеть» – эти три столпа принимаются соответственно для обозначения короля Саудовской Аравии, абсолютной власти официального ваххабизма и его контроля над «словом» (то есть мечетью).

Вот этот раскол: то, что IS отрицает все эти три столпа, на которых покоится сейчас вся суннитская власть, делает его, во всех других отношениях соответствующего ваххабизму, глубокой угрозой Саудовской Аравии.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ 1741-1818

Пропаганда Абд аль-Ваххабом столь ультра-радикальных взглядов неминуемо привела к его изгнанию из родного города – и в 1741 году, какое-то время по странствував, он нашёл убежище под покровительством Ибн Сауда и его племени. То, что воспринял Ибн-Сауд в новом учении Абд аль-Ваххаба – это способ нарушить арабскую традицию и соглашения. Это был путь к захвату власти.

Клан Ибн Сауда, восприняв учение Абд аль-Ваххаба, теперь мог делать то, что делал всегда, а именно – совершать набеги на соседние селения и грабить их имущество. Только теперь они делали это не в пределах рамок арабской традиции, а под знаменем джихада. Кроме того, Ибн Сауд и Абд аль-Ваххаб вновь ввели идею мученичества во имя джихада, поскольку она даровала мученикам немедленное попадание в рай.

Вначале они покорили несколько местных общин и установили над ними свою власть. (Покорённым жителям предоставляли ограниченный выбор: переход в ваххабизм или смерть). К 1790 году этот альянс контролировал большую часть Аравийского полуострова и неоднократно совершал набеги на Медину, Сирию и Ирак.

Их стратегией – как и стратегия IS сегодня – было приведение народов, с которыми они воевали, к покорности. Они стремились к тому, чтобы вселять страх. В 1801 году альянс напал на священный город Кербала в Ираке. Нападавшие убили тысячи шиитов, включая женщин и детей. Были разрушены многие шиитские святыни, включая гробницу имама Хусейна, убитого внука Пророка Мухаммеда.

Представитель Британии, лейтенант Фрэнсис Уорден, описывая положение в то время, писал: «Они

всю её (Кербалу) разграбили, разграбили могилу Хусейна... умертвили за этот день, с небывалой жестокостью, свыше пяти тысяч жителей...»

Осман ибн-Бишр Наджди, историк первого саудовского государства, писал, что Ибн Сауд устроил бойню в Кербале в 1801 году. Он горделиво описывает эту резню, заявляя: «Мы захватили Кербалу и убили и взяли (в качестве рабов) её жителей», хвала Аллаху, повелителю миров, и мы не раскаиваемся в этом и говорим: «неверующие – с вами будет то же».

Затем, в 1803 году, Абд аль-Азиз вошёл в священный город Мекку, сдавшуюся под влиянием ужаса и паники (та же участь должна была ждать и Медину). Последователи аль-Ваххаба снесли исторические памятники и все могилы и святыни в этих городах. В конце концов, они разрушили сотни памятников исламской архитектуры во круг Великой Мечети.

Но в ноябре 1803 года ассасин-шиит убил короля Абд аль-Азиза (отомстив за резню в Кербеле). Сын короля, Сауд бен Абд аль-Азиз, унаследовал трон и продолжил завоевание Аравии. Османские правители, однако, больше не могли сидеть, сложа руки и смотреть, как от их империи откусывают кусок за куском. В 1812 году османская армия, соединившись с египтянами, вышибла альянс из Медины, Джидды и Мекки. В 1814 году Сауд бен Абд аль-Азиз умер от лихорадки. Однако его несчастный сын Абдалла бен Сауд был увезён турками в Стамбул, где подвергнут жестокой казни (один путешественник сообщал из Стамбула, что видел, как его три дня унижали на улицах Стамбула, потом повесили и обезглавили, отрубленной головой выстрелили из пушки, а сердце вырезали и пригвоздили к телу).

В 1815 году войска ваххабитов были разгромлены египтянами (действующими по поручению османов) в решающей битве. В 1818 году османы захватили и разрушили ваххабитскую столицу Дарья. Первое саудовское государство прекратило существование. Немногие из оставшихся ваххабитов ушли в пустыню, чтобы залезть раны, и оставались там, не давая о себе знать, большую часть 19 века.

ИСТОРИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ С IS

Нетрудно представить, какие мысли образование группировки «Исламское государство» (ISIS) в современном Ираке могут вызвать среди тех, кто помнит эту историю. Конечно, дух ваххабизма 18-го века не полностью выветрился в пу-

стынях Неджда, а ворвался в жизнь, когда Оттоманская империя рухнула среди хаоса Первой Мировой войны.

Во главе Аль-Сауда – в этом ренессансе 20-го века – встал немногословный и политически проныцательный Абд аль-Азиз, который, объединив разрозненные бедуинские племена, дал жизнь саудовскому «Братству» в духе ранних сражающихся прозелитов Абд аль-Ваххаба и Ибн Сауда.

«Братство» было реинкарнацией раннего, жестокого, полунезависимого охранительного движения, предпринятого вооружёнными ваххабитскими «моралистами», которым чуть не удалось захватить Аравию в 1800-х годах. В той же манере, как и раньше, между 1914 и 1926 годами «Братство» снова захватило Мекку, Медину и Джидду. Однако Абд аль-Азиз начал чувствовать, что его более широким интересам начинает угрожать революционный «якобизм», демонстрируемый «Братством». «Братство» взбунтовалось – что привело к гражданской войне, длившейся до 1930-х годов, когда король с «братьями» и покончил – расстрелял их из пулемётов.

Для этого короля (Абд аль-Азиза), простые истины предыдущих десятилетий были разрушающими. На полуострове начали находить нефть. Британия и Америка обхаживали Абд аль-Азиза, но всё ещё склонялись к поддержке Шарифа Хусейна, как единственного законного правителя Аравии. Саудитам необходимо было выработать более изощрённую дипломатическую позицию.

Поэтому ваххабизм был насильственно преобразован из движения революционного джихада и теологического такфирского пуританства в движение консервативного социального, политического, теологического и религиозного «дауа» (исламского призыва), а также, чтобы узаконить институт, поддерживающий лояльность королевской фамилии Саудов и абсолютной власти короля.

НЕФТЯНОЕ БОГАТСТВО РАСПРОСТРАНЯЕТ ВАХХАБИЗМ

С открытием нефтяной сокровищницы, по словам французского учёного Жюль Кеппеля, целью саудитов стало «внедрение и распространение ваххабизма по всему мусульманскому миру... чтобы «ваххабизировать» Ислам, тем самым сведя «множество голосов внутри одной религии» к «единой вере» – движение, которое преодолевает рамки национальных различий. Миллиарды долларов инвестировались – и инвестируются – в это проявление «мягкой силы».

Именно эта пьянящая смесь миллиардов долларов на проецирование мягкой силы и готовности саудитов управлять Исламом суннитского толка находится и в дальнейших интересах Америки, и сочетается с одновременным проникновением ваххабизма в образовательную, социальную и культурную сферы по всем странам Ислама – что привело к появлению западной политической зависимости от Саудовской Аравии, зависимости, которая упрочилась со времени встречи Абд аль-Азиза с Рузвельтом на борту американского военного корабля (когда президент возвращался с Ялтинской конференции), и до сегодняшнего дня.

Люди Запада смотрели на королевство, и были ослеплены богатством, несомненной модернизацией, открыто заявляемым лидерством в исламском мире. Они предпочитали полагать, что королевство склоняется к императивам современной жизни – и что управление суннитским Исламом тоже будет склонять королевство к современной жизни.

Но подход саудовского «Братства» к Исламу не умер в 1930-х годах. Он отступил, но продолжает сохранять свою власть над частями системы – отсюда и двойственность, которая наблюдается сегодня в отношении Саудовской Аравии к ISIS.

С одной стороны ISIS – это чистый ваххабизм. С другой стороны, это крайний радикализм иного толка. В сущности, его можно рассматривать как коррекционное движение к современному ваххабизму.

ISIS – это движение «после Медины»: оно видит образец для подражания в действиях первых двух халифов, а не самого Пророка Мухаммеда, и яростно отрицает притязания саудитов на право управлять.

По мере того, как в нефтяную эпоху Саудовская монархия расцветала, становясь всё более надменной, обретало популярность обращение к посланию «Братства» (несмотря на кампанию по модернизации, объявленную королём Фейсалом). «Подход Братства» пользовался – и пользуется до сих пор поддержкой многих заметных фигур из числа шейхов. В некотором смысле, Осама Бен Ладен был как раз таким представителем позднего расцвета этого подхода в духе «Братства».

Сегодня подрыв ISIS легитимности королевской власти не выглядит проблематичным; это, скорее, возвращение к истинным истокам саудовско-ваххабитского проекта.

В совместном саудовско-западном управлении регионом с целью осуществления многих западных проектов (противодействие со-

циализму, баасизму, нассеризму, советскому и иранскому влиянию), западные политики подчёркивают избранные черты своего видения Саудовской Аравии (богатство, модернизация, влияние), но предпочитают не замечать импульс ваххабизма.

В конце концов, чем радикальнее были исламистские движения, тем в представлении западных спецслужб они были эффективнее в поражении СССР в Афганистане – и в борьбе против неугодных ближневосточных лидеров и государств.

Поэтому стоит ли удивляться, что из саудовско-западного мандата, выданного принцу Бандару на управление сирийским мятежом против президента Асада, возник передовой отряд насильственного, вселяющего страх движения в духе «нео-Братства» – ISIS? И почему нас – мало знающих о ваххабизме – должно удивлять, что «умеренные» повстанцы в Сирии стали более редким видом, чем мифический единорог? С чего мы могли вообразить, что радикальный ваххабизм создаст умеренных? Или с чего мы могли подумать, что доктрина «Один правитель, одна власть, одна мечеть: покоритесь, или умрёте» может в итоге привести к умеренности или терпимости?

Или, наверно, мы никогда об этом не задумывались.

* * *

ИГИЛ – несомненно, бомба замедленного действия в сердце Ближнего Востока. Но его разрушительная сила – не в том, что обычно по этим понимают.

Речь не идёт о «марше отрубленных голов», не об убийствах, захвате городов и деревень, не в ужесточении «правосудия» – несмотря на их ужас – если говорить о том, в чём их настоящая взрывная сила. Её потенциальная сила даже мощнее, чем растущая притягательность для молодых мусульман, огромный арсенал оружия и сотни миллионов долларов.

Её реальный потенциал уничтожения в другом – в подрыве Саудовской Аравии как фундаменте современного Ближнего Востока. Мы должны понимать, что Западу на самом деле почти нечего сейчас этому противопоставить, ему остаётся только сидеть и смотреть.

Ключ к её поистине взрывному потенциалу, как указал саудовский аналитик Фуад Ибрагим (чьи слова остались почти незамеченными либо их значение

почти полностью забыто), является преднамеренное и обдуманное использование ISIS в своей доктрине языка Абд аль-Ваххаба, основателя, вместе с Ибн Саудом, ваххабизма в 18-м веке и саудовского проекта:

Абу Омар аль-Багдади, первый «повелитель правоверных» в Исламском государстве Ирака, в 2006 году сформулировал, например, принципы своего предполагаемого государства... Среди его целей – распространение монотеизма «что есть цель [для которой были созданы люди] и [для которой они должны быть призваны] Ислама». Такой язык – точная калька с формулировок Абд аль-Ваххаба. И, что неудивительно, его сочинения и комментарии ваххабитов к его работам широко распространялись в районах, находящихся под контролем ISIS, и являются предметом коллективного обучения. Впоследствии Багдади с одобрением отметил: «поколение молодых людей проходит обучение, основанное на забытой доктрине верности и отречения».

А в чём состоит эта «забытая» традиция «верности и отречения»? Это доктрина Абд аль-Ваххаба, согласно которой вера в единого (для него антропоморфного) Бога – единственного, кто достоин поклонения – была сама по себе недостаточной, чтобы считать человека мусульманином?

Человек не может быть истинным верующим, если он, кроме того, не отрицает активно (и не разрушает) все другие предметы поклонения. Перечень таких возможных объектов поклонения, которые аль-Ваххаб клеймит как идолов, настолько велик, что почти все мусульмане рискуют попасть под его определение «неверных». Следовательно, они стоят перед выбором: либо согласиться с трактовкой Ислама аль-Ваххабом, либо быть убитыми, а их жёны, дети и имущество будут захвачены как трофеи джихада. Даже выражение сомнения в этой доктрине, как говорит аль-Ваххаб, должно караться смертью.

Момент, на который обращает внимание Фуад Ибрахим, по моему мнению, это не цель ещё раз подчеркнуть крайний редукционизм трактовки аль-Ваххаба, но намёк на нечто совершенно иное:

«Намеренно заговорив подлинным языком ваххабитов, ISIS сознательно поджигает запал к мощной региональной бомбе – такой, что имеет вполне реальные шансы взорваться и, если это произойдёт, кардинально изменить Ближний Восток».

Именно для этого была взята такая идеалистическая, пуританская, прозелитическая формулировка аль-Ваххаба, который был «отцом» всего саудовского «проекта» (того, который был насильственно подавлен османами в 1818 году, но эффектно воскрес в 1920-х, чтобы превратиться в Королевство Саудов,

известное нам сегодня). Но со времени его воскрешения в 1920-х, саудовский проект всегда нёс в себе этот «ген» саморазрушения.

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ САУДОВСКИЙ ХВОСТ СТАЛ ВЛИЯТЬ БРИТАНИЕЙ И США

Как ни парадоксально, но внедрить этот ген в новое государство помог британский чиновник-отщепенец. Британским представителем, прикомандированным к Азизу, был некий Гарри Сент-Джон Филби (отец сотрудника МИ-6, шпионившего в пользу советского КГБ, Кима Филби). Он превратился в ближайшего советника короля Абд аль-Азиза, подал в отставку с британской службы и до самой своей смерти был важнейшей фигурой при дворе правителя. Он, как и Лоуренс Аравийский, был специалистом по Аравии. Кроме того, он перешёл в ваххабистский Ислам и стал известен как Шейх Абдалла.

Сент-Джон Филби был человеком дела: он решил сделать своего друга, Абд аль-Азиза, правителем Аравии. Само собой, ясно, что при продвижении своих амбиций он не действовал по официальным инструкциям. Когда, например, он поощрял короля Азиза к экспансии в северный Неджд, ему было отказано. Но (как отмечает американский автор, Стивен Шварц), Азизу было хорошо известно, что Британия неоднократно заявляла, что поражение османов приведёт к созданию арабского государства, а это, несомненно, вдохновляло Филби и Азиза к этому стремиться, дабы последний стал правителем нового государства.

В точности неизвестно, что произошло между Филби и руководством (детали, похоже, так или иначе были скрыты), но оказалось, что представления Филби не имеют общего с государственным строительством обычными способами; речь зашла о превращении более широкой исламской уммы (сообществ правоверных) в инструмент ваххабизма, с целью закрепления аль-Саудов как лидеров Аравии. И, чтобы это произошло, Азизу нужно было британское молчание (и, много позже, американское одобрение). «Это был собственный гамбит, разыгранный Абд аль-Азизом, с помощью советов Филби», – отмечает Шварц.

БРИТАНСКИЙ КРЁСТНЫЙ ОТЕЦ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

В каком-то смысле Филби можно назвать «крёстным отцом» этого знаменательного пак-

та, по которому саудовское руководство будет использовать своё влияние, чтобы «управлять» суннитским Исламом в западных интересах (сдерживание социализма, баасизма, нассеризма, советского влияния и т.п.) – а Запад, в свою очередь, согласится на саудовскую ваххабизацию исламской уммы с помощью «мягкой силы» (с сопутствующим уничтожением интеллектуальных традиций Ислама, его разнообразия, сея глубокие разногласия внутри мусульманского мира).

В результате – с тех пор и до сего времени – британская и американская политика связана с целями Саудов (так же тесно, как и с собственными), и очень сильно зависит от Саудовской Аравии в отношении направления проводимого ими курса на Ближнем Востоке.

С политической и финансовой точки зрения, стратегия Сауда-Филби имела удивительный успех. Но корни её всегда были в британской и американской интеллектуальной тупости: в отказе видеть опасный «ген» в ваххабитском проекте – скрытый потенциал его одномоментной мутации в первоначальный кровавый пуританский штамм. Так или иначе, как раз это и произошло: это ИГИЛ.

Однако завоевание одобрения со стороны Запада (и продолжающегося западного одобрения) потребовало изменения модели: «проект» нужно было превратить из вооружённого, прозелитического исламистского движения в нечто похожее на государственность. Это не могло произойти легко из-за внутренних противоречий (пуританская мораль против «реальной политики» и денег) – и по прошествии времени проблемы уступок «современности», которых требует государственность, заставили «ген» стать скорее более активным, чем пассивным.

Даже сам Абд аль-Азиз столкнулся с аллергической реакцией: в виде серьёзного мятежа своих собственных ваххабитских вооружённых формирования, саудовского «Братства». Когда экспансия «Братства» достигла границ территорий, контролируемых Британией, Абд аль-Азиз попытался сдержать своих боевиков (Филби убеждал его искать покровительства Британии), но члены «Братства», уже критиковавшие его за использование современных технологий (телефон, телеграф и пулемёты), «были возмущены отказом от джихада по причине проведения принятой в мире «реальной политики»... Они отказались сложить оружие и вместо этого восстали против короля... После ряда кровавых столкновений в 1929 году они

были разгромлены. Члены «Братства», оставшиеся лояльными, позднее влились в [саудовскую] Национальную гвардию».

Сауд, сын и наследник Абд аль-Азиза, столкнулся с другой формой реакции (менее кровавой, но более действенной). Сын Азиза был смещён с трона религиозным истеблишментом – в пользу его брата Фейсала – из-за своего вызывающе экстравагантного поведения. Его хвастливая расточительность и показная роскошь оскорбляла религиозные официальные слои, ожидавшие от «имама мусульман» благочестивого, подобающего верующим, стиля жизни.

Король Фейсал, преемник Сауда, в свою очередь, был застрелен своим племянником в 1975 году, который явился в суд якобы для принесения присяги, но вместо этого вытащил пистолет и выстрелил королю в голову. Племянник был возмущён распространением западных взглядов и новшеств в ваххабитском обществе, в ущерб изначальным идеям ваххабитского проекта.

ЗАХВАТ ЗАПОВЕДНОЙ МЕЧЕТИ В 1979 ГОДУ

Однако намного более серьёзным было возрождение «Братства», предпринятое Джухайманом аль-Утайби, что привело к захвату Заповедной Мечети 400-500 вооружёнными мужчинами и женщинами в 1979 году. Джухайман был из влиятельного племени Отаби, из Неджда, представители которого стояли во главе и были основным элементом первоначального «Братства» в 1920-х годах.

Джухайман и его последователи, многие из которых были из религиозного училища Медины, пользовались молчаливой поддержкой священнослужителей, среди которых был Абд аль-Азиз Бин Баз, бывший муфтий Саудовской Аравии. Джухайман утверждал, что Шейх Бин Баз никогда не возражал против учения «Братства» (которое также критиковало попустительство улемов «неверию»), но что Бин Баз порицал его главным образом за нападки на эту «правлящую династию Саудов, потерявшую легитимность, потому что она погрязла в коррупции, показной роскоши, и разрушает саудовскую культуру с помощью агрессивной политики вестернизации».

Примечательно, что последователи Джухаймана сначала оглашали послание «Братства» в ряде мечетей Саудовской Аравии, не подвергаясь арестам, однако Джухайман и ряд членов «Братства» наконец были привлечены к рассле-

дованию в 1978 г. Члены совета улемов (среди них был и Бин Баз) подвергли их перекрёстному допросу на предмет ереси, но затем приказали их освободить, потому что посчитали их не более чем традиционалистами, которые вступили в «Братство» – как сделал в своё время дед Джухаймана – и, следовательно, не представляют угрозы.

Даже после захвата и последующего освобождения мечети определённый уровень снисходительности улемов к мятежникам оставался. Когда правительство обратилось за фетвой, позволяющей использовать вооружённые силы в мечети, язык Бин База и других старших улемов был странно сдержан. Учёные не объявили Джухаймана и его последователей «не мусульманами», несмотря на попрание святости Заповедной Мечети, но только назвали их всего лишь «аль-джамаа аль-мусаллаха» (вооружённой группировкой).

Группировка, которую возглавлял Джухайман, была далеко не изолирована от важных источников власти и богатства. В некотором смысле, она действовала в дружественном, восприимчивом окружении. Дед Джахаймана был одним из лидеров первоначального «Братства», и после восстания против Абд аль-Азиза многие его товарищи по оружию были приняты в Национальную гвардию – само собой, Джухайман тоже какое-то время служил в Национальной гвардии – таким образом, у него была возможность получить оружие и военные советы со стороны симпатизирующих ему членов Национальной гвардии, а оружие и продовольствие, необходимые для продолжительного удержания мечети, были заранее запасены и спрятаны в подземных кельях под мечетью. Кроме того, у Джухаймана была возможность обратиться к богатым людям, чтобы те профинансировали это предприятие.

ИГИЛ ПРОТИВ ВЕСТЕРНИЗИРОВАННЫХ САУДИТОВ

Есть смысл вспомнить эту историю, чтобы подчеркнуть, насколько нелегко, должно быть, приходится саудовскому руководству после возникновения ИГИЛ в Ираке и Сирии. Предыдущие выступления «Братства» подавлялись – но всё это происходило в границах королевства.

Однако ISIS – это протестное движение «отвергающих» в духе нео-«Братства», которое имеет место за границами королевства, и которое, бо-

лее того, продолжает инакомыслие Джухаймана с его резкой критикой правящей семьи аль-Саудов.

Это глубокий раскол, который мы наблюдаем сегодня в Саудовской Аравии, между течением модернизации, частью которого является король Абдалла, и «джухаймановской» ориентацией, частью которой являлся Бен Ладен, а сейчас – саудовские сторонники ISIS и саудовские официальные религиозные круги. Это также и раскол, который существует в самой королевской семье Саудов.

Согласно принадлежащей Саудам газете «Аль-Хайят», проведённый в июле 2014 года «опрос общественного мнения жителей Саудовской Аравии, появившийся на сайтах в социальных сетях показывает, что 92% целевой группы уверено, что ИГ соответствует ценностям Ислама и исламскому закону. «Ведущий саудовский комментатор Джамаль Хасходжи, недавно предостерёг сторонников ИГИЛ в Саудовской Аравии, которые «выжидают, прячась в тени».

«Есть рассерженная молодёжь с искажённой ментальностью и пониманием жизни и шариата, и она отбрасывает наследие веков и намеченные цели модернизации, которая ещё не завершена. Они превращаются в мятежников, эмиров и халифов, вторгающихся на обширные территории на нашей земле. Они похищают умы наших детей и не признают границ. Они отвергают все правила и законы, выбрасывают их вон... ради своих представлений о политике, управлении, жизни, обществе и экономике. Подданные самопровозглашённого «повелителя правоверных», или Халифа, не оставляют вам другого выбора... Их не волнует, что вы занимаете выдающееся положение среди собственного народа и что вы образованный человек, или преподаватель, или глава племени, или религиозный лидер, или действующий политик, или даже судья... Вы должны подчиняться повелителю правоверных, и принести ему присягу в верности. Когда их политику подвергают сомнению, Абу Обедиа аль-Джазрави орёт: «Заткнись! Наше руководство – Коран и Сунна, вот и всё!».

«Что мы делаем не так?» – спрашивает Хасходжи. Учитывая наличие сегодня 3-4 тысяч бойцов из Саудовской Аравии в группировке «Исламское государство», он полагает необходимым «оглянуться назад, чтобы объяснить возникновение ИГИЛ». Может быть, настало время, говорит он, признать «наши политические ошибки», чтобы «исправить ошибки наших предшественников».

КОРОЛЬ-РЕФОРМАТОР НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМ

Сегодняшний саудовский король Абдалла, как ни парадоксально, всё более уязвим как раз потому, что он реформатор. Король обуздал влияние религиозных институтов и религиозной полиции – и, что важно, разрешил четыре суннитских школы юриспруденции для тех, кто их придерживается (в отличие от аль-Ваххаба, который отрицал все школы юриспруденции, кроме своей собственной).

Сейчас можно даже шиитским жителям восточной части Саудовской Аравии прибегать к праву Джаафари, и обращаться для решений к шиитским священнослужителям. (Явный контраст – аль-Ваххаб придерживался особенной враждебности к шиитам и считал их отступниками. Ещё в 1990-х годах такие священнослужители, как Бин Баз (бывший муфтий), и Абдалла Джибрин неоднократно повторяли привычное мнение, что шииты – неверные).

Некоторые современные саудовские улемы будут рассматривать такие реформы как составляющие почти провокацию против ваххабитских доктрин, или в самом крайнем случае как очередной пример вестернизации. Например, сторонники ИГИЛ считают любого, кто ищет юрисдикции отличной от той, что предлагает само «Исламское государство», виновными в грехе неверия – поскольку, по их мнению, все «другие» юрисдикции включают в себя новшества или «заимствования» из других культур.

Ключевой политический вопрос – будет ли простой факт успехов ИГИЛ и полное проявление (расцвет) всего первоначального благочестия и авангардизма архетипического импульса стимулировать и активировать «ген» инакомыслия внутри саудовского королевства.

Если это так, и Саудовскую Аравию захватит религиозный пыл ИГИЛ, регион Персидского залива никогда уже не будет прежним. Саудовская Аравия будет демонтирована, и Ближний Восток станет неузнаваемым.

Вот какова вкратце сущность бомбы замедленного действия, заложенной под Ближний Восток. Ссылки ИГИЛ на Абд аль-Ваххаба и Джухаймана (чьи диссидентские сочинения распространяются в ИГИЛ) представляют собой мощную провокацию: ИГИЛ подносит зеркало саудовскому обществу и, похоже, тот образ, который в нём отражается – это образ потерянной «чистоты», утраченной ранней веры и убеждённости, на смену которым пришла демонстрация богатства и потворство своим желаниям.

Эта «бомба» ИГИЛ подброшена и в само саудовское общество. Король Абдалла и его реформы популярны, и, может быть, он сможет погасить новую вспышку инакомыслия «Братства». Но останется ли этот вариант возможным после его смерти?

А вот здесь возникают трудности с проводимой США политикой, которая, похоже, опять из разряда «руководства из-за спины» – и стремится к тому, чтобы суннитские государства и общины объединились в борьбе против ИГИЛ (как в Ираке, где появились «Советы Пробуждения»).

Это стратегия, которая кажется весьма нереалистичной. Кто захочет влезть в эти чувствительные внутрисаудовские распри? И облегчит ли согласованная атака суннитов на ИГИЛ положение короля Абдаллы или, может быть, она ещё больше воспламенит и разожжёт инакомыслие внутри Саудовской Аравии? Так кому именно угрожает ИГИЛ? Ничего не может быть яснее. ИГИЛ не представляет прямой угрозы для Запада (хотя Западу следует его по-прежнему опасаться и не наступать на этого конкретного скорпиона).

История саудовского «Братства» проста: как Ибн Сауд и Абд аль-Ваххаб создали его таким в 18-м веке и как саудовское «Братство» сделало его таким в 20-м веке. Настоящей целью ИГИЛ должна быть Хиджра – захват Мекки и Медины – и легитимность, которая узаконит ИГИЛ как новых эмиров Аравии.

ФИАСКО ПОД НАЗВАНИЕМ ISIS. НАСТОЯЩАЯ ЦЕЛЬ - ИРАН¹

Уитни М.

Есть кое-что не совсем верное в освещении кризиса в Ираке. Возможно, это то, как СМИ снова и снова без каких-либо малейших изменений гонят в эфир одну и ту же предвзятую сюжетную линию.

Например, в *Financial Times* я прочёл статью президента Совета по Международным отношениям Ричарда Хаасса, в которой он говорит, что военные Силы Малики в Мосуле «растаяли». Интересно, что за статьей Хаасса последовала статья Дэвида Гарденера, который использовал практически такие же выражения. Он сказал, что «армия растаяла». Итак, я решил немного полистать новости и посмотреть, сколько ещё журналистов помешались на модном словечке «растаяла». Как оказалось, довольно многие, включая журналистов изданий *Politico*, *NBC News*, *News Sentinel*, *Global Post*, *the National Interest*, *ABC News* и так далее. Итак, единственным способом, при котором такое необычное выражение может возникнуть с такой частотой было бы то, что авторы получали свои аргументы от центральных властей. (Что, вероятно, и происходит). Но эффект, конечно же, получился как раз обратный тому, которого хотели добиться авторы – эти безликие рассказы заставляют читателей призадуматься и почувствовать, что происходит что-то подозрительное.

И нечто подозрительно ПРОИСХОДИТ. Вся эта басня о полутора тысячах джихадистов, пугающих иракские силы безопасности до такой степени, что те бегут, теряя штаны и бросая оружие, меняют одежду и уходят в горы – просто невероятна. Не знаю, что там произошло в Мосуле, но могу сказать одно – всё было не так. Вся история просто не проходит испытание на правдивость.

То, что произошло в Мосуле имеет значение, ведь почти все журналисты и эксперты ведущих СМИ используют эту историю просто для того, чтобы дискредитировать Малики и внушить

мысль, что Ираку лучше было бы без него. Хаасс говорит, что происходящее показывает, что «верность армии правительству не толще листа бумаги». Гарденер вторит о признаке «быстро распадающегося государства». Другие авторы редакционных статей, такие, как Николас Кристоф, нападают на Малики по другим причинам, например, из-за его излишней религиозности. Вот отрывок от Кристофа:

«Разгром в Ираке – не вина президента Обамы. Это не вина республиканцев. И те, и другие несут некоторую ответственность, но в основном это вина премьер-министра Ирака Нури Камаль Аль-Малики».

Конечно, Кристофа не сравнить с «имперским рупором» Томом Фридманом. Когда дело доходит до тупоголового хвастовства, то тут Фридман – самый главный. Вот как этот эксперт с двойным подбородком подводит итог в статье в «Санди Таймс» под заглавием «Пять принципов для Ирака»:

«Иракский премьер-министр шиит Нури Камаль Аль-Малики оказался недругом демократического, плюралистического Ирака. С первого дня он использовал свой пост для назначения на ключевые посты в безопасности шиитов, изгонял суннитов-политиков и суннитов-генералов, направлял деньги в шиитские сообщества. Словом, Малики вёл себя как полное ничтожество. Помимо поста премьер-министра, он назначил себя исполняющим обязанности министра обороны, и.о. министра внутренних дел и членом совета национальной безопасности, а его дружки контролировали Центральный банк и министерство финансов.

У Малики был выбор – управлять по-сектантски или без дискриминации – и он выбрал сектантство. Мы ему ничего не должны» (Пять принципов для Ирака, Том Фридман, «Нью-Йорк Таймс».)

Позволить разобраться во всём Фридману, да? То есть признать, что причина, по которой Ирак находится в такой неразберихе, не имеет ничего общего с вторжением, оккупацией, эскадронами смерти, Абу Грейб, «вариантом

¹ Источник: <http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/644-fiasko-pod-nazvaniem-isis-nastoyashchaya-tsel-iran.html>

Сальвадор»², разрушенной инфраструктурой, загрязнённой окружающей средой или ужасной религиозной войной, которую США разожгли своей сумасшедшей программой карательных мер против повстанцев. Конечно же, нет. Причина того, что Ирак в развале в том, что Малики – ничтожество. Малики – сектант. Жалкий Малики.

Знакомо звучит? На прошлой неделе Путин, теперь Малики. Кто следующий?

В любом случае, существует разумное объяснение происходящего в Мосуле, хотя я и не могу подтвердить достоверность. Взгляните на эту заметку в блоге Syria Perspectives:

«... Основной теоретик партии Баас и правая рука Саддама Изаат Ибрагим Аль-Дури, сам родом из Мосула ... искал союзников в крайне враждебном Ираке после Саддама... Находясь в бегах и разыскиваемый для казни правительством Аль-Малики, Аль-Дури продолжал контролировать обширную сеть суннитов-баасистов, которые действовали в манере, похожей на старую организацию ОДЕССА³, которая помогала нацистам

2 Подход к борьбе с повстанцами, который был использован американским министерством обороны во время гражданской войны в Сальвадоре. Позднее термин использовался в контексте карательных операций, координируемых полковником Джеймсом Стиллом, ветераном спецподразделений в отставке, опыт которого Дональд Рамсфелд использовал для организации шиитских военнизированных формирований, пытавшихся разгромить суннитских повстанцев во время войны в Ираке. С 1984 по 1986-й Стилл работал «специалистом по противодействию повстанцам» и был главой группы советников из американских подразделений специально назначения, тренировавших сальвадорские батальоны (которые за свою деятельность получили прозвище «эскадроны смерти»).

3 ODESSA («Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen», «Организация бывших членов СС»), название, часто употребляющееся для обозначения международной нацистской организации-сети, основанной выжившими после Второй мировой войны бывшими членами СС. Целью этой группы являлось установление связи и способствование уходу от преследования (в том числе, путём переправления в другие страны и на другие континенты) тех бывших эсесовцев, кто был объявлен в розыск органами правопорядка. В основном, члены ODESSA стремились покинуть Германию, уехав в страны арабского Востока или Латинской Америки. Связи группы опутывали такие страны, как Аргентина, Египет, Бразилия, Германия, Италия, Швейцария и Ватикан, члены группы действовали в Буэнос-Айресе и помогли Адольфу Эйхманну, Йозефу Менгеле, Эриху Прибке, Ариберту Хайму, Эдуарду Рошманну и многим другим членам СС найти убежище. Оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени и некоторые другие известные нацисты подозревались в связях с этой организацией, но связь так и не была доказана.

после Второй Мировой войны спастись бегством ... у него не было структуры поддержки, необходимой для свержения Аль-Малики, потому он нашёл старый альянс с ISIS через службы Эрдогана и Бандара. Наши читатели должны отметить, что взятие Мосула сопровождалось подозрительным уходом с постов бывших чиновников иракской «Баас», и тому, что пятидесятидвухтысячное войско осталось без руководства, что привело к полному коллапсу обороны города. Планирование и сотрудничество не были простым совпадением». («Внутренняя основа ISIS – захватчики», Зиад Фадель, Syrian Perspectives)

Я читал варианты подобного и в других блогах, но не знаю, насколько они верны. Но что я точно знаю, так это то, что есть чертовски более правдоподобное объяснение, главным образом потому, что даёт достаточно оснований и подробностей, чтобы сценарий выглядел убедительным. Официальная версия – армия «растаяла» – никак не годится. Она просто подсовывает фальшивую историю в надежде, что люди просто примут её на веру. С чего бы? Только потому, что она появилась во всех газетах?

Кажется мне, что это очень дурная привычка – верить всему подряд.

И история о том, что «армия растворилась» – лишь одно из многих несоответствие официальной медиа-версии и самих событий. Другая загадка – почему Обама позволил джихадистам бродить по Ираку, пальцем не шевельнув, чтобы помочь. Никому это не показалось несколько странным?

Когда ещё действующий президент немедленно и убедительно не реагировал на подобный акт агрессии?

Да никогда. США всегда отвечали. И всегда одинаково. «Прекратите сейчас же, или мы вдребезги вас разобмбим». Разве не таков обычный ответ?

Несомненно, так. Но Обама на этот раз не высказал таких угроз. Вместо этого он уточнил свою поддержку Аль-Малики, сказав, что осаждённый президент должен «начать обеспечивать участие суннитов в своём правительстве» прежде, чем США протянут руку помощи. Что за неуверительный ответ? Только взгляните на аннотацию в MNI News:

«Президент Барак Обама в пятницу предупредил премьер-министра Нури Аль-Малики, что США хотят, чтобы он начал обеспечивать участие суннитов в своём правительстве, или он убедится, что США откажут в необходимой помощи – никаких наземных американских войск, чтобы отразить атаку на Багдад.

Обама добавил выразительности этому посланию перед телекамерами, сказав, что пока будет рассматривать варианты некоторой военной интервенции на будущее, Малики должен предпринять свои шаги». («Обама предупреждает Малики о необходимости обеспечить суннитско-шиитское участие», MNI)

Вы когда-нибудь в жизни читали подобную чушь? Вообразите, скажем, что орды джихадистов собираются в пятидесяти милях от Лондона и угрожают в любую минуту в него ворваться. Как вы думаете, Обама скажет то же самое премьер-министру Дэвиду Кэмерону?

«Слышь, Дейв, нам бы и хотелось тебе помочь, но ты должен сначала пару этих парней ввести в правительство. Это же не сложно, да, Дейв? Просто подумай об этом, как о конструктивном шаге в отношении террористов».

Может, это и дико звучит, но именно этого хочет Обама от Малики. Так что же, чёрт возьми, происходит? С чего это Обама ставит ультиматум, когда надо помогать? Неужели у Обамы есть иной план, чем у Малики, и нынешняя ситуация работает ему на пользу?

Похоже, что так. Просто взгляните, что дальше говорит Фридман в своей статье. Это поможет прояснить, в чём тут дело. Он пишет:

«Возможно, Иран и хитрый командующий Стражами революции «аль-Кудс» генерал Квассем Сулеймани не так уж и умны, в конце концов. Именно Иран вооружал своих союзников, иракских шиитов особыми бомбами, которые убили и ранили многих американских солдат. Иран хотел, чтобы мы ушли. Именно Иран давил на Малики, чтобы тот не подписывал соглашение с США, дающее законные основания для пребывания там американских войск. Иран хотел стать региональным гегемоном. Что ж, Сулеймани: «Это то, что ты просил». Теперь твои силы растянуты на Сирию, Ливан и Ирак, а наши вернулись домой. Удаchi» («Пять принципов для Ирака», Том Фридман, «Нью-Йорк Таймс»)

Интересно, правда? Фридман, по сути, признаёт, что в этом фиаско всё дело в Иране, который оказался самым большим выгодополучателем в тотализаторе иракской войны. Естественно, это взбесило людей, занимающих высокие посты в Вашингтоне, Тель-Авиве и Рияде до предела, вот они и состряпали этот глупый план, чтобы либо избавиться от Малики вообще, либо существенно «подрезать ему крылья». Разве не именно это происходит? Вот потому-то Обама и держит пистолет у виска Малики и диктует, в какую

именно западню тот должен прыгнуть, чтобы получить американскую помощь. Он решительно настроен ослабить доминирующую хватку Ирана в Багдаде.

Кроме того, Фридман упоминает Соглашение о статусе вооружённых сил, которое позволило бы американским войскам оставаться в Ираке. Аль-Малики отказался от соглашения, что разъярило Вашингтон вплоть до подготовки почвы для этого недавнего террористического фарса. Обама намерен так или иначе добиться этого соглашения. Просто Вашингтон именно так ведёт дела, выкручивая руки и ломая ноги. И всем это известно.

Чтобы понимать, что происходит в Ираке сегодня, нам надо немного вспомнить историю. В 2002 году администрация Буша уполномочила корпорацию «РЭНД» «развивать Формирующую стратегию для умиротворения мусульманского населения там, где у Соединённых Штатов имеются коммерческие или стратегические интересы». Предложенный план – под названием «Стратегия США в мусульманском мире после 9/11» – рекомендует, чтобы США «выстраивали свою политику с группами шиитов, надеющимися добиться большего участия в правительстве и большей свободы политического и религиозного выражения. Если получится выстроить такое выравнивание, оно может создать барьер против радикальных исламских движений и послужить основанием стабильного положения Соединённых Штатов на Ближнем Востоке».

Оба Буша решили последовать этому эксцентричному плану, который оказался огромной тактической ошибкой. Поставив на шиитов, они запустили массовое восстание суннитов, что положило начало нападениям на американских солдат, доходившим до сотни в день. А это, в свою очередь, привело к беспощадным карательным мерам, которые вылились в убийство десятков тысяч суннитов и превратили большую часть страны в развалины. Ошибочное наступление Петреуса было замаскировано пиар-туманом религиозной гражданской войны. На самом деле это была война на истребление против тех самых людей, которых теперь Обама неявно поддерживает в Мосуле и Тикрите.

А это стало огромным изменением в политике, не так ли? И тот факт, что Соединённые Штаты предпочли политику невмешательства в отношении ISIS, даёт основания полагать, что администрация Обамы совершенно отказалась от стратегии, разработанной «РЭНД», и теперь ищет способ поддержать суннитские группы в попыт-

ке свергнуть режим Асада в Дамаске, ослабить Хизболлу и ослабить в регионе иранское влияние. Хотя стратегия эта жестока и презренна, но, по крайней мере, по извращённой логике имперской экспансии она имеет смысл, чего никогда не было в плане «РЭНД».

То, что сегодня происходит в Ираке, предвидел в 2007 году Сеймур Херш в статье «Перенаправление». Её великолепный конспект приводит Тони Карталуччи в своей статье. Он пишет:

«Перенаправление, свидетельствует... о намерениях США, саудовцев и израильтян создать и развернуть религиозных экстремистов по всему региону, чтобы противодействовать Ирану, Сирии и Хизболле в Ливане. Херш отмечал, что эти «религиозные экстремисты» были либо связаны с аль-Каидой, либо входили в саму аль-Каиду. Армия ISIS движется к Багдаду, это завершающий штрих тайного сговора, действующая безнаказанно армия, угрожающая свергнуть сирийское правительство, вытолкнуть про-иранские силы в Ирак и даже угрожающая самому Ирану переброской сил из надёжных прибежищ аль-Каиды, предоставленных ей НАТО в Турции, через северный Ирак, вплоть до границ Ирана...

Де-факто это новое вторжение в Ирак про-западных групп – на этот раз без непосредственного участия западных войск – скорее война чужими руками, которую Запад отчаянно пытается либо не признавать, либо отрицать связь с ней». («Новое тайное американское вторжение в Ирак», Тони Карллуччи, Information Clearinghouse)

Итак, теперь мы добрались до самой сути дела, верно? Теперь мы можем распознать политику, которая управляет событиями. Что мы знаем наверняка, так то, что США хотят разрушить влияние Ирана на Ирак. И как они планируют этого достичь, интересно?

Что ж, они могут использовать старых друзей из «Баас», с которыми поддерживают контакт с 2007 года. Это может сработать. Но тогда им придется добавить к ним ещё и джихадистов, чтобы это выглядело правдоподобно.

Хорошо. Но значит ли это, что Обама активно поддерживает ISIS?

Не обязательно. ISIS уже связан с другими разведывательными агентствами, и может получать поддержку Соединённых Штатов не напрямую. (Заметим: многие аналитики утверждают, что Исламское Государство Ирака и Леванта получает щедрые пожертвования от Саудовской Аравии и Катара, оба они твёрдые союзники США. По данным лондонской «Дейли Экспресс», «с по-

мощью таких союзников как Саудовская Аравия и Катар, Запад поддерживает группы боевиков, которые мутируют в ISIS и другие связанные с аль-Каидой формирования». Daily Telegraph, 12 июня, 2014).

Особенно важно для Обамы, что стратегические цели ISIS и США совпадают. И те, и другие хотят большего политического представительства суннитов, хотят минимизировать иранское влияние в Ираке и поддерживают план мягкого разделения, который бывший президент Совета по международным отношениям Лесли Гельб назвал «Единственной жизнеспособной стратегией исправления исторического дефекта (Ирака) и постепенными шагами к разрешению кризиса путём создания трёх государств – курдского на севере, суннитского в центре и шиитского на юге». Вот почему Обама не атакует ополченцев, хотя до Багдада им остаётся пройти около 50 миль. Всё потому, что США от такого развития событий выигрывают.

Подведем итоги:

«Поддерживает» правительство США или «не поддерживает» терроризм в зависимости от ситуации?

Поддерживает.

Оказывают ли иностранные разведывательные агентства террористическим организациям в Сирии логистическую поддержку, снабжают ли их оружием?

Да.

А ЦРУ?

Да.

Показала ли администрация Обамы, что хотела бы избавиться от Аль-Малики или хотя бы резко уменьшить его влияние?

Да.

Это потому что она считает, что нынешнее положение дел усиливает региональное влияние Ирана?

Да.

Вторгнутся ли боевики ISIS в Багдад?

Нет. (Это догадка, но я предполагаю, что кое-что ещё прорабатывается командой Обамы и лидерами «Баас». Если Багдад был бы действительно в опасности, Обама, вероятно, действовал бы с большей серьёзностью.)

Будут ли разделены Сирия и Ирак?

Да.

Является ли ISIS детищем ЦРУ?

Нет. По Зияд Фаделю, «ISIS является творением одного человека, который играет аль-Каидой, как мячиком. Бандара бин Султана».

Исполняет ли ISIS приказы Вашингтона или ЦРУ?

Возможно и нет, хотя их действия, как оказывается, совпадают со стратегическими целями США. (в том-то и дело!)

Показывает ли нежелание Обамы начать ата-

ку на ISIS, что он хочет снизить влияние Ирана в Ираке, перерисовать карту Ближнего Востока и создать политически бессильные регионы, управляемые полевыми командирами и руководителями племён?

Да, да и да

МОГУТ ЛИ РОССИЯ И АМЕРИКА ОБЪЕДИНИТЬ СВОИ УСИЛИЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УНИЧТОЖИТЬ ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО? ¹

Валента И.

Путин совершает поворот в сторону христианства и традиционализма. Искренне ли? Неважно. Важнее то, насколько эта тенденция будет устойчивой.

Еще совсем недавно идеологией российских руководителей было... отсутствие идеологии. Более того, они противились любого рода идеологической конкретизации. Путинцев критиковали за это националисты, называя их циниками, которых заботит только личное обогащение. Эту оценку разделяли с националистами их смертельные враги — российские либеральные демократы.

Многое указывало на то, что данная оценка была справедливой. Бывший польский дипломат Витольд Юраш (Witold Jurasz) вспоминает, как работая секретарем в нашем московском посольстве, он встретился с известным российским интеллектуалом, политологом и политтехнологом, который был тогда основным советником Путина.

Юраш пишет, что он спросил сановника, каков на самом деле Владимир Путин в глубине души. «Собеседник посмотрел на меня со смесью презрения и иронии, а потом пробурчал: «Ты что, еще один п... из Евросоюза, на ... тебе это знать? Смотри, что Россия делает, и пиши шифровки, а в душу не лезь, а то вдруг ее там нет». Мы разговаривали в холе гостиницы после какого-то приема, перед входом стояла вереница «Бентли» и «Мерседесов» класса S. Мой собеседник показал на них и произнес: «Вот наша идеология»».

СРОЧНО НУЖНА ИДЕЯ

И так продолжалось до того момента, когда разразился политический кризис, начало которому положили сопровождавшиеся подтасовками выборы 2011 году в Думу: бунт московской интеллигенции, уличные манифестации, потом следующие выборы — президентские, снова манифестации и, наконец, затухание протеста.

Этот кризис наглядно показал российским руководителям, что даже если на самом деле их не инте-

ресует ничего, кроме состояния банковских счетов, без идеологии обойтись не удастся.

Вызов, с которым им пришлось столкнуться, носил исключительно идеологический характер. Демонстранты, которые вышли на улицы Москвы и Петербурга, требовали внедрения в жизнь ценностей, ассоциирующихся с Западом, а лидеры, претендующие на роль предводителей оппозиции, были по большей части западниками и либералами — конфликтующими, но согласными между собой в вопросе о том, что в России должны быть введены западные порядки. Не только в смысле политической демократии, но и в культурном плане.

Более того, значительное число активистов этой оппозиции, преисполненных радикализмом и идейностью (напоминающими радикализм и идейность левой антицарской оппозиции перед 1917 годом), выступают за крайнюю модель западных порядков. Здесь можно вспомнить дело Pussy Riot — девушек из панк-группы, которые проникли на алтарь главной святыни российского православия, храма Христа Спасителя, и исполнили там полную нецензурной лексики политическую песню.

Можно вспомнить и презрение, с которым московские либеральные элиты отнеслись к миллионам россиян, которые в 2011 пришли поклониться святейшей православной реликвии — поясу Богородицы.

И что, пожалуй, не менее важно, все это происходило при поддержке Запада — западных СМИ, некоммерческих организаций, парламентов и правительств. Существенной и важной была материальная западная помощь, которая шла через упомянутые организации. Не менее важной была и медийно-пропагандистская поддержка, которая подлила масла в огонь тлеющего российско-западного конфликта. Ведь Запад — это торжество «прогресса»...

Российское «безыдейное» руководство внезапно ощутило потребность доказать свое право на власть. Если искать параллели в польской истории, ситуация несколько напоминала проблему правящей партии после смерти Пилсудского. Было непонятно, чем обосновать свое пребывание у власти. А на правом фланге тем временем существовали ребята нацио-

¹ Источник: <http://nationalinterest.org/feature/can-russia-america-work-together-crush-the-islamic-state-11117>

нально-радикального лагеря, почему бы не перенять их идеологию...

В итоге в Кремле было принято решение: поворачиваем в сторону консерватизма. Эта идеология даст оружие для борьбы с западной религией прав человека и в целом поможет отличаться от Запада, а, возможно, и приобрести там союзников (правящие Кремлем элиты отлично помнят, какой неопенимой помощью были для СССР западные коммунисты).

К этой идее обращались и раньше. Уже с 90-х российские власти, замечая моральный кризис общества, причиной которого послужили как 70 лет коммунизма, так и его крах, ставили на церковь как на единственный фактор, который способен сплотить россиян вокруг каких-нибудь ценностей. В последние годы, как писал на страницах W Sieci Гжегор Гурны (Grzegorz Górny), российский посол был единственным дипломатом, который демонстративно лично следил за ходом процесса в Страсбургском суде по поводу права демонстрации распятия в публичных местах. Однако решение, что Россия примет полномасштабный курс на консерватизм, было принято лишь недавно — в прошлом году.

ПРОТИВ МРАКА

С того момента этот курс становился все более отчетливым от месяца к месяцу. Отдельные города и регионы принимали законы против «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних» (по которым можно, в сущности, наказать любого гея, который публично демонстрирует свою ориентацию). Западные гей-активисты начали попадать под арест. Аналогичные нормы были разработаны и внедрены на федеральном уровне.

Появился закон, вводящий наказание за оскорбление чувств верующих и осквернение святынь. Несколько недель назад был введен запрет на рекламу аборт (сами аборты настолько срослись с российским образом жизни, что власти пока не решились их запретить, однако, ключевое слово здесь — «пока»).

Начаты работы по внесению в Конституцию «православных ценностей»; еще более рьяно, чем прежде стало демонстрироваться единство трона и алтаря — Кремля и патриархии. В свою очередь, во время кризиса на Украине Россия и симпатизирующие ей украинские политики активно эксплуатировали мировоззренческую тему: в этом дискурсе Киев должен совершить выбор между западным Содомом и Россией — миром традиционных ценностей.

А в декабре президент Путин выступил с фундаментальной речью перед членами обеих палат парламента. Он заявил, что Россия претендует на

роль международного лидера, но не будет учить другие народы, как им жить (то есть, не станет поступать, как США).

«Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла», — говорил кремлевский правитель. И подчеркивал: «Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведет за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии».

Путин предупредил, что Россия не станет смотреть на эти процессы равнодушно. Сейчас, когда в мире зло перемешивается с добром, по мнению президента, возрастает роль его страны, которая последовательно защищает систему своих традиционных ценностей. Предназначение России, по мнению Путина, — нести знамя культурной войны, защищая классическую форму существования общества, поскольку великие российские история и культура дали ей «многовековой опыт не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства».

Путин расставил точки над «i» и подчеркнул, что «в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной». Он подкрепил эти слова цитатой из философа Николая Бердяева (который в 20-е годы был изгнан из страны большевиками), подчеркивавшего, что консерватизм заключается не в препятствовании движению вперед и вверх, а в препятствовании движению назад и вниз, а также возвращению к первобытному состоянию.

Прошу читателей простить меня за эти длинные цитаты, но они необходимы для понимания того, что консервативный поворот, совершаемый командой Путина, совершенно конкретен.

ПОТЕНЦИАЛ ЕСТЬ

Все это ставит польских консерваторов в сложное положение. С одной стороны, Путин плохой, Россия тоже, но с другой, они делают очевидно хорошие

вещи, даже если стиль их действий нам не нравится, думают многие.

Публицист Филип Мемхес в любопытной статье, которая была опубликована в Rzeczpospolita, решает проблему оригинальным образом, выставя ее в некотором роде несуществующей.

По мнению Мемхеса, все это не следует воспринимать всерьез, поскольку Путин и его чекистское окружение не вполне честны. Они выступают против аборт, исходя не из моральных, а из демографических соображений. И в целом «под путинским консерватизмом скрывается популизм, исходящий из убежденности, что подавляющая часть российского общества не способна «переварить» этические новинки вроде общественного одобрения гомосексуализма. Здесь недостает предъявления моральных требований, в связи с чем вместо серьезного выбора между добром и злом на первый план выходит биология: казарменный менталитет крепких парней, которые, руководствуясь инстинктами, не признают отклонения от нормы. Такой консерватизм можно назвать поверхностным и утилитарным. Поэтому у него нет будущего».

Я не знаю, сколько искренности в новой линии Путина. Но даже если она совершенно цинична, Мемхес, как мне кажется, в любом случае неправ, недооценивая ее.

С политической точки зрения существует не вопрос не о том, насколько искренна эта концепция, а как долго и насколько последовательно она будет претворяться в жизнь. А если она будет последовательной, то принесет свои плоды, даже если была избрана из циничных побуждений.

Оставим в стороне рассуждения о том, чем руководствовался князь Мешко, решив принять христианство: религиозным импульсом или трезвым политическим расчетом и желанием укрепить свою власть. Важнее нечто другое.

Обратите внимание: Россия — не единственное постсоветское государство, которым управляют бывшие коммунистические элиты. Это люди из бывшей КПСС, которые очень похожи на Путина и его окружение. Так происходит, например, в большинстве стран некогда советской Средней Азии. Там тоже правят бывшие партийцы и комсомольцы. И можно предположить, что в приняв в определенный момент решение повернуть на курс исламизации, они руководствовались не искренней верой в Аллаха.

Ведь они были советскими партийными атеистами, для которых ислам был таким же чуждым явлением, как православие для Путина. Ими двигал политический расчет.

Но что с того? Последовательная исламская линия политики изменила функционирование общества: новые поколения детей и молодежи воспитывались все больше в ее русле. В итоге эти страны стали по-настоящему исламскими, хотя в начале всего процесса и лежал политический расчет.

Похожий сценарий возможен и в России. «Трендсеттеры» из московской и петербургской интеллигенции остаются западниками, и это в ближайшее время не изменится, однако даже в этих городах они составляют лишь часть общества, а помимо столиц существует еще вся страна. Российский образ жизни имеет мало общего с воплощением в жизнь каких-либо консервативных образцов, одновременно большое число россиян с недоверием относится к этическим новинкам. Они, например, решительно не принимают гомосексуалистов (слово «п...» служит популярным ругательством, а подозрение в гомосексуальной ориентации — болезненное оскорбление для мужчины). Большинство россиян, даже если они не ходят в церковь, считают себя православными по принципу «я русский, значит, православный».

Этот образ далек от мифического рая из каких-нибудь древнерусских легенд. Между тем, сложно отрицать, что некоторый потенциал для консервативного поворота между Смоленском и Владивостоком (по крайней мере, теоретически) существует. Так что не стоит недооценивать как возможность этого поворота, так и последующие перемены в российском обществе.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Эту перспективу не стоит недооценивать еще и потому, что решение российского руководства принять консервативный курс — хорошая новость для Польши. По крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, оно предвещает перманентный конфликт Москвы с секуляризированным Западом. В существующих реалиях, когда ценности радикального либерализма и прогрессивистского понимания прав человека стали для Запада суррогатом религии, такой выбор Кремля осложнит взаимопонимание. В том числе взаимопонимание ценой Польши. Западные политики станут внимательнее прислушиваться к нашим предостережениям на тему Москвы, если та станет центром чего-то, то будет восприниматься как «консервативная империя зла».

Самая неблагоприятная для Польши ситуация сложилась бы в случае, если бы Восток решил с рвением неопита внедрять у себя западные культурные образцы. В качестве лидера западной религии он мог бы рассчитывать на согласие восхищенных запад-

ных тузов идти на требуемые взамен уступки, в том числе на территории Центральной Европы. Нынешний путинский поворот делает такой ход событий невозможным.

И, во-вторых, культурное разнообразие на нашем континенте выглядит для нас просто спасительным.

Оно означает снижение давления, которому мы подвергаемся, и охлаждение брюссельского пыла в навязывании всем странам Евросоюза образцов радикального секуляризма.

И тот факт, что в России установилась суровая диктатура, совершенно ничего не меняет.

ОБАМА НЕ СМОЖЕТ РАЗГРОМИТЬ ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО¹

Арманиян Н.

«Мы ослабим и уничтожим Исламское государство с помощью комплексной и последовательной стратегии борьбы с терроризмом», — заявил Обама в преддверии ноябрьских выборов в Конгресс. Он пытается показать свою решительность, отвечая таким образом на обвинения тех, кто считает его нерешительным перед лицом террористической угрозы со стороны исламских радикалов. Пентагон рассматривает Исламское государство (ИГ) в качестве неизбежной угрозы США, несмотря на то, что в прошлом году, например, лишь 16 из 21.490 гражданских лиц, погибших в результате терактов (в Ираке, Пакистане, Сирии и Афганистане), были американцами. Тем не менее, видеозаписи казни двух американцев достигли своей цели: большинство людей теперь поддерживают военные удары в Ираке и Сирии. И снова извечная формула - «страх порождает покорность». Как может существовать исламский халифат без международного признания? Государство, провозглашенное талибами в 1992 году, приветствовали лишь Саудовская Аравия, Пакистан, Объединенные Арабские Эмираты. Вскоре оно прекратило свое существование. ИГ точно так же, как талибы и никарагуанские контра, является креатурой Пентагона, и в США это мало кто отрицает.

Для оправдания ударов они говорят то же, что и про террористов «Аль-Каиды»: они вышли из-под контроля. Но ведь именно их, когда они в Сирии распинали и отсекали головы людям, бесстыдно называли «повстанцами, инакомыслящими». И вот вдруг их, как когда-то талибов и «Аль-Каиду», представляют чуть ли не вселенской угрозой. Демократы и республиканцы в своем большинстве поддерживают нанесение ударов даже без одобрения Конгресса, за исключением лишь некоторых, таких, как сенатор-республиканец Рик Санторум (Rick Santorum), возможный кандидат в президенты, не желающий унаследовать от Обамы эту войну, считает, что она продлится годы; или сенатор Берни Сандерс (Bernie Sanders), выступающий против «непрерывающейся войны на Ближнем Востоке в то время, как десятки миллионов американцев борются за то, чтобы удержаться на плаву».

ПЛАН ОБАМЫ

Вместо стратегии существует план борьбы против ИГ, заключающийся в создании международной коалиции, пусть даже номинальной, нанесении воздушных ударов по Ираку и Сирии, усилении курдского ополчения и иракской армии, на которые возлагается задача проведения наземной операции по «разгрому и уничтожению» ИГ. Это позволит перекрыть им поставки оружия, финансовую помощь, ликвидировать десятки тысяч вооруженных людей и изгнать остальных с обширной территории, где бесчинствуют боевики ИГ: иракцы, афганцы и палестинцы не успевают хоронить своих родных и близких, погибших от американских бомб. Даже сейчас, все 150 ударов, которые США нанесли по предполагаемым позициям ИГ, привели к гибели такого количества мирных жителей, что премьер-министр Ирака Хайдер Аль-Абади распорядился прекратить воздушные удары США. Для осуществления своего абсурдного проекта Обаме придется отправить войска в Ирак, а также подвергнуть бомбардировкам Сирию. С другой стороны, стратегия вооружения лояльных курдов будет означать «мягкий раздел» Ирака, что повлечет за собой серьезный кризис во всем этом районе, особенно в Иране и Турции, где проживают около 20 миллионов курдов.

НЕСУЩЕСТВУЮЩАЯ КОАЛИЦИЯ

Администрация Обамы, столкнувшаяся с новой угрозой, до настоящего времени не смогла создать эффективную коалицию для решения военных задач. • Россия. Несмотря на то, что Вашингтон пригласил Москву к участию в коалиции, «поскольку ИГ также представляет угрозу для России», в действительности он преследует цель свести на нет российскую защиту Сирии в ООН и сделать ее соучастницей этой войны. Россия уже предупреждала, что нанесение ударов без одобрения со стороны Дамаска или Совета Безопасности ООН станет грубейшим нарушением международного права (разрешающего применение силы только в случае прямого нападения на страну — что не соответствует сложившейся ситуации, поскольку официально Сирия находится в состоянии мира

¹ Источник: <http://blogs.publico.es/puntoyseguido/2010/obama-no-derrotara-al-estado-islamico/>

с США; или с санкции Совета Безопасности в случае угрозы миру и международной безопасности, чего тоже не наблюдается). Москва до сих пор помнит обман Обамы, использовавшего бесполетную зону над Ливией для устранения главы этого государства полковника Каддафи, ярого противника радикального ислама.

- Израиль не поддерживает политику Обамы в этой области и выражает согласие с Генри Киссинджером, который во время своего последнего выступления назвал Иран главной проблемой региона, поскольку ИГ — не более, чем «сборище авантюристов с весьма агрессивной идеологией». Надо же, какое совпадение! Радикальные исламисты также заявляли, что их главным приоритетом является борьба с шиитами — имея в виду Иран, а вовсе не Израиль или Палестину. Действительно ли Моссад обучает этих головорезов в Иордании, используя для этого часть получаемой от США щедрой финансовой помощи?

- Турция. Будучи членом НАТО, а также по своей собственной инициативе, используя свои спецслужбы, оказывает всяческую поддержку ИГ и прочим повстанческим группировкам, борющимся с режимом Асада. Эрдоган радостно потирает руки: наконец-то, Обама нанесет удар по Сирии, воплотив таким образом в жизнь свою фразу «Асад должен уйти», но сам Эрдоган не будет наносить удара по ИГ под предлогом того, что у него связаны руки, поскольку ИГ удерживает в заложниках 49 турок.

- Саудовская Аравия. Если бы Обама действительно хотел покончить с террористической угрозой, исходящей от суннитов, то ему следовало бы бороться с Пентагоном, а также с Саудовской Аравией, выступающей в качестве банкомата американского военного ведомства, как явствует из сообщений портала WikiLeaks и заявлений Хиллари Клинтон. Если какая-либо группировка не получает финансирования, то она попросту исчезает. А если нет, то каким образом в распоряжении ИГ оказались противотанковые ракеты М79, приобретенные Эр-Риядом? Точно также эта страна тайно оказывала помощь афганским моджахедам, талибам и «Аль-Каиде». И если представители правящей династии призывают к взаимодействию с коалицией, которая воюет с ИГ, то только для того, чтобы отмежеваться от злодеев, которые могут перерезать людям горло в любом месте и любое время суток, в то время как они должны делать это только так, как при-

нято: по пятницам, на площадях и при стечении народа. Очевидно, что саудовцы не будут уничтожать свое детище, которое покончило с Каддафи, держит под ударом Иран, разрушило Ирак, а теперь намерено преподнести им на блюде голову Асада. И им совершенно не понравилось то, что Обама указал на суннитов, а не на Иран, как на основной источник угрозы для арабских режимов.

- Иордания и Египет занимают более честную позицию: в коалицию не войдут, но против терроризма бороться продолжают. Против какого? Против «Братьев-мусульман», конкурентов саудовских ваххабитов?

- Сирия. Президент Асад даст разрешение на авиаудары «коалиции» по целям на территории своей страны, если они будут согласованы с Дамаском. Неужели он столь наивен? Пусть посмотрит кадры, где запечатлена смерть Хусейна и Каддафи. Кроме того, удивляет пренебрежительное отношение к жизням тысяч мирных граждан, которые погибли в результате этих бомбежек на обширной территории, контролируемой боевиками ИГ. Намерение Вашингтона заключается не в том, чтобы реабилитировать Асада, хотя именно его вооруженные силы в первую очередь борются с ИГ. Руководствуясь известным правилом «поддержи врага твоего врага», США оказывали финансовую помощь и готовили исламских радикалов, выступавших против Асада, а сейчас (помимо того, что пытаются оправдать свои действия в глазах жертв ИГ, которые ненавидят Вашингтон, поскольку именно он и является его создателем) стремятся очернить своих собственных врагов, а также тех, кто выступает против американского военного присутствия в этом районе мира. Более того, Белый дом старается внести раскол среди населения, создает питательную среду для новых войн, приносящих баснословные доходы, и усугубляет факторы, которые привели к возникновению ИГ.

- Иран. Иранские военные (во главе с верховным главнокомандующим аятоллой Хаменеи, находящимся сейчас в госпитале), явно бросая вызов президенту страны Рухани, все более резко высказываются в адрес США, утверждая, что ИГ является детищем ЦРУ, а Обама пытается ввести всех в заблуждение. Тегеран уже ведет войну с ИГ, взаимодействуя с иракской армией, так что можно утверждать, что косвенно Иран тоже является участником «коалиции».

Утрата доверия к Обаме породила кризис среди его союзников: американский президент не говорит напрямую, планирует ли он свергнуть Асада, кого хотел бы поставить на его место, как думает реагировать на позицию России и Ирана. Для того, чтобы искоренить террористические группировки (государственный терроризм — совсем другое дело), необходимо уничтожить их политические, экономические, социальные и другие корни. Но это непосильная задача для США, которые только и умеют, что выхватывать пистолет из кобуры: за каждую убитую семью десятки молодых людей возьмут в руки оружие и станут

уничтожать все, что встретят на своем пути. Нет, не «война против страха» не удалась. Просто Вашингтон стремится всячески использовать этот козырь в своей внешней политике, направленной на поддержание военного преимущества.

И Обаму никак нельзя назвать нерешительным президентом: у него не дрожат руки, когда он отдает приказ об использовании беспилотников, убивающих тысячи мирных жителей, или без малейшего сомнения возвращается к ведению «войны ужаса», которую практиковали Буш и Чейни, показывая тем самым, что он - не только крутой парень, но и лидер «Партии войны».

ЛИВИЯ: ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ¹

Францблау Ж.

Ливия балансирует на грани худшего кризиса со времён свержения режима Каддафи в 2011 году.

В прошлом месяце войска, верные генералу Халифа Хафтару начали дерзкое наступление на действующий национальный конгресс в Триполи, обвинив преимущественно мусульманский парламент в связях с местными боевиками и пособничестве терроризму.

Провозгласив анти-исламистское наступление чтобы избавить страну от того, что он называет «спонсируемым из-за границы терроризмом», Хафтар призвал к временному прекращению работы парламента и созданию нового Совета для управления страной. Сообщается, что Хафтар планировал переворот более года, потихоньку укреплял военную мощь для достижения политической власти. И хотя парламент остаётся неизменным, а новый премьер-министр Ахмед Майтик заручился в нём вотумом доверия, ситуация остаётся напряжённой. Теперь генерал Хафтар, похоже, избрал тактику использования силы для атаки на исламистских боевиков в надежде заручиться большей поддержкой электората на будущее.

Член небольшой группы офицеров, принимавших участие в перевороте 1969 года, приведшего к власти Муаммара Каддафи, Хафтар позднее попал в плен во время войны Ливии против Чада в середине 80-х годов. Видимо он был зол на Каддафи, и по слухам, в Чаде он состоял в подразделении командос, обученных и организованных Соединёнными Штатами для свержения режима Каддафи. После того, как в 1990-м правительство пало, Хафтару было предоставлено убежище в Соединённых Штатах, где он провёл 20 лет в штате Вирджиния – всего лишь в миле от штаб-квартиры ЦРУ – как активный деятель ливийского оппозиционного движения.

На протяжении 90-х Хафтар был лидером военного крыла Ливийского фронта национального спасения (НФСЛ), которое, как он утверждает, получает помощь от ЦРУ. По словам историка Дирка Вандевалле, поддержка США и Франции позволила военному крылу ЛФНС, так называемым «Силам спасения», на протяжении многих лет проводить атаки на режим Каддафи. «Силы спасения» были одной из немногих подпольных группировок, о которых говорят, что они имели возможность на-

целиваться на ливийских правительственных чиновников, выезжающих за пределы Ливии.

Хафтар вернулся в Ливию в 2011 году после того, как началось восстание против Каддафи и отправился в Бенгази командовать силами повстанцев по распоряжению Переходного национального совета (ПНС). Недоверие внутри ПНС к Хафтару из-за его связей с американским правительством, однако, привело к серьёзной междоусобице и назначение другого командующего над повстанцами, Абдулы Фатха Юниса. Позднее Юнис был убит повстанцами в восточной Ливии, что подчёркивает наличие внутренних раздоров в оппозиции.

В марте 2011-го, когда интервенция НАТО в Ливию начала раскручиваться, президент США Барак Обама предсказал, что Ливия столкнётся с серьёзными проблемами обеспечения стабильности, как результатом того, что он назвал 40 годами тирании, оставившими Ливию расколотой, без сильных гражданских институтов.

Наследие Каддафи безусловно актуально. Но нынешняя нестабильность также является и прямым результатом вмешательства НАТО, подпитывавшего распространение вооружённых ополченцев и тяжёлого вооружения в стране и способствовавшего распространению оружия по всему региону.

ЛИВИЙСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мандат на использование силы в Ливии основывался на постановлении Совета безопасности ООН за номером 1973, наделившей международные вооружённые силы правом защитить гражданское население (UNSCR 1973). Но фиктивная гуманитарная миссия быстро переросла из защиты гражданского населения от насилия со стороны правительственных и полувоенных формирований в прикрытие свержения режима Каддафи.

Франция стала первой страной, признавшей в предоставлении оружия и боеприпасов ливийским повстанцам, переброске по воздуху 40 тонн оружия и боеприпасов и тайной поставке через Тунис танков. Катар также поставлял вооружения, включая современные противотанковые ракеты французского производства, а Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) осуществляли материально-техническое снабжение – всё с разрешения

¹ Источник: <http://fpif.org/libya-cautionary-tale>

США. Проведённые Экспертной группой ООН по Ливии обнаружено, что как Катар, так и ОАЭ нарушали эмбарго на поставку оружия установленное резолюцией 1970 Совета безопасности ООН (эта резолюция была принята до резолюции 1973) осуществляя прямые поставки оружия и боеприпасы ливийской оппозиции. Доклады также указывают, что силы специального назначения США, Великобритании, Франции и Катара предоставляли тактическое сопровождение и обучение повстанцев во время сбора разведывательной информации на местах для нанесения ударов НАТО.

Иностранное вмешательство напрямую изменило ход войны и помогло преобразовать многочисленные ливийские повстанческие формирования в мощные вооружённые бригады. Но осуществившим вторжение державам не удалось добиться надлежащего выполнения программы разоружения, демобилизации и реинтеграции, задействованной после войны. Вместо этого они оставили Ливию сильно милитаризованной страной в руках негосударственных вооружённых субъектов – таких как силы Хафтара – захвативших контроль в разрозненных районах страны. В докладах содержится оценка, что примерно 1,700 вооружённых групп вышли из рядов повстанцев, воевавших в конфликте 2011 года.

Ввиду нехватки человеческих ресурсов и политической воли и для укрепления контроля послевоенному правительству Ливии, чтобы обеспечить безопасность в Триполи и по всей стране, пришлось опираться на революционных повстанцев. К примеру, перед «Бригадой 17 февраля» была поставлена задача обеспечить безопасность американского консульства в Бенгази – решение, возможно способствовавшее атаке на консульство в 2012 году, когда погиб посол Кристофер Стивенс.

Стало совершенно очевидным, что цели многих из этих ополченцев далеки от демократических. Могущественные повстанческие силы совершали серьёзные злоупотребления, нацеливаясь на группировки, считавшиеся лояльными Каддафи и притесняя их. Органами ООН и правозащитными организациями также задокументированы массовые незаконные задержания силами повстанческих группировок, а также практика регулярных пыток в пенитенциарной системе под руководством вооружённых негосударственных агентов.

БЫСТРОЕ РАСПОЛЗАНИЕ ОРУЖИЯ

Хотя Соединённые Штаты, как утверждает-ся, одобрили большую часть оружейных поста-

вок, произведённых и оплаченных ОАЭ и Катаром, власти США позднее выражали озабоченность тем, что оружие, включая вооружения французской и русской разработки, в конечном итоге оказалось в руках боевиков-исламистов. Действительно, экспертной группой ООН установлено, что во время ливийского восстания «поставка вооружения и боеприпасов производилась без каких-либо мер безопасности на местах, что вылилось в неконтролируемое движение снаряжения».

В результате как притока оружия, так и неспособности правительства Ливии обезопасить вооружение, оставшееся от режима Каддафи, в Ливии расцвела контрабанда оружия, превратившая страну в источник вооружения для конфликтов по всему региону. Контрабандные маршруты поставки оружия пролегли как из Ливии в Сахель, так и из Восточной Ливии в Египет и Сектор Газа. Эксперты ООН выявили случаи незаконных поставок тяжёлого и лёгкого вооружения, включая переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК), в более чем 12 стран региона.

Распространение ливийского оружия подпитывает конфликты в других странах с пугающей быстротой. По данным экспертной группы, ливийский конфликт оказал серьёзное воздействие на такие страны Сахеля, как Мали и Нигер, где «возникли новые вооружённые оппозиционные группировки, а для террористических организаций и преступных сетей открылось новое пространство для деятельности». Как показывают отчёты, мятежники Боко-Харам из Нигерии также получали подкрепление оружием из Ливии, включая АК-47, реактивные гранатомёты и ПЗРК.

Сирийский конфликт также усугубился в результате притока из Ливии оружия и боевиков. Бывшие ливийские полевые командиры, такие как Махди аль-Харати, давали репортажам в Сирии интервью, в которых утверждали, что сражаются в рядах Свободной Сирийской Армии. Сообщения о том, что поток ливийского оружия идёт в руки повстанцев с одобрения ПНС, начали циркулировать ещё в ноябре 2011 года. Оружие в Сирию якобы забрасывается через Турцию и, как говорят, включает реактивные гранатомёты и переносные ракеты класса земля-воздух, помогающие повстанцам атаковать сирийские ВВС. Экспертная группа ООН обнаружила, что эти поставки «были организованы под наблюдением или с согласия ряда деятелей из Ливии, Сирийской Арабской Республики и граничащих с ней стран».

Непринятие в расчёт возможных последствий интервенции в Ливию можно рассматривать, как

ужасную стратегическую ошибку США и их союзников по НАТО. Неспособность установить связь между конфликтами, выходящими за пределы границ, демонстрирует близорукий подход к выработке политической стратегии, при которой решения властей основываются на текущих проблемах, без принятия в расчёт долгосрочных последствий. Такой подход к конфликтным ситуациям учитывает

лишь изолированный контекст, без учёта транснациональных угроз и глобальных проблем.

Недавнее нападение на ливийский парламент и безудержное расползание оружия, вытекающего за пределы страны, должны послужить поучительной историей о непреднамеренных последствиях иностранного военного вторжения на Ближний Восток и в Северную Африку..

ИСЛАМ В США И ЕВРОПЕ

КАК ПОДАВИТЬ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ? УБИТЬ ЛИДЕРА ¹

Пайнс Д.

Америка всегда была известна как «страна возможностей», где любому приехавшему человеку, какой бы расы он ни был, предоставлена возможность развития и осуществления его заветной мечты. Между тем, необходимо подчеркнуть один важный момент: эта мечта должна соответствовать целям американских властей, в противном случае вас ждут репрессии, пытки и даже смерть. Общественные движения в этой стране в основном формируются из-за того, что данные людям обещания процветания, счастья и свобод так и остаются невыполненными. Одним из последних таких выступлений, получивших большой резонанс в средствах массовой информации, были протесты темнокожего населения в штате Миссури, поводом для которых стало убийство 18-летнего подростка от руки белокожего полицейского.

18 сентября – годовщина начала одного из самых крупных общественных движений в США, получившего название «Захвати Уолл-стрит». Несмотря на все внимание, которое ему удалось привлечь к себе благодаря участию десятков тысяч людей по всей стране, митинговавших на улицах на протяжении нескольких дней, это движение в конце концов было подавлено американскими властями. Методы, которые использовали при этом службы безопасности США, включали аресты, пытки и террор против лидеров движения. Спецслужбы пошли еще дальше и стали выявлять потенциальных народных лидеров, которых они либо просто уничтожают, либо направляют по ложному пути. Одним из таких молодых лидеров стал Малкольм Шабазз, внук защитника прав темнокожего населения Малкольма Икса. Его убийство сотрудники ФБР организовали в Мексике.

Кларенс Римз – один из темнокожих мусульманских лидеров в США, который после принятия ислама поменял свое имя и стал Абдулом Алимом Мусой. В настоящее время он является имамом общины «Мечеть ислама» в Вашингтоне и недавно был задержан американскими властями, которые его пытали.

В годовщину начала народного движения «Захвати Уолл-стрит» корреспондент международного отдела информагентства Mashregh взял интервью у этого выдающегося лидера мусульман в Америке и обсудил с ним важнейшие аспекты народных движений США и способы их подавления.

Малкольм Икс выступает на митинге в Гарлеме, 1963 год

Mashregh: Расскажите, пожалуйста, о том, как вы стали мусульманином, и какой деятельностью занимаетесь в данный момент?

Абдул Алим Муса: Я вырос в Окленде, штат Калифорния. Этот город был оплотом группы из революционной партии «Черная пантера», выступающей за защиту прав темнокожего населения. В 1963 году я присоединился к движению «Община ислама». Признаться, его идеология не была настоящим исламом, однако тогда мы еще не понимали, в чем заключается разница. В конце концов, это был некий религиозный образ жизни, который основывался на осознании единства темнокожих и содействовал экономическому, социальному и духовному развитию негритянского общества.

Затем я основал преступную группировку и стал заниматься контрабандой наркотиков. Мы стали самой крупной бандой в нашем районе. Дела шли в гору, и мы создали одну из самых профессиональных организаций в преступном мире. Однако со временем я осознал, что таким способом я приношу не пользу, а вред своему обществу. Я решил исправиться, но в 1970 году меня поймали и выслали из страны.

Год спустя я начал сотрудничать с некоторыми группировками в Алжире, но многие мои друзья оставались в Америке, в движении «Черная пантера». У нее была ячейка в Алжире, и я вошел в ее состав. Члены ячейки были ссыльными, поэтому от меня они получали финансовую помощь. После этого я отправился в Восточную Африку, в Танзанию. Это очень развитая страна. Я бы назвал ее центром всех освободительных движений Африки.

В 1972 году я переехал в Южную Африку. Ведь раньше я занимался криминалом и понимал,

¹ Источник: <http://inosmi.ru/world/20140926/223255764.html>

что всем освободительным движениям (и особенно среди темнокожих) нужны деньги. Зарабатывать я умел, хотя и преступным путем. Поэтому за пару лет я создал самую первую и единственную банду чернокожих, занимающихся контр-абандой кокаина.

Через несколько лет я снова взялся за ум, поняв, что ради помощи некоторым группам, добивающимся свободы, я занимаюсь убийством людей. Поэтому я прекратил продавать наркотики, но все равно оказался в федеральной тюрьме США. Из нее я вышел уже мусульманином и на этот раз стал исповедовать настоящий ислам, а не тот, который был пропитан расистской идеологией.

В 1963 году, во время заключения в американской государственной тюрьме, я освоил учение о «чернокожем» национализме, известное как «Община ислама». Затем последовали десять лет ссылки в странах Африки и Южной Америки, где я узнал о колониализме, неоколониализме и освободительных движениях. В 1973 году я вернулся в Америку, а в 1977 году оказался у себя дома. Эти последние четыре года я уже исповедовал истинный ислам.

В Окленде мы открыли мечеть, а ведь оттуда было недалеко до Беркли. Как вы знаете, в Беркли очень много мусульман. Там жил даже Мустафа Чамран, ставший впоследствии министром обороны постреволюционного правительства Ирана. Долгие годы я поддерживал отношения с этими людьми, незадолго до Исламской революции в Иране.

Через год после революции я всем сердцем воспринял исламские законы и порядки. Тогда я еще был последователем религиозного ислама, а не культурного. Поэтому мы открыли в Окленде мечеть, и я стал ее имамом. Из Беркли к нам приехали многие выдающиеся мусульмане, которые помогли открыть мечети. Они и сейчас часто туда приходят.

Когда скончался лидер Исламской революции в Иране имам Хомейни, многих из этих людей уже не было в Америке, а иранцы из числа прихожан нашей мечети снова вернулись в свою страну. Однако все последние 35 лет мы остаемся преданными курсу имама Хомейни. Мы всегда разделяли его идеи о «веляте факих» (верховном правлении мусульманского правоведа и богослова), Исламской республике и ее политике.

– После Исламской революции вы много раз посещали Иран в качестве представителя аме-

риканских мусульман. Расскажите нам о вашем знакомстве с Ираном.

– Еще до Исламской революции я был знаком с этой страной и лично с имамом Хомейни. В Беркли было место, которое называли «Иранский дом». Это было типично студенческое заведение в Америке, однако туда пускали всех иранцев. Он представлял собой некий иранский культурный центр. Я как-то посетил это место, однако до Исламской революции в самом Иране не был. Все же я знал о сути революции и поддерживал ее. Кстати, именно после нее я развернул свою деятельность в этой сфере.

Исламская республика использовала нашу мечеть в Окленде в качестве своего оплота. Именно мы руководили демонстрациями в День Иерусалима по всей Америке. На западном побережье страны мы провели шествия в Нью-Йорке и Вашингтоне, а на восточном – в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско.

– Расскажите о том, чем вы занимаетесь в данный момент. Вы состоите имамом мечети и одновременно являетесь создателем группы «Ас-Сабегун». Что из себя представляет эта группа?

– «Ас-Сабегун» означает «предводители» в исламе. Это люди, которые с самого начала обратились в исламскую веру, не преследуя при этом каких-то корыстных целей. Если вы прочтете Коран, но поймете, что до переезда пророка Мухаммеда и его сторонников из Мекки в Медину никто и не думал о выгоде для себя с принятием новой веры. Все те, кто принял веру еще в Мекке, были обречены на то, чтобы воевать с неверными и испытывать разного рода трудности. Поэтому «ас-сабегун» – это термин для названия тех людей, которые являются предводителями в исламе и отстаивают свои принципы во всем мире. Эти люди заняты тем, что они должны делать. Иногда они делают это даже тогда, когда другие бездействуют в своем неведении.

Мы решили, что в Америке должна быть создана некая руководящая группа или организация. «Ас-Сабегун» взяла на себя эту роль. Говоря «мы», я имею в виду себя и других людей, задействованных в этой организации. Большинство из них – темнокожие. Двумя основными центрами нашей деятельности сейчас являются Вашингтон и Окленд. Мы представляем собой последнюю исламскую группу. Все другие движения под жестким давлением американских властей приостановили свою активную деятельность, распались

или попросту прекратили существование. Таким образом, в настоящий момент мы являемся главной мишенью репрессий государственных властей. Последние десять лет против нас активно действуют различные сионистские движения, в том числе и АИРАС (Американо-израильский комитет по общественным связям). Мы являемся самой важной группой, о которой говорят и пишут сионисты и с которой они борются.

Все их усилия, направленные против нас, не увенчались никаким успехом. Они хотели изолировать нас, однако благодаря тем действиям, которыми они пытались навредить, мы стали еще более известны. Их план сработал с точностью до наоборот. Несмотря на это, они не прекратили свои действия и продолжают их осуществлять, но уже в другом плане. Во-первых, они стремятся снизить уровень активности нашего движения. Точно так же действует и Саудовская Аравия, лидеры которой молятся, читают намаз, но на деле не совершают ничего полезного для ислама. Уже сейчас этот метод доказал свою неэффективность. Последнее, что они испробовали, была попытка разрушить нашу мечеть в Окленде руками арабов-сионистов. Этих людей мы называем афро-сионистами. Они на самом деле сионисты, хотя внешне похожи на афроамериканцев. Все их поступки говорят о том, что политически они поддерживают сионизм.

Эти люди убили моего внука. Касательно обстоятельств его смерти не было проведено никакого расследования. Так они хотели запугать меня. Сионисты также заставили замолчать имама Джамиля Аль-Амина. Это был один из самых известных мусульманских лидеров в США. Американские власти арестовали его в 2000 году и бросили за решетку. Аль-Амин возглавлял группу под названием «Аламе». Одним его соратников был имам Лугман. В 2009 году его убили сотрудники ФБР, он получил 21 пулю! Что же касается меня, то если я не прекращу свою агитацию и не начну с ними сотрудничать, то меня либо бросят в тюрьму, либо убьют.

И все же что бы они ни делали, это не мешает нам идти дальше и даже открывает новые возможности. Мы используем их угрозы для того, чтобы еще больше укрепить свою волю к достижению поставленных целей. Нападение врага не ослабляет, а наоборот укрепляет наши силы. Позвольте привести вам один пример. С начала Исламской революции Иран был и остается мишенью для атак сионистов, американцев и союзников Запада. На страну напал Саддам Хусейн.

Саддам, которого поддерживали Саудовская Аравия, Кувейт, Иордания и Египет. Однако посмотрите, какой был результат. За эти более чем 30 лет против Ирана вводились разные санкции, ему объявляли бойкот. Но если рассуждать логически, какая страна является самой независимой и успешной? Это Иран, который намного стабильнее, чем Афганистан, Пакистан и, конечно, Ирак.

Сейчас мы наблюдаем, как некоторые арабские страны региона, начиная с Саудовской Аравии и заканчивая Катаром, сотрудничают с Америкой. Они создали группировки такфиристов, но против какой страны их собираются использовать? Против Ирана. Иран – это самое стабильное государство в регионе, несмотря на существование внутри страны антигосударственного движения, которое принято называть «мятежом». То же самое произошло и с нами. Сколько они ни интриговали против нас, мы стали еще более решительными и улучшили свою организацию.

– Недавно вас арестовали и подвергли пыткам. Расскажите о том, что стало причиной этого, и как все проходило.

– Несколько дней назад в дверь мечети постучали. Один из членов нашей группы, который, как оказалось, был шпионом, отделился от полицейских и встал у двери. Он разговаривал со мной, стоя на улице, и я узнал его голос. Он попросил открыть дверь, но я ответил, что не могу с ним поговорить сегодня и попросил прийти завтра или в какой-то другой день. Тогда подошли сами полицейские и сказали, чтобы я открыл дверь и вышел, держа руки перед собой. Я спросил, есть ли у них ордер на арест, а также о том, зачем они пришли сюда. Они мне ничего не ответили и потребовали выйти. Я включил свет и вышел наружу. Они отвели меня в полицейскую машину, сказав, что я не имею права здесь находиться, что якобы владелец этого здания попросил забрать меня отсюда.

Я ответил им, что владелец – я сам, что мое имя указано в документе на собственность. Мы купили эту мечеть в 1981 году и в документах указано, что «Мечеть ислама» не является коммерческим учреждением. Как может быть незаконным мое пребывание в том месте, которое является моей собственностью? Все-таки меня доставили в тюрьму, а потом перевели в другую, где меня и пытали. Теперь они используют новые виды пыток, после которых не остается следов на теле. Связав руки за головой, меня клали на пол лицом вниз, а руки тянули вверх, что было

очень больно. Помимо этого они скручивали разные части тела.

Меня укладывали на бетонный пол. Ноги и руки вытягивали вверх так, что вес тела приходился на грудь и голову. Потом один из них в области поясницы придавливал меня к полу. Одновременно с этим они выкручивали другие части тела. Из-за давления, которое приходилось на грудь, мне было почти невозможно дышать. У них есть разные способы убить человека, не используя при этом огнестрельное оружие и не оставляя следов на его теле.

Кроме всего этого, они украли все мои деньги. Повод для моего задержания был абсолютно надуманным. У них не было никаких оснований отправлять меня в тюрьму. Они сделали все это при пособничестве сионистов. В изоляторе они убили множество других темнокожих. Я очень рад, что смог уцелеть после этих пыток.

– Похожая история произошла и с внуком Малкольма Икса. Как вы думаете, если вы продолжите вашу борьбу, вас тоже убьют?

– Я непременно продолжу свою борьбу. Что бы они ни делали со мной, я не потеряю надежду. Все герои переживали подобные испытания. Имам Хомейни лишился своего сына Мустафы. Все, кого убили за их идеи в Иране и в других странах мира, переживали большие мучения. В разных частях света народ бомбят и уничтожают каждый день. Такфиристы в Ираке убивают столько людей. Не меньше погибает в Афганистане и Пакистане. Теперь они снова взялись за Сирию. Эти убийства продолжаются и в самой Америке. Власти этой страны уничтожают многих людей. На их совести жизнь Мартина Лютера Кинга и Малкольма Икса. Малкольм Шабазз, внук Малкольма Икса, тоже был моим другом. Мы регулярно общались, и он принимал участие в некоторых наших акциях. Мы очень хорошо знали друг друга. Обстоятельства его гибели тоже вызывают большие сомнения.

Если говорить о моей персоне, то сейчас мне 69, а через год будет уже 70. Если в этом возрасте я все еще жив, значит, на то есть воля бога, который хочет, чтобы я исполнил свою миссию. Поэтому я не только не оставляю свое дело, но и стану еще больше бороться против сионистов. Им было бы лучше воевать с кем-нибудь другим, потому что мы благодаря своей борьбе становимся все более сильными и решительными. Посмотрите на Иран. Иранцам угрожают каждый день, говорят, что рассматривают все варианты атак, что если они не будут сотрудничать, то подвергнут-

ся бомбардировкам. Сионисты угрожают Ирану каждый день. Нетаньяху появляется в ООН и демонстрирует там какую-то химеру, заявляя, что это фотография иранской бомбы. Уже десять лет говорят, что Иран через два года создаст ядерное оружие. Так где же оно? Несколько иранских ученых-ядерщиков убиты. У этих людей были семьи с маленькими детьми, они считались добропорядочными гражданами и никому не причиняли зла.

Те, кому мы противостоям, отправляются тренировать боевиков в лагере Ашраф в Ираке и дают им все необходимое снаряжение, чтобы они занимались террором в Иране. Знаете, почему они смогли убить иранских ядерщиков? Террористам дали специальные морские бомбы. Они специально предназначены для затопления лодок. Такие бомбы действуют очень точно, поэтому в каждом случае вся сила удара пришлась на саму машину, где был ученый. Именно американцы предоставили такие бомбы и научили ими пользоваться. ООН ничего не говорит по этому поводу. Там убеждены, что, поскольку речь идет об Иране, в этом не стоит разбираться.

– Одной из проблем мусульман и темнокожего населения Америки является отсутствие сильного лидера. Малкольм Шабазз накануне своей смерти просил иранские власти дать ему разрешение на въезд в страну. Чувствуете ли вы опасение за свою жизнь, чтобы обратиться к Ирану с такой же просьбой?

– Я тоже обратился с просьбой посетить Иран, чтобы провести переговоры с руководством этой страны, но сделал это не затем, что бы сохранить свою жизнь. Моя борьба должна быть в Америке. Моя миссия здесь. Сейчас мы занимаемся выполнением самого важного дела нашей жизни. Саудовская Аравия и сионисты утомили или вообще подавили исламские движения в Северной Америке. Однако мы стараемся вновь возродить эти действительно исламские силы.

Разведслужбы, такие как ФБР и ему подобные, подавили или как минимум нейтрализовали многие народные движения в Америке за счет физического устранения их лидеров. Но мы не боимся за свою жизнь. Мы не боимся Америки. С каждым днем мы все больше вдохновляемся той борьбой, которую ведем. Я хотел бы приехать в Иран для того, чтобы иметь возможность подробнее познакомиться американский народ с тем, что происходит внутри этой страны. Однако я должен исполнить свой долг здесь, в Америке.

– Мой последний вопрос, наверное, будет не-

сколько отличаться от предыдущих. Когда вы чувствуете, что на вас сильно давят и уже нет никакого выхода, к кому еще вы обращаетесь за помощью, кроме бога?

— У меня дома есть портрет Малкольма Икса, которого я считаю одним из образцов и стараюсь ему подражать. Я также храню и одну свою фотографию, оставшуюся с тех времен, когда я еще не был мусульманином, носил модную одежду и вообще бросал деньги на ветер. У меня еще есть фотография человека, которого я тоже считаю примером для себя. Это имам Хомейни. Мы тоже хотим сделать нечто подобное тому, что он совершил в Иране. Я знаю, что пока не могу сравниться с имамом, но я делаю все возможное для этого. Во время своей ссылки он хотел поехать в Кувейт, но его туда не пустили. Вместо этого его отправили в Наджаф в Ираке, как раз туда, куда его не надо было посылать. Имам оказался там, где ему действительно надо было находиться. Там он имел возможность встречаться с иранцами и знакомить их с идеей о «веляйте факих».

Если вы хотите судить о человеке, то вспомните слова знаменитого французского писателя и политика Альфонса де Ламартина, который говорил: «Если в качестве критерия гениальности человека определить величие цели, ничтожность средств и поразительный результат ее достижения, то кто из великих мужей истории посмеет сравниться с пророком Мухаммедом?» Величие цели — это установление исламского государства в одной из самых загнивающих и зараженных западным влиянием стран своего времени, находящейся под властью шаха-диктатора. Ничтожность средств — это отсутствие какой-либо армии

или другой военной силы, а поразительный результат — это создание Исламской республики и восьмилетняя война с Ираком без всякой помощи со стороны и при условии враждебности со стороны всех народов региона за исключением, конечно, сирийского.

Одной из выдающихся особенностью личности имама было то, что он никогда не гордился собой. Несмотря на всю свою власть и огромные полномочия, он вел себя, как простой человек. Посмотрите, что стало результатом его усилий, насколько Запад был взбешен действиями иранцев. Однако когда имам прибыл из своей ссылки в страну и решил выступить со своей известной пятничной проповедью, народ собрался со всего Тегерана, чтобы послушать его, и все стали заодно. Вождь сказал: «Я обращаюсь к нашему мессии имаму Мехди, имея только это израненное тело». Все мы помним день 6 тира 1360 года (27 июня 1981), когда на жизнь имама было совершено неудачное покушение. Любая попытка подорвать основы Исламской республики делала ее еще сильнее. И сейчас у Ирана самый лучший лидер в мире.

Получается, что устраивая заговоры против меня, предпринимая нападения и пытки, они не подрывают мои силы, а, напротив, помогают мне. Этот путь прошли все те, кого я взял себе за образец. Я никогда не оставляю своего дела, довольствуясь уже проделанной работой. Никто не заставляет меня этим заниматься, мне самому нравится это делать. Думаю, что господь создал меня именно для того, чтобы я набрался опыта и сейчас вновь возродил исламское движение в Северной Америке. Я благодарю создателя за это.

МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ: НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ? ¹

Латион С.

Уже очевидно, что присутствие мусульман и ислама в Европе — это не новое явление и не ситуация, которая могла бы разрешиться сама собой с течением времени. Мусульмане — часть европейского общества, что выражается как в их количестве (более 12 млн в Западной Европе²), так и в том, что большинство из них являются гражданами стран Европейского союза. Исходя из этого, европейское общество должно выработать механизмы интеграции этой новой мусульманской составляющей, для достижения чего необходимо отказаться от взаимных предрассудков и страхов и начать диалог во имя становления европейского общества — плюралистичного и уважающего культурные и религиозные различия. Однако не будем забывать, что большую часть европейской мусульманской общины составляют «непрактикующие» мусульмане, хотя многочисленны и те, кто соблюдает пост в Рамадан или отмечает праздник Жертвоприношения (Идаль-Адха). Они необязательно осознают себя в рамках интересующей нас тенденции. Нам представляется весьма важным особо подчеркнуть, что это — специфический дискурс, поддерживаемый «мусульманскими активистами»³, которых иные считают «исламистами» и «фундаменталистами». Уважая европейское законодательство, мусульманские активисты отстаивают свою ис-

ламскую идентичность. Они рассматривают себя одновременно и как мусульмане, и как французы, англичане или швейцарцы, не усматривая в этом конфликта интересов. Перед ними, в отличие от поколения 1980-х, не стоит проблема отрыва от своих корней. Молодые европейские мусульмане хотят жить в Европе, придерживаясь своих религиозных убеждений и пользуясь привилегиями полиэтнического общества. Они говорят:

«Я — часть поколения, которое пользуется наибольшими возможностями жить, придерживаясь установлений своей веры. Я недолго колебался в вопросе определения моей идентичности — ведь я родился во Франции в мусульманской семье, которая меня воспитала в духе ислама. Я люблю обсуждать эти проблемы с французами немусульманами, потому что таким образом они узнают, кто я на самом деле. Мы должны встречаться больше и чаще. Только таким образом ценность нашего культурного наследия будет признана»⁴.

С другой стороны, как отмечает Фархад Хосрохавар⁵, «насколько движение берегов 1980-х гг. было выражением желания интеграции, настолько исламизация — это констатация невозможности интеграции, но для большинства представителей общин, с которыми мы говорили, быть хорошим мусульманином означает быть хорошим гражданином». И, как замечает Лейла Бабес⁶, «это не потому, что интеграция не является девизом молодых мусульман, но потому, что в реальности интеграции нет». Это замечание подтверждается многочисленными свидетельствами: «Я был яростным борцом движения против расизма до того момента, когда я понял, что я требую культурной ассимиляции, потому что это было лучшим способом быть принятым во французское общество. То есть это означало, что тем самым я перечеркну мою историю только для того чтобы быть причастным к истории моих дру-

1 Сотрудничество с CRE («Комитетом за равноправие») городскими властями Лейстера и центром изучения истории религий Лейстерского университета за успешную инициативу было удостоено высшего диплома «за плюрализм и культурную идентичность».

2 Мы не располагаем точными цифрами, так как в последних опросах не фигурировал вопрос о религиозной принадлежности. Тем не менее существуют приблизительные оценки национальных институтов статистики и посвященные этой теме отдельные исследования, такие как, например, вышедший в специальном номере «Jeune Afrique» (№ 1879, 8-14 janvier 1997) материал, озаглавленный «Настоящее лицо ислама» или статья Ф. Ламана (F. Lamand) «Entre insertion et exclusion», а также материалы в «Time» за декабрь 2001 г. (vol. 158, № 26. P. 46-47).

3 Под «мусульманскими активистами» здесь мы подразумеваем людей, знающих принципы ислама, соблюдающих религиозные предписания, занимающих активную общественную позицию и выступающих за плюрализм и солидарность.

4 Branine N. Identité musulmane: entre appartenance et référence // Islam de France. 1998. № 1. P. 87.

5 Khosrokhavar F. L'universel abstrait, le politique et la construction de l'islamisme comme forme d'altérité // Une société fragmentée? Le multiculturalisme en débat. P.: La Découverte, 1996. P. 136.

6 Babes L. L'Islam positif. P.: La Découverte, 1997. P. 136.

зей-французов. Это мне кажется несправедливым. Сейчас я подчеркиваю мое отличие от них, и это единственный способ подчеркнуть мою сущность во Франции. И я хочу, чтобы меня уважали как молодого мусульманина»⁷.

«МУСУЛЬМАНСКИЕ АКТИВИСТЫ»

Отправной точкой нашего исследования является факт существования мусульман, которые стремятся к конструктивному диалогу. Несмотря на разницу в происхождении, биографии и социальном окружении, их, возможно, объединяет общий дискурс, касающийся Корана и профетической традиции и имеющий целью выработать в европейском контексте исламское право (фикх), соответствующее обществу, в котором они живут. Мы хотим показать на конкретных примерах, что у мусульманских активистов существует реальное желание участвовать в развитии общества, к которому они принадлежат. Как бы ни казалась эта идея преждевременной, мы хотели бы продемонстрировать, что ислам может быть фактором интеграции для молодых мусульман, рожденных и выросших в Европе. Этот ход мыслей, унаследованный от очень активного в мусульманском мире с конца XIX по 40-е гг. XX в. реформистского движения, находит свои «европейские» отклики в произведениях таких мыслителей, как Ф. Эсак, К. Ганнуши, Ю. ал-Карадави, К. Мурад, Х. Али Надви и Т. Рамадана. И вот уже много лет эта тенденция становится все более и более явной как в самом сердце европейской мусульманской общины, так и в работах, ставящих проблемы ислама в Европе; она проявляется и среди практикующих членов общины. Это влияние подтверждается полемическим исследованием, которое мы провели осенью 1998 и весной 1997 г.⁸

Мы отбирали респондентов среди мусульманских активистов, пользующихся наибольшим авторитетом в общине (около 30 интервью)⁹, руководствуясь четырьмя критериями. Первый кри-

терий — это их значимость в локальной общине практикующих мусульман, будь то мечеть, исламский центр, культурная ассоциация, лекторий или любое другое место встреч (необходимо иметь в виду, что знаменитости, — какими, например, являются во Франции певец Халед и футболист Зидан, — имеют значительно большее влияние, чем главы общин, какими бы компетентными они ни были). Вторым критерием основан на национальной значимости дискурса (даже если деятельность этих авторитетов носит локальный характер) и на глобальном восприятии их присутствия в обществе и результатах этого. Третий элемент представляет собой концепцию социальной исламской активности; отношение к трансцендентному, не только в вертикальном измерении (духовном и индивидуальном), но и в горизонтальном, земном измерении, выражающемся в отношении к окружающим. Так же мы учитывали то, что интерпретация исламских источников через европейскую призму придает этому дискурсу европейский характер, учитывая тот контекст, в котором формируется этот дискурс. Поскольку возраст и происхождение не были основными критериями при отборе респондентов, мы старались отразить все разнообразие мусульман, присутствующих в Европе (арабы, турки, пакистанцы, новообращенные мусульмане).

Мы исключили из нашего исследования суфийские течения, несмотря на то, что они имеют довольно значительное влияние в Европе, в особенности среди выходцев из Турции, Албании, Черной Африки, а также новообращенных мусульман. Но с точки зрения их веса в общине и общей социальной активности они не отвечают критериям нашего исследования¹⁰. Наше исследование построено на встречах и интервью с общинными лидерами, представителями мусульманской интеллектуальной элиты, активно занимающимися общественной деятельностью как внутри общины, так и вне ее. Тем не менее цель нашего исследования состояла в выявлении не только дискурса, но и действий более широкого плана, а не толь-

7 Branine N. Op. cit.

8 В Женеве, Лионе, Париже, Нанте, Лилле, Брюсселе, Льеже, Лувэне, Кельне, Цюрихе, Амстердаме, Роттердаме, Лондоне, Лейсестере, Стокгольме, Милане, Мадриде, Барселоне, Кордове, Гренобле.

9 В результате опрос помог нам выявить: а) кто эти практикующие мусульмане; б) их влияние на общину; в) в каком дискурсе они находятся; г) их характеристики; д) их требования; е) их идеи и конкретные действия; ж) их контакты с другими мусульманскими сообществами, с сообществами немусульман, с авторитетами мусульманских общин; з) их цели; что, на их взгляд, ислам может принести в Европу.

10 Даже если некоторые из братств активны в социальном плане, они не включены в европейский дискурс. Ассоциация «Таблиг» также не будет фигурировать в нашем исследовании, так как основным направлением ее деятельности является религиозная проповедь внутри мусульманской общины, построенная на примерах из жизни Пророка, направленная на приобщение молодежи к религиозной практике. Несмотря на попытки изнутри изменить характер движения, предпринимаемые некоторыми членами ассоциации (такими, как Абдельрауф Бенхалима), тем не менее оно не отвечает нашим критериям (устное сообщение Оморо Маронджиу (Omoro Marongiu), 16 октября 1998 г., Лилль).

ко внутри этой элиты. Это необходимо для того, чтобы представить неизбежный ход развития мусульманских общин Европы. Именно к этому интеллектуальному течению можно отнести — в большей или меньшей степени — большинство практикующих мусульман.

Исходя из того, что подавляющее большинство европейских мусульман не являются практикующими, а некоторые представители молодого поколения считают себя и нерелигиозными, нам следует определиться с тем, кого же из наших «мусульманских респондентов» мы включаем в референтную группу. Для «непрактикующих» мусульман фундаментальное право свободы вероисповедания, гарантированное законом, полностью оправдывает их ожидания, тем более что отсутствие противоречий с обществом и государством позволяет им пользоваться всеми благами свободы совести, соответствующими их личным потребностям. Далее, если мы оставляем за скобками один или два процента мусульман-фанатиков, которые не будут удовлетворены до тех пор, пока в Европе не восторжествует «закон Божий», то мы получим 15-20 %¹¹ от мусульманской общины в зависимости от страны. К тому же «мусульманские активисты» имеют больше шансов на диалог с властью в тех случаях, когда речь идет о вере, практике и взаимодействии между религиозными и светскими институтами.

Согласно Феличе Дассетто, самих практикующих мусульман можно статистически или типологически разделить (хотя это и весьма сложно) на три группы: «активно практикующие», «практикующие дома» и «условно практикующие»¹². В свою очередь, Жослин Сезари разделяет тех, кто, будучи светскими людьми, сохраняет культуру ислама, и тех, кто переносит ислам в социальную сферу, т.е. «неоортодоксов»¹³. Другие исследователи также определяют активных мусульман как представителей «неообщинного»¹⁴

ислама, «неофундаменталистов»¹⁵. Это отсутствие ясности, или скорее даже переизбыток определений, требует определенности, если не терминологической, то уж как минимум по существу. Несмотря на расхождения в терминологии, описывающей интересующую нас группу мусульман, по-новому относящихся к своей вере, стремящихся отойти от сектантского видения и от этничности их родителей ради того, чтобы отстаивать права ислама, свободного от различий культурных традиций. Все те, чьи слова приводились в этой статье, сходятся во мнении, что будущее европейского ислама — именно за социально активными мусульманами. Они присоединяются к заключению одного лионского наблюдателя, утверждавшего несколько лет назад, что «сегодня мы наблюдаем за тем, как рождается ислам молодых, большинство из которых — самоучки. Вот уже 15 лет наблюдая за этим движением молодых мусульман, я замечаю, как оно растет и зреет. Эта молодежь имеет склонность к рефлексии и спиритуальности, и это ни в коей мере не подразумевает под собой экстремизма... Именно они будут формировать образ французского ислама в ближайшие 15 лет»¹⁶.

Этих молодых мусульман характеризует очень сильная укорененность в местах их проживания, тесная связь с родиной и мобилизационные возможности, существующие благодаря их тесной связи с исламской общественной деятельностью. Молодежь осознает проблемы и ситуации, с которыми сталкиваются мусульмане непосредственно в их кварталах, в их городах. Итак, в нашем исследовании мы все-таки отдадим предпочтение термину «мусульманский активист» (*musulman engagé*). Мусульманский активист — «это тот, кто знает и усердно практикует принципы ислама в личной жизни, религиозной, в отношениях с другими, тот, кто всегда этим принципам верен. Это тот, кто берет на себя обязательства справедливости и старается во благо других и своего окружения»¹⁷.

При обсуждении состояния центров исламской жизни в сегодняшней Европе и того, какими они должны быть, эти мусульмане, активно пред-

11 По данным проводившихся во Франции опросов: в 1989 г. агентством SOFRES для журнала «Nouvel Observateur», в 1994 г. агентством IFOP для газеты «Le Monde» (который выявил 27 % практикующих), а также по опросу INED от 23 марта 1995 г. со следующим результатом: 14 % — практикующих среди детей иммигрантов (10 % среди мальчиков, 18 % среди девочек). Эти опросы подтверждают результаты наших исследований, проведенных при помощи общинных лидеров, с которыми мы встречались.

12 Dassetto F. Europe: l'Islam nouveau est arrivé // Vivant univers. Sept.-oct. 1997.

13 Cesari J. Musulmans et républicains. Bruxelles, 1998. P. 63

14 Khosrokhavar F. Op. cit.

15 Roy O. Le néo-fondamentalisme islamique ou l'imaginaire de l'Oumma // Esprit, апрель 1996; Он же. Naissance d'un islam européen // Esprit. Janvier, 1998.

16 Интервью со священником Кристианом Делормом, вышедшее в журнале «Islam de France» (1999, № 1. P. 122).

17 По высказыванию Тарика Рамадана во время конференции «Ислам и гуманизм», проходившей в 1997 г. на стадионе Роуз-Хилл на о. Маврикий.

ставляющие свои общины будут готовы к позитивному диалогу с представителями власти. Таким образом, возможность встречи и обсуждения социальных и образовательных инициатив сможет облегчить достижение понимания и сотрудничество в конкретных проектах.

КТО ОНИ?

Очень сложно обрисовать типичный портрет ангажированного мусульманина. В массе своей это молодые люди, родившиеся в Европе, за плечами у некоторых из них весьма сложный жизненный путь, непростые духовные переживания, которые они испытали, прежде чем прийти к равновесию в отношении своей веры и европейской идентичности. Некоторые же унаследовали основы религиозной традиции у своих родителей и, после успешного обучения, нашли свое призвание в жизни мусульманской общины, что стало для них логическим продолжением личного развития. Также можно встретить молодых людей, родившихся в Магрибе, Турции или на Ближнем Востоке, получивших высшее образование в европейских университетах и оставшихся жить в Европе. Они получили религиозное образование в стране, откуда они родом, у них есть высшее образование, и они хорошо знают европейское общество. Они были верующими и до приезда в Европу, где они просто продолжают заниматься тем, чем занимались на родине (часто вместе с земляками). Среди них есть и представители старшего поколения (в возрасте от 50 до 60 лет), которые, как правило, заняты в более традиционных учреждениях: мечетях или исламских культурных центрах (например, в Женеве, Экс-ля-Шапеле, Париже, Лондоне). Некоторые из них, анализируя свой богатый личный опыт и неплохо разбираясь в общеевропейском контексте, приходят к новому видению своего присутствия в немусульманском обществе. И, наконец, есть и новообращенные мусульманы, у которых за плечами нередко католический духовный опыт. В первое время они очень строго соблюдают не только обычай одеваться и питаться в соответствии с установлениями Корана, но и придерживаются традиционных трактовок коранического текста. Со временем их позиция становится более мягкой, но они по-прежнему соблюдают основные положения Корана и профетической традиции.

Что же объединяет столь разных людей? Помимо общей веры мы можем выделить следующие элементы: регулярная практика, хорошее

знание ислама, достаточно высокий социокультурный уровень и уровень интеграции, низкая конфликтность, успешная карьера (как правило, среди них есть доктора, преподаватели, директора школ, социологи, издатели и т.п.). И они действительно много делают во имя общины и ислама.

ДИНАМИКА ПРОЦЕССА

Начиная с 1990-х гг., т.е. с того момента, когда новое поколение мусульман взяло на себя ответственность решать определенные проблемы, связанные с образованием, маргинализацией, отрицанием их религии, сложностями, связанными с практикой культа и средой, враждебно настроенной по отношению к религии, можно констатировать определенную эволюцию. Тот факт, что новые поколения мусульман, родившиеся и выросшие во Франции или других европейских странах, стараются лучше понять ислам, представить его практику в зависимости от контекста, в котором они находятся, может пролить новый свет на обычное восприятие ислама в западных обществах. Оригинальность этой новой встречи ислама и Европы несколько затуманивает наш подход. Мы не можем исходить из установившегося мнения, о том, что именно хотели бы практиковать и чему следовать в немусульманском контексте, это не тот случай. Также мы не можем исходить из мнения мыслителя или духовного учителя, который мог бы нам описать основы исламского европейского дискурса; такого человека не существует, и сама идея его существования противоречит исламу (по крайней мере исламу суннитского толка). То есть мы должны иметь в виду различные исторические референции (реформистское движение, современные авторитетные имамы), референции и дискурсы в различных контекстах (личности, интеллектуала и европейских имамов), жизненные пути, связь с родиной, «почвой», чтобы выявить основные пункты европейского исламского дискурса.

Эти молодые общинные лидеры являются движущей силой изменения европейского мусульманского контекста: личный опыт и социальный контекст повлияли на веру, прежде чем стать толчком к социальной вовлеченности, рефлексии и выработке дискурса. Это уже не работники-эмигранты с ограниченными финансовыми возможностями и недостаточным социокультурным багажом, которые приехали в Европу на заработки, чтобы помогать семьям, оставшимся на родине, что предполагало возвращение с небольшим капиталом,

заработанным тяжким трудом. Сейчас это новое поколение, рожденное и выросшее в Европе, желающее строить будущее здесь. На протяжении уже нескольких десятилетий идея возвращения на родину отброшена в пользу желания интеграции в европейское сообщество. Присутствие мусульман становится все более видимым, это уже не проблема скрываемого ислама работников-холостяков, теперь это целые семьи, живущие в Европе и желающие иметь собственные места для отправления культа, школы и участки на кладбище, но больше всего и прежде всего — признание их прав быть мусульманами, участвовать в разрешении городских проблем и быть признанными обществом, несмотря на их отличия.

Десять лет — это слишком небольшой срок для того, чтобы произошли определенные изменения в восприятии немусульманами мусульман. Этого также слишком мало и для того, чтобы мусульмане приняли новую социокультурную реальность, с которой они столкнулись. С одной стороны, мы переживаем период перехода от мелко-общинного образа жизни представителей старшего поколения, находившегося под влиянием ислама их страны и этничности и с опаской относящихся к остальному обществу, а с другой стороны, это время напора молодых мусульман, борющихся одновременно и за свое право на веру, и за европейскую идентичность. Различия неизбежны, и только время сможет загладить нынешний конфликт поколений.

В результате этой эволюции появляется больше мечетей и центров традиционной культуры, а также молельных комнат, помещений для общинных объединений; количественные изменения переходят в качественные, что влечет за собой формирование нового образа европейского ислама. Эволюция, которую можно было наблюдать в Великобритании, иллюстрирует процесс¹⁸, в результате которого появляются организации, понемногу завоевывающие доверие местного населения. Как во Франции, так и вообще в Европе, основной элемент этой эволюции опирается на представителей нового поколения, более уверенных в себе,

18 Введение в начале 1980-х гг. общей политики, благоприятствующей возникновению мультикультурного общества путем увеличения ресурсов выделенных группам меньшинств, частично объясняет рост числа общинных ассоциаций и особенно организаций: Союз мусульманских организаций Великобритании и Ирландии (УМО), Исполнительный комитет по делам ислама в Великобритании (UKACIA), а также European Islamic Council, которые имеют значительное влияние и вес в глазах как мусульман, так и немусульман.

пользующихся преимуществами двух культур, лучше знающих свои права и постепенно замещающих старшее поколение в общинных ассоциациях. Все французские движения — UJM (Union des Jeunes Musulmans — «Союз молодых мусульман») в Лионе или JMF Jeunes Musulmans de France — «Молодые мусульмане Франции»), британское движение YM (Young Muslim — «Молодой мусульманин»), а также SMR (Conseil des Musulmans de Suède — «Совет мусульман Швеции») и, наконец, MMS (Musulmans et Musulmanes de Suisse — «Мусульмане и мусульманки Швейцарии»), — так или иначе сходятся в требовании, выраженном на страницах «Jeunes Musulmans»: «Мы требуем реализации нашего права, записанного во Французской конституции, свободно практиковать нашу религию, а также, будучи полноправными гражданами, вносить свой вклад в общенациональное дело строительства во Франции нового общества: мирного, толерантного и братского...»¹⁹.

Во время форума, состоявшегося в 1997 г., Фарид Абдельkrim (президент JMF) так обрисовал цели ассоциации: «Мы строим здесь будущее, руководствуясь волей Божьей, но тот факт, что JMF руководствуется Словом Божьим, еще не значит, что мы ставим законы Божьи выше законов Республики. Быть хорошим мусульманином — это быть хорошим гражданином. Мы во Франции, а не в Бангладеш или Соединенных Штатах, существуют специфические реалии, которые должен учитывать каждый мусульманин, решивший жить здесь...».

Восприятие себя как активного свидетеля внутри преимущественно немусульманского общества проявляется в словах двух женщин-мусульманок, активисток своей организации. Батул Аль-Тома из Британского исламского общества сказала нам: «Мы должны признать, что нам повезло, потому что мы можем пользоваться сразу многими культурными традициями, которые формируют европейскую реальность и которые влекут нечто вроде соревнования, способного улучшить нас и, более того, освободить от всех недостатков этих культур». Во время нашего пребывания в Стокгольме Элеонор Бенада подтвердила слова нашей предыдущей собеседницы: «Европейский контекст вынуждает индивидуума подчеркивать свою религиозную принадлежность, так как, с одной стороны, отсутствует религиозное принуждение и, с другой стороны, гарантируется конфессиональный нейтралитет.

19 Jeunes Musulmans. 1994. № 1.

И часто это вызывает более искреннее отношение к своей вере».

Значительная часть формирующегося сегодня третьего поколения репрезентирует себя уже не как алжирцев, бенгальцев или пакистанцев, но как мусульман²⁰. Первые поколения культивировали миф о возвращении, религиозную и культурную практику, которая базировалась в большей степени на обычаях и традициях семьи или деревни, чем на Коране и пророческой традиции. Представители младшего поколения (по крайней мере, часть из них) соблюдают религиозные предписания более строго, чем старшее поколение. Несмотря на то, что они хорошо владеют французским, английским, немецким, шведским или голландским, несмотря на то, что часть их культуры европейская, они все же отстаивают свое право на исламскую идентичность. Уже недостаточно просто родиться мусульманином, «они хотят знания и религиозного опыта; открыть в себе исламскую идентичность, основанную на единстве и универсальности веры»²¹. Это двойное требование — желание знать собственную веру, сопровождаемое волей постоянно действовать в социальном, культурном, экономическом, т.е. политическом плане, — в Великобритании вдохновляется идеями маулана Маудуди²². В большинстве других европейских стран идеологическим ориентиром является Хасан Аль-Банна и идеология движения «Братьев-мусульман». Отметим лишь основные направления обоих движений. Идеология, основанная мауланом Маудуди, настаивает на необходимости сохранения исламской идентичности, позволяющей человеку жить в гармонии с реалиями общества и требованиями веры, через религиозное образование. «Братья-мусульмане» призывают усилить единство общины путем максимального расширения религиозной практики при открытости другой части общества. Последние же, руководствуясь индивидуальными соображениями и наблюдениями и исходя из связи с реальностью контекста, преследуют цель — найти свое место и внести посильный вклад в дело ислама.

20 Geaves R. *Sectarian Influences within Islam in Britain* (диссертация, защищенная в университете Лидса, 1996 г., не опубликована).

21 Geaves R. *Op. cit.*

22 Параллельно со своей политической деятельностью в Пакистане, Маудуди много писал о положении ислама в немусульманском обществе. Существующие связи между организациями, относящими себя к его идеям, и движением «Джамаат-и ислами» в Пакистане сегодня носят преимущественно идеологический и духовный характер.

ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА

Мы хотим подчеркнуть именно содержание дискурса, возможность его передачи от активистов к остальным и также конкретные действия, предпринятые для воплощения этого дискурса в жизнь, а не индивидуальные жизненные пути или типологию внутри мусульманской общины. Первый элемент этого дискурса связан с образом мусульманина и места ислама в Европе. Среди многих мусульман и немусульман распространено мнение, что ислам в принципе невозможно интегрировать в европейское общество, так как он ему абсолютно чужд. Однако, если наследие иудеохристианской цивилизации неоспоримо, то и влиянием исламской цивилизации пренебрегать нельзя. Присутствие мусульман в Испании и на Сицилии в Средние века способствовало расцвету и развитию идей европейского Возрождения. Справедливо напомнить о вкладе исламской цивилизации в европейскую культуру — это идеи Аверроэса и шедевры архитектуры, которые пережили превратности истории, войдя в общечеловеческое наследие. Признание этого вклада может быть плодотворным для всех — и для европейцев, потому что таким образом они смогут обогатить свою культуру и более спокойно воспринимать ислам, и для самих мусульман, поскольку осознание общей истории поможет им принять новую реальность и позволит рассматривать свое присутствие в Европе не как аномалию, а как продолжение общей истории, в которой были не только конфликты. Сегодняшний феномен мусульманского присутствия в Европе сравнительно молод (это всего два или три поколения), но на местном уровне уже существуют подвижки, которые позволяют предвидеть возможность сосуществования.

На «мусульманском активисте» лежит двойная ответственность. С одной стороны, для того чтобы новый диалог был возможен, он должен своими словами и действиями изменить тот негативный образ, который активно формируют средства массовой информации. С другой стороны, внутри самой мусульманской общины необходимо поддерживать такое позитивное восприятие своей веры, которое было бы конструктивным как для каждого мусульманина, так и для общества в целом. Большинство наших собеседников подчеркивали важность этого двойного вклада в социальное развитие.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Фундаментальный элемент дискурса мусульман-активистов связан с мусульманской идентичностью, с ее определением в европейском контексте. Именно в этом основная черта тенденции: вернуться к принципам веры, исламским идеалам прежде, чем задумываться о присоединении и приспособлении к современной культуре Европы. Европейский контекст, в котором гарантированы свобода совести и право на отправление религиозных культов, является первым шагом к определению мусульманской идентичности, выраженной в отношении к Богу, так как прежде всего ислам — это вера, духовность и практика, которая не вступает в противоречие с европейским законодательством.

Поскольку свобода гарантирована, мусульманская идентичность требует «...знания текстов и понимания контекста. Мусульмане должны связывать хорошее знание своих идеалов с осознанием европейского общества»²³, т.е. необходимо, чтобы мусульмане, живущие в Европе, постарались понять общество, в котором они живут. Это не означает необходимости принимать все его свойства, но означает знание того, как устроено это общество, для того чтобы легче найти там свое место.

Еще один элемент, сформулированный общинными лидерами, с которыми мы разговаривали, заключается в воспитании и образовании. Ислам — это послание, которое нужно изучать и передавать своей семье и своему окружению, послание, которое нужно углублять и воплощать своими действиями. Вера, которая требует свидетельства, адекватного поведению. Свидетельство же — это четвертая, и основная, составляющая мусульманской идентичности (какой ее описывает интересующее нас течение), свидетельство действием и участием: «Быть мусульманином означает действовать в свете своей веры. Мусульманин-активист должен участвовать в социальной жизни любого общества, в котором он живет, независимо от того, является оно исламским или нет. Он должен действовать в интересах общества»²⁴. Имея в виду такую концепцию исламской идентичности, основанную на четырех пунктах (вера, духовность, практика; понимание текста и контекста; воспитание

и преемственность традиции; действие и участие), можно ли утверждать, что она является гарантированной в европейском обществе? Вне всякого сомнения, право на отправление религиозного культа признается всеми европейскими законодательствами. Право на образование позволяет мусульманам учиться и воплощать в жизнь свои намерения. Свобода собраний обеспечивает мусульманам возможность собираться, создавать организации и обсуждать способы улучшить свою жизнь. Наконец, гарантировано право прибегать к закону для защиты своих законных прав, как и другим гражданам. Все это является основными достижениями западных обществ. С юридической точки зрения здесь не должно быть непреодолимых проблем, напротив, европейское общество гарантирует многочисленные права, которые мусульманские общества не в состоянии предоставить своим гражданам, но суть не в этом. Менталитет меняется значительно медленнее, чем законы. Кроме того, трудные социально-экономические условия, в которых все еще живут многие мусульмане, а также события международного масштаба, затрагивающие мусульманский мир и тенденциозно освещаемые средствами массовой информации, мешают беспрепятственной эволюции восприятия ислама европейцами.

КОНКРЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Когда речь идет об опросах общественного мнения по определенному вопросу или о конкретной проблеме, как, например, мусульманские участки на кладбищах или ношение хиджаба, с властями общаются привилегированные собеседники в лице представителей центральных мечетей, которые олицетворяют официальный ислам и часто связаны с иностранными государствами, но пользуются давностью пребывания на территории. Тем не менее эти институты уже не являются единственными представителями мусульманской общины. Наряду с местными представителями все более возрастает значение новых ассоциаций, которые являются очень активными и напрямую общаются с властями.

В различных европейских странах, которые видят волю своих ангажированных мусульман к участию в развитии общества, появляются обнадеживающие примеры важных инициатив, которые делают возможными диалог, сотрудничество и взаимоуважение. Мы приведем здесь только некоторые из них.

23 «Etre musulman européen», Tariq Ramadan, кассета № 4 // Questions actuelles. Vol. 019. Lyon: Edition Tawhid, 1998.

24 Там же.

Так, в Швеции на политическом уровне мы наблюдаем на протяжении нескольких лет новую инициативу: Социально-демократическая партия ведет переговоры с представителями SMR («Совета мусульман Швеции») с целью включения комитета мусульман в партию, где они присоединятся к группе христианских демократов. Замысел не в том, чтобы создать партию мусульман, но в том, чтобы мусульмане участвовали в существующих политических структурах, что даст им большие шансы на представительство и успех. В основной же массе европейских стран дискуссии с политическими властями часто разворачиваются на местном уровне.

В социальном же плане интерес представляет организация, базирующаяся в Кельне, созданная на основе турецкого движения Milli Görüş EMUG e.V. (Europäische Moscheebau und Unterstützungsgemeinschaft). Эта ассоциация объединяет 650 мечетей Германии и занимается покупкой новых участков, строительством новых мечетей, содержанием существующих мечетей и координацией различных культурных мероприятий.

В Англии Исламский фонд Лейстера (создан в 1973 г. Куршидом Ахмадом и Ахмедом Насируддином) играет ведущую роль в улучшении отношений между разными общинами. У него много задач: прежде всего фонд должен стать центром образования, воспитания и собрания для мусульман и немусульман; в центре изучают арабский язык, Коран, проводятся семинары для социальных работников и полицейских, чтобы познакомить их с мусульманской культурой, также всегда открыта для публики впечатляющая библиотека. Общую цель работы фонда выразила Батула Аль-Тома, ответственная по связи с новообращенными: «Мусульмане должны понимать, что труд истинно верующего — это труд на благо всего общества, а не только на благо общины. Мы должны искать сотрудничества, понимания и диалога с другими». Фонд также является центром научных исследований в разных областях (экономика, межрелигиозный диалог, ислам в Европе и Центральной Азии). И, наконец, фонду принадлежит издательство, которое публикует не только произведения Маудуди и общие исследования по исламу, но также журналы и детскую литературу. Благодаря серьезности работы и качеству своих публикаций фонд добился несомненного уважения внутри мусульманского сообщества, и его сотрудники пользуются уважением и призна-

тельностью как со стороны властей, так и научного мира²⁵.

В рамках отношений с немусульманскими организациями участие молодежи из UJN и Présence Musulmane («Исламское присутствие») в образовательной лиге Франции также является впечатляющим жестом открытости и стремления к диалогу с обеих сторон.

Именно в социокультурном поле мы находим самые интересные и новаторские инициативы. Помимо многочисленных книжных магазинов и библиотек, организованных ассоциациями (Tawhid в Лионе, AMIS в Милане, SMR в Стокгольме, Женевский исламский центр, EMUG в Кельне), мы хотели бы отдельно отметить три особенно оригинальных проекта: во Франции это прежде всего продюсерский центр, созданный по инициативе членов JMF, который работает с мусульманскими музыкантами, театральными труппами и молодыми режиссерами, несущими идеи ислама. В Милане Il Fondaco di Mori стремится пробудить у итальянцев интерес к богатству исламской культуры посредством ресторана. Прибыль, получаемая рестораном, позволяет финансировать другие виды деятельности ассоциации (библиотеки, конференции, выставки). «Нужно преодолеть фобию запрещенного, которая вредит общине. Невозможно запретить все, и я с удовлетворением замечая позитивные изменения среди улемов, которые одобряют то, что мы уже практикуем в спорных областях, таких как отношение к женщинам, диалог, социальная активность, питание... Как мы должны позиционировать себя в итальянском обществе? Что я хочу делать и что я могу делать? Как изменить мусульманскую общину, которая стоит на неверном пути? В Европе мы должны были импровизировать, во многих случаях практика предшествовала теории. Послание Корана — не только дискурс, но скорее это поведение и точка зрения»²⁶. Хасан Аеш из Голландии предлагает совместить идеи ислама с движением скаутов: «Движение скаутов — это альтернатива, которую мы можем предложить молодым. Альтернатива не сугубо исламская, но содержащая в себе некоторые элементы и принципы исламского воспитания. Движение скаутов — это идеаль-

25 Сотрудничество с CRE («Комитетом за равноправие») городскими властями Лейстера и центром изучения истории религий Лейстерского университета за успешную инициативу было удостоено высшего диплома «за плюрализм и культурную идентичность».

26 Интервью с Али Шуцем, Милан, октябрь 1998 г.

ное дополнение к воспитанию, которое дети получают, или не получают, дома или в школе»²⁷.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО КАК ВЫЗОВ

В заключение мы постараемся выделить некоторые проблемы, поставленные мусульманскими активистами. Во-первых, речь идет о проблеме, с которой сталкивается европейская мусульманская община, в особенности молодежь. Она заключается в сложности их позитивной интеграции в европейское общество, в том, чтобы быть одновременно европейцами и мусульманами, не создавая при этом противоречий. Все общинные лидеры, у которых мы брали интервью, единодушно утверждали, что в Европе возможно быть практикующим мусульманином и что необходимо, чтобы мусульмане признавали общественный и моральный договор между ними и обществом, которое им необходимо уважать. Тут появляются два препятствия.

Препятствие на духовном уровне состоит в том, что многие внутри этого светского европейского общества (как мусульмане, так и немусульмане) желают, чтобы противоречия внутри мусульманских общин были преодолены, а проявления духовности в обыденной жизни не были бы исключительными в каждом отдельном случае. Препятствие на уровне семьи состоит в том, что ей необходимо вернуть ведущую роль. Те представители общин, с которыми мы общались, отводят центральное место не школе (будь исламская она или нет), не мечети, но именно семье²⁸. Здесь мы затрагиваем темы, значимые с точки зрения сосуществования — смешанные семьи, статус женщины, гомосексуальность, аборт, эвтаназия, другие важные общественные вопросы и то, как на них будет реагировать мусульманская община.

Сегодня в Европе участие мусульманских женщин в исламских ассоциациях минимально, но никто в этом вопросе не сможет отрицать наличия позитивной динамики. Мы еще увидим, как возрастет количество мусульманок, участвующих в социальной, культурной, профессиональной и политической деятельности. И даже если внутри самой мусульманской общины стремлениям этих женщин участвовать в жизни общест-

ва наравне с мужчинами могут препятствовать, это сможет лишь замедлить данный процесс, но не остановить его. Доступность обучения и профессиональной сферы способствует тому, что все больше и больше женщин принимают активное участие в семейной, общинной и социальной жизни: «Считать, что женщины-мусульманки — всего лишь послушные наблюдательницы, означает недооценивать силу религиозного бунта»²⁹.

Не упуская из виду главных целей — развития личности и гармонии в семье, — мусульманки будут бороться за более справедливое распределение прав и обязанностей как внутри семьи, так и в профессиональной сфере. Тем более что вопрос о положении мусульманской женщины в обществе является чрезвычайно важным в рамках дискурса о будущем ислама в Европе. Процесс эмансипации мусульманок идет, хотя и имеет непривычные для нас формы.

Финансовая независимость (еще один фундаментальный аспект) — единственный фактор, который сможет гарантировать независимость и прозрачность работы предприятий. Этот фактор будет очень способствовать автономизации европейского ислама, независимости от исконно исламских стран, которые всегда жаждут контроля над европейскими собратьями по вере. Это требование влечет за собой вопрос об общинной идентичности. Идентичность рискует рассыпаться на множество составляющих, из которых нужно будет выбрать те, которые позволят ей гармонично развиваться.

Мусульманские активисты также стремятся обеспечить свою финансовую независимость с целью укрепления межобщинных связей и развития культуры диалога в мусульманском сообществе. Это может способствовать созданию общеевропейской сети на основе взаимного сотрудничества и осмысления общих проблем, которая могла бы стать базой для возникновения единого европейского ислама. Мусульманские активисты борются за право интеграции на локальном (городском) уровне, т.е. за право жить и действовать сообща, не обращая внимания на религиозную, принадлежность, защищать общие ценности и демократический опыт, право на работу, жилье и образование: «Действовать сообща в наших кварталах, привлекая всех сочувствующих, для того чтобы каждый гражданин — мусульманин или нет — мог участвовать в локальной политической жизни,

27 Интервью с Хасаном Айешем, Роттердам, 21 октября 1998 г.

28 Интервью с Ямином Макри, лидером UJM, 28 октября 1998 г. См. также его статью в «Islam de France» (1998, № 2. P. 86).

29 Mernissi F. El miedo a la modernidad y democracia. Madrid: Edición del Oriente y del Mediterráneo, 1992. С 220.

чтобы соблюдался необходимый минимум гражданских прав, чтобы не было дискриминации в отправлении культа. Тогда демократические ценности обретут смысл»³⁰.

Мы далеки от того, чтобы бить тревогу по поводу исламизации Европы и не придерживаемся той точки зрения, что мусульмане-«исламысты» никогда не интегрируются в европейское общество.

И, несмотря на то, что в нашем исследовании речь идет о 15-20 % от общего числа общины, это важно для понимания тенденций развития европейских мусульман. Тем более что они не только далеки от сепаратизма и отчужденности, но, напротив, выдвигают немало интересных инициатив, способных повлиять на ход дискуссий об исламе в европейском обществе.

30 Makri Y. Sur l'évolution des jeunes musulmans et leur pratique // Islam de France. 1998, № 2. P. 86.

ПОЧЕМУ ОНИ НАС НЕНАВИДЯТ? ¹

Бьюкенен П. Дж.

Когда 11 сентября 2001 года террористы направили самолеты на башни Всемирного торгового центра и на Пентагон, американцев шокировало то, сколько людей в исламском мире повторяли: «Америка это заслужила!».

Что же мы сделали, чтобы заплатить за это жизнями трех тысяч наших сограждан? Почему от Палестины до Пакистана прокатились демонстрации в поддержку «Талибана»? Почему миллионы мусульман восхищаются Осамой? Почему исламские радикалы ненавидят нас настолько, что готовы пожертвовать жизнью, если появляется возможность убить кого-то из нас? Они же не рассчитывают на победу над США, правда? Может, они обезумели?

«Почему они нас ненавидят?» — спрашивали американцы после 11 сентября. Президент Буш дал понять, что его изумляет такое отношение: «Я поражен тем, что ряд исламских стран вызывает такую ненависть к Америке... Я поражен тем непониманием наших действий, которое демонстрирует эта ненависть... Подобно большинству американцев, я не могу в это поверить. Я же знаю, что мы не имели злых умыслов».

Когда исследователи стали искать другие ответы, их обвинили в «неуважении к Америке», в том, что они вторят вражеской пропаганде и пытаются переложить на нашу страну ответственность за преступления террористов. На нас напали, заявил «National Review», потому что мы «могущественны, богаты и доброжелательны». Наши враги «ненавидят нашу демократию, наш либеральный рынок, наше процветание и экономические возможности, против которых и направили свою атаку террористы», — прибавил Джек Кемп. «Они ненавидят именно то, что мы наблюдаем здесь и сейчас, — демократически избранное правительство, — поведал президент Буш Конгрессу. — Они ненавидят наши свободы, свободу вероисповедания, свободу слова, свободу выбирать, свободу не соглашаться с другими». Организация «Американцы за победу над терроризмом», филиал «Американской помощи», декларировала в своем программном документе: «Радикальные исламисты напали на нас из-за наших демократи-

ческих идеалов, нашей веры в свободу и равенство, реализуемой на практике».

Со всем уважением должен сказать, что эти объяснения оскорбляют даже интеллект второклассника. Неужели японцы напали на нас в Перл-Харборе потому, что мы были свободны, богаты и добры и имели низкие маргинальные налоги? Что такое с нами, американцами, что нам нередко не хватает того самого дара, который поэт Роберт Берне назвал величайшим даром богов, — умения видеть себя такими, какие мы есть? Нас ненавидят не потому, что мы есть. Нас ненавидят за то, что мы делаем. Отнюдь не наши принципы вызвали пандемию ненависти к Америке в исламском мире. Причина — в нашей политике.

Ничто не может оправдать преступления, совершенного 11 сентября. Ничто. И нам ни к чему пространные извинения и мольбы о пощаде тех, кто убил наших сограждан. Они заслуживают того наказания, которое получили. Но сегодня, после искоренения «Талибана», бегства бен Ладена и оккупации Ирака, мы должны задуматься над тем, почему исламские народы желают видеть Соединенные Штаты униженными и даже уничтоженными. Если мы хотим избежать столкновения цивилизаций, которое не сулит выгоды никому, нам следует прислушаться к тому, что говорят мусульмане — а не мы сами — по поводу Америки. С точки зрения мусульман, мы виноваты в следующем.

1. Мы восхваляем демократию и права человека, однако поддерживаем диктаторов и олигархов, которые угнетают исламские народы и развораживают их богатства.

2. Перебросив тысячи американских солдат, в особенности женщин, на священную почву Аравии, мы оскорбили арабов и осквернили землю, на которой расположены святыни ислама. Как пишут Иэн Бурума и Авишай Маргалит, авторы книги «Окцидентализм: Запад глазами его врагов», «истинные ваххабиты, подобные Осаме бен Ладену... восприняли присутствие американских женщин в Саудовской Аравии как кощунство. Для него и его последователей это действие равнозначно тому, как если бы американцы прислали храмовых проституток защищать лишившихся мужества правителей Саудовской Аравии».

3. Американская неоязыческая культура — алкоголь, наркотики, аборт, «грязные» журналь-

¹ Источник: П. Дж. Бьюкенен. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М. 2006.

чики, кощунственные книги, непристойные фильмы, дьявольская музыка — есть сатанинский соблазн, развращающий правоверных мусульман.

4. Американцы лицемерно пользуются политикой двойных стандартов во взаимоотношениях с арабами и Израилем. Мы наложили эмбарго на Ирак и осуществляли его блокаду, которая стоила жизни десяткам тысяч иракских детей, потому что Саддам отказался выполнять резолюции ООН. При этом мы помогали Израилю избегать выполнения этих резолюций, захватывать арабские поселения и лишать палестинцев того самого права, которое Америка клянется защищать.

5. Мы напали на суверенное арабское государство, которое на нас не нападало, не желало с нами войны и не могло оказать нам сопротивления, и оккупировали его под предлогом того, что Ирак причастен к ужасным событиям 11 сентября 2001 года и реализует программу создания оружия массового уничтожения для нападения на США. Этой ложью мы прикрывали свое стремление завладеть нефтяными запасами Ирака, уничтожить независимое арабское государство и распространить сферу американского влияния на Ближнем Востоке. В глазах миллионов мусульман мы олицетворяем собой «империю зла».

Даже перечислять эти обвинения означает вести себя абсолютно непатриотично. И все же, поскольку мы — новый Рим, нас никогда не полюбят, поэтому мне представляется откровенной глупостью нежелание понять, что движет теми, кто ненавидит нас настолько,

что аплодирует убийцам наших сограждан. «Узнав своего врага, узнаешь себя, в тысяче сражений, в тысяче побед», — наставлял Сунь-цзы. Если мы должны сражаться с этими людьми, нам нужно понять, почему они нас ненавидят, — а мы предпочитаем успокаивать себя рассуждениями, что, дескать, на нас напали 11 сентября из-за нашей доброты! Да, теракты суть зло, но они не были ни бессмысленными, ни иррациональными. Это были целенаправленные действия, рассчитанные на то, чтобы унижить нас, уязвить, спровоцировать нас на ответ, способный привести к войне цивилизаций, о которой мечтает «Аль-Кайеда».

Оккупировав суверенную арабскую страну, непричастную к событиям 11 сентября, не нападшую на нас и не имевшую оружия массового уничтожения, мы сыграли на руку бен Ладену. Мы подарили мусульманам от Марокко до Малайзии повод объединиться и дали им объединительный лозунг: «Американцы, вон из Ирака!»

Чтобы понять врага, мы должны прислушаться к его словам. В статье 1998 года «Лицензия на убийство», опубликованной в «Foreign Affairs», Бернард Льюис тщательно проанализировал декларацию войны против Америки, обнародованную в Лондоне арабской газетой. Льюис охарактеризовал эту «Декларацию Всемирного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев» как «великолепный образец цветистой и

местами даже весьма поэтической арабской прозы». Автором текста был Осам бен Ладен, в ту пору разыскивавшийся по обвинению в подрыве наших посольств в Кении и Танзании. Он начал свою декларацию с цитирования наиболее воинственных отрывков из Корана, а затем заявил, что американцы — это новые крестоносцы:

«С тех пор как Аллах создал Аравийский полуостров... не выпадало на нашу долю испытания горше, нежели нашествие этих крестоносных орд, что растекаются саранчой, топчут нашу почву, пожирают ее плоды, разрушают ее плодородие; и происходит это в те дни, когда государства мира борются с мусульманами, точно голодные дерутся за место у тарелки с едой...

Вот уже восьмой год Соединенные Штаты оккупируют земли ислама, самую священную его территорию, Аравию, грабят ее, подавляют местных правителей, унижают народ, угрожают соседям, используют базы на полуострове, чтобы наносить удары по соседним исламским государствам...».

Вот первое обвинение против нас: мы — христианская империя, грабящая арабов, и наши сапоги — сапоги неверных! — топчут священную землю Хиджаза. Затем Осам обвинил Америку и Израиль в подготовке новой войны ради уничтожения Ирака и покорения всех мусульман:

«Невзирая на чудовищные разрушения, причиненные Ираку союзом крестоносцев и евреев, невзирая на бесчисленные жертвы, превышающие миллион человек, американцы... намерены повторить эту бесчеловечную бойню. Мнится, будто недостаточно им продолжительной блокады после яростной битвы, после всех увечий и разрушений. И снова они идут, дабы уничтожить то, что осталось, истребить иракский народ и утратить его соседей... Америка в этих войнах преследует цели экономические и религиозные, а еще содействует ничтожному еврейскому государству, отвлекая внимание мирового сообщества от захвата Иерусалима и убийств мусульман на улицах города».

Эти преступления, по Осаме, «свидетельствуют о том, что Америка объявила войну Алла-

ху, Пророку и всем мусульманам». Поэтому джихад против Америки есть священная обязанность каждого мусульманина. Далеко не все мусульмане согласны с этим выводом. Но среди миллиарда мусульман на планете найдутся десятки миллионов согласных — в том числе в Саудовской Аравии, в Иордании, Кувейте, Египте и Пакистане; не будем забывать и о 5 или 6 миллионах мусульман во Франции и о 10 миллионах в Великобритании, Германии, Италии, Испании и других государствах Европейского союза. В завершение своей декларации Осамы изложил фетву:

«Убивать американцев и их союзников, военных и гражданских, — обязанность каждого мусульманина, будь он в силах это сделать, в любом месте, где это окажется возможным, пока мечети аль-Акса [в Иерусалиме] и Хаарам [в Мекке] не освободятся от чужеземного присутствия и пока их армии, разгромленные и побитые, не покинут земли ислама, утратив способность угрожать мусульманам...

По воле Аллаха мы призываем каждого мусульманина, верующего в Господа и уповающего на награду, повиноваться Аллаху и убивать американцев и грабить их, где, как и когда он найдет это возможным. Также мы призываем мусульманских улемов, вождей, молодежь и воинов противостоять армии американских шайтанов и нападать на них и на тех, кто заодно с ними, кто из числа пособников дьявола».

В своей декларации Осамы отождествляет себя со стремлением очистить исламский мир от скверны и одновременно использует популистские и националистические лозунги — избавить Ближний Восток от марионеточных, посаженных Америкой режимов, вытеснить Израиль с арабских территорий, покончить с разграблением богатств Аравии, поддержать Ирак, который крестоносцы хотят поставить на колени. Чтобы победить бен Ладена и разгромить «Аль-Кайеду», США следовало сузить рамки конфликта и изолировать эту организацию и ее предводителя от всех исламских «центров силы», как это было сделано в Афганистане, где наши действия поддержали Ливия, Иран, Пакистан и даже Судан. Вместо этого, послушавшись неоконсерваторов, Буш вторгся в Ирак, объединил против нас арабский мир, изолировал нас от Европы и реализовал изложенные в письме бен Ладена пророчества. Мы выиграли войну за три недели — и, возможно, потеряли мусульманский мир на целое поколение.

По данным социологического опроса, проведенного через год после вторжения в Ирак, 31 про-

цент турок, 46 процентов пакистанцев, 66 процентов марокканцев и 70 процентов иорданцев были согласны с тем, что нападения террористов-смертников на американские посты в Ираке оправданы. Население всех четырех стран уверено в том, что после вторжения жизнь в Ираке стала хуже, чем при Саддаме. В каждой исламской стране, по данным опросов, немало людей высказывается за ужесточение сопротивления оккупантам. Бен Ладена поддерживают 45 процентов марокканцев, 55 процентов иорданцев, 65 процентов пакистанцев, и только 7 процентов из числа опрошенных в Пакистане одобряют действия президента Буша.

В Палестине 71 процент опрошенных — рейтинг выше, чем у Арафата, — доверяют Осаме бен Ладену. Отрицательное отношение к президенту Бушу в частности и Америке вообще достигло в исламском мире исторического максимума.

Осамы и его продолжатели бросают семена в плодородную почву. После его фетвы, после этого призыва убивать американцев мы не можем не преследовать его, не пытаться уничтожить самого бен Ладена и его присных прежде, чем они снова убьют наших соотечественников. Да, мы настаиваем. Осамы повторяет те же обвинения, которые бросали нам враги Запада на протяжении всего двадцатого столетия. Цена оккупации, цена имперских амбиций — террор. Исламские террористы устроили 11 сентября у нас, потому что мы пришли к ним. Самоубийцы атаковали нас в Нью-Йорке по той же причине, по которой были атакованы казармы морской пехоты в Бейруте. Мы ввязались в религиозную гражданскую войну — их войну, и они хотят, чтобы мы перестали вмешиваться.

Пятнадцать террористов из Саудовской Аравии направили самолеты на Всемирный торговый центр не потому, что им не нравился Билль о правах. Они хотели, чтобы мы перестали топтать священную арабийскую землю и ушли с Ближнего Востока.

Нам нужно ответить для себя на следующие вопросы. Обеспечит ли массированное военное присутствие США в исламском мире победу в войне, объявленной нам террористами, — ведь такова заявленная цель? Окупает ли постоянное имперское присутствие в этом регионе непрекращающиеся террористические акты против граждан США? Успевают ли американские военные в Ираке убивать больше врагов, чем они создают новых? Какие интересы в этом регионе — нефть, базы, имперские амбиции — вынуждают нас ри-

сковать атомной бомбардировкой собственной территории? Мы должны ответить на эти вопросы, потому что если террористы раздобудут ядерное оружие, они непременно попытаются доставить его в Соединенные Штаты и использовать по назначению.

Кто же является настоящим врагом Америки в ее войне с терроризмом? И что требуется для победы над этим врагом? Враг ли нам ислам?² Если так, шансов победить у нас меньше, чем в «холодной войне». В отличие от марксизма-ленинизма, просуществовавшего всего семьдесят лет, за исламом четырнадцать веков истории и он отнюдь не умирает — наоборот, стремительно набирает силу. «В 22 арабских странах население составляет 280 миллионов человек, и при постоянном увеличивающемся уровне рождаемости к 2020 году эта цифра составит от 410 до 459 миллионов», — пишет Томас Фридман.

Ислам — наиболее активно развивающаяся религия в Европе. Церкви и соборы пустеют, тогда как мечети исправно заполняются. Численность мусульманского населения в Европе растет благодаря эмиграции и высокому уровню рождаемости. Мусульмане начинают оказывать влияние на отношение Европы к политике США на Ближнем Востоке. «Евроцид» континенту пока не грозит, ислам в Европе воспринимается доброжелательно. В самих Соединенных Штатах, где мусульмане составляют 1 процент населения, они чувствуют себя все более уверенно и приветствуют интерес к своей вере.

Самый серьезный противник современного ислама, противник, крадущий мусульманских детей, — отнюдь не христианство, а культура MTV, светская вера Америки в свободу, индивидуализм, потребление и гедонизм. Пусть расцветают сто цветов и продолжаются хорошие времена...

Советские идеологи делили земной шар на «зону мира», где восторжествовал коммунизм, и «зону войны» за пределами коммунистического лагеря. Ислам делит земной шар на дар ал-ислам (мир ислама) и дар ал-харб, территорию войны, обитель неверных. Почти повсеместно сегодня исламский мир соприкасается с дар ал-харб —

будь то Филиппины, Индонезия, южный Таиланд, Кашмир, китайская провинция Синьцзян, бывшие советские республики Средней Азии и Кавказа, Чечня, Косово, Босния, Македония, Палестина, Ливан, Судан или Нигерия — вдоль того, что гарвардский профессор Сэмюэль Хантингтон назвал «кровавыми границами». Воины ислама сходятся с индийцами, китайцами, русскими, сербами, израильянами и западными христианами в джихаде, главным оружием которого является террор.

«Как следует из мировой истории, распространение ислама никогда не шло мирным путем, — пишет специалист по международным отношениям Уильям Линд. — Сегодня мученической смертью погибают больше христиан, чем во времена Римской империи, и большинство лишается жизни от рук воинов ислама».

Чтобы победить веру, нужна иная вера. Воины ислама гибнут ради того, чтобы враг оказался изгнан из исламского мира, а Запад, судя по всему, остается равнодушен к избиениям христиан в мусульманской среде. Мусульмане полны скорби и ненависти, Запад же изнемогает от чувства вины. Мы восхваляем равенство всех вероисповеданий. Там, где ислам доминирует, он отвергает равенство, ибо по его канонам существует лишь одна истинная вера. Ислам позитивен и агрессивен, а Запад политкорректен и готов извиняться по любому поводу — за крестоносцев, за завоевания, за империи.

Но исламский фундаментализм не представляет для Америки прямой и явной угрозы. Да и подразделения армии США вряд ли удастся победить воинственную веру. Если ислам на подъеме, а его сыны готовы умереть во имя расширения территории дар ал-ислам и готовы прибегнуть к террору, чтобы изгнать нас со своей земли, как мы можем победить? Это не удалось ни одной из западных империй.

Если столкновение цивилизаций неизбежно, Запад вступит в него, имея неоспоримое превосходство в богатстве и вооружении. Но богатство не уберегло от краха европейские империи прошлого, а битком набитые арсеналы не спасли советскую империю. Рим был могуч, христианство слабо. Христианство уцелело и восторжествовало, Рим же пал.

Враг Америки — не государство, которое мы можем задушить экономическими санкциями; этого врага не одолеть и силой оружия. Враг — идея, принцип, идеология. Как пишет Майкл Влахос:

2 * Как следует далее из контекста, говоря об «исламе», Бьюкенен не имеет в виду всех мусульман, но преимущественно «радикальный ислам», «исламизм», «фундаментализм» и пр. Стоит отметить, что вокруг проблемы аффилиации течений, характеризующихся воинственным религиозным фанатизмом, в науке и публицистике ведутся активные дискуссии. Их прямая связь с традиционным исламом вовсе неочевидна — прим. ред.

«Террористическая сеть представляет собой кольцо воинственных субкультур, выражающих интересы крупного политического течения внутри ислама не больше и не меньше, чем своего рода «цивилизации в цивилизации», настроенной против существующих суннитских режимов. «Террористы» не более чем простые исполнители. В этом движении существенную и даже принципиальную роль играют миллионы симпатизирующих и одобряющих. Большинство пассивно, однако здесь чрезвычайно важна и пассивная поддержка».

Дэниел Пайпс добавляет: «Враг — воинствующий ислам». Нет, возражает Влахос, это слишком широкое определение; объявить войну воинствующему исламу — значит создать себе весьма серьезные проблемы:

«Если Соединенные Штаты предложат начать войну с воинствующим исламом, весь исламский мир может интерпретировать это предложение как объявление войны мусульманам в целом... Политики должны заставить США ограничить рамки. Можем ли мы победить врага, которого боимся назвать?»

Президент Буш приложил немало усилий, убеждая исламский мир в том, что ислам являет-

ся «религией мира» и потому не может считаться врагом Америки. Когда ведущий Си-Эн-Эн Лу Доббс назвал наших врагов «исламистами», его заклевали со всех сторон. Можем ли мы победить врага, которого боимся назвать? Террористы приписывают себе самые благородные цели и совершают свои атаки под самыми громкими лозунгами: борьба с сионизмом, империализмом и американским влиянием, поддержка палестинцев, свойственное каждому правоверному мусульманину стремление очистить дар ал-ислам от разлагающего воздействия западной культуры, этого рокового духовного наркотика, губящего молодежь. Спекулируя на этих лозунгах, исламисты добиваются одобрения своей деятельности у миллионов мусульман.

Война, в которую мы вступили в Афганистане и Ираке, есть, тем самым, религиозно-гражданская война, победитель которой станет управлять исламским миром. Либо это будут правительства, ориентированные на Америку, либо режимы «истинно верующих», поклявшихся избавить родную землю от сионистов, неверных, христиан и коллаборационистов. Сегодня борьба за сердца и души мусульман ведется между Атаатюрком и Хомейни.

ИСЛАМИСТЫ И ЖЕНЩИНЫ¹

Кнобель М.

На одном мусульманском интернет-сайте был поднят следующий вопрос: должна ли женщина принимать участие в джихаде? «Совместимы ли джихад и женщина? Идет ли речь о джихаде как пропаганде или как о войне против неверных?» Ответ Постоянной комиссии по академическим исследованиям Саудовской Аравии выглядел следующим образом: «Женщина не обязана участвовать в джихаде, и мусульмане не привлекают женщин к джихаду». Иначе говоря, женщинам не следует сражаться с «неверными».

В то же время «они должны заботиться о защите их чести и одеваться достойно, не общаться с незнакомыми мужчинами и не оставаться с ними наедине, проявлять мягкость». В том же самом ответе упоминается о словах третьей жены Магомета Айши: «Айша спросила: «О Посланник Аллаха, обязаны ли женщины принимать участие в джихаде?» Он ответил: «В джихаде, в котором нет сражения: Хадж (паломничество мусульман к святым местам в Мекке) и Умра (малое паломничество)»».

Как бы то ни было, француженки все равно едут на джихад в Сирию и Ирак. По словам журналиста и автора книги «Французские исламисты» (Les Jihadistes français) Давида Томсона (David Thomson), вместе с французскими боевиками в Сирии сейчас находится примерно 100-150 женщин и детей.

КТО ОНИ ТАКИЕ?

Это течение становится привлекательным для женщин в связи с тем, что риторика радикальных исламистских групп претерпела изменения. Сегодня мусульманской женщине отводится куда большее (пусть и связанное с ее традиционным образом) место в сирийском джихаде. Специалист по исламисткам из Высшей школы социальных наук Жеральдин Казютт (Géraldine Casutt) поддерживает связь с сотнями таких женщин. По ее словам, в исламистской идеологии женщина представляется как очень ценное, дополняющее муж-

чину существо. Образ мусульманской женщины попирается в прогневших, как они утверждают, западных странах. Это второй новый фактор в исламистском послании. Эта риторика накладывается на сформировавшееся у мусульманской молодежи восприятие, которому свойственна неприязнь к религиозной политике в их родной стране. У женщин складывается ощущение, что они служат благородному, по их мнению, делу. Участием в сирийском джихаде и потенциальном формировании нового Исламского государства они встают на защиту мусульман по всему миру и, в частности, в Сирии алавиты Башара Асада.

Как отмечает Давид Томсон, здесь существует три возможных сценария:

1) Прежде всего, есть те, кому пообещал замужество уже отправившийся в Сирию французский исламист. По большей части все происходит через Skype или социальные сети. Они уезжают одни, но обретают там мужа. Когда девушки прибывают на место, их будущие супруги звонят оставшимся во Франции родственниками и просят у отца разрешения на свадьбу. Нужно отметить, что в Сирии радикалы Исламского государства даже создали специальное брачное агентство, которое предназначено для мусульманок, стремящихся выйти замуж за боевиков.

2) Далее, существуют уже женатые на исламистах женщины, которые отправляются в Сирию вместе с детьми.

3) Наконец, есть те, кто выходят замуж во Франции и уже затем отправляются в Сирию.

Журналист RTL встретился с Фатимой, матерью 22-летней девушки, которая присоединилась к радикальным исламистам. Она рассказала, что ее дочь, которая изначально даже не была особенно верующей, постепенно пошла по радикальному пути после встречи с девушкой ее возраста. Она принялась носить хиджаб, а затем нашла по интернету мужа из Бельгии, который был там уже год. Потом девушка ушла от матери: «Она позволила мне, я просила ее вернуться (...) С тех пор у

¹ Источник: http://www.huffingtonpost.fr/marc-knobel/les-djihadistes-et-les-femmes_b_5886608.html?utm_hp_ref=international

меня нет от нее новостей». Но Фатима не сдаётся: «Я звоню ей по сто раз на дню. Я твержу себе, что с ней все хорошо. Иначе я бы просто не выдержала».

Как отмечает Давид Томсон, которому удалось поговорить с отправляющимися в Сирию французскими исламистами, женщин там намного меньше, чем мужчин, но их присутствие все равно очень заметно: на них приходится четверть французов в бригадах под знаменем «Джабхат ан-Нусра» (связанная с «Аль-Каидой» радикальная группировка) и Исламского государства Ирака и Леванта. В некоторых случаях они — всего лишь подростки, самым молодым из них всего по 14 лет. А самым возрастным — за 30.

Многие из них обратились в ислам, как, например, юная Клеманс, о которой он пишет в своей книге. Клеманс решила эмигрировать с Сулейманом из Франции на землю ислама. У Сулеймана же непреодолимое желание уехать возникло с подачи Facebook: «Отправной точкой стало видео о сестре, француженке, которая тоже перешла в ислам. У этой незамужней женщины были проблемы с законом, и она отправилась совершенно одна, чтобы выйти за муж в Сирии». Тогда он сказал себе, что у него нет никаких оправданий, и что он должен поехать. Клеманс (32 года, безработная) рассказала об охвативших ее чувствах на видео: «Я ощутила, что это напрямую касается меня. Это было невероятно, настоящий Голливуд, все как в фильме. Она уехала одна. Она села на самолет и там вышла замуж за брата. Это выглядит так просто, когда это кто-то — такой же, как мы. Поэтому люди и едут. Именно поэтому».

Другие же едут вместе с детьми, чтобы подержать мужей, которые собираются принять участие в боях в Сирии. Все это выглядит весьма своеобразно: джихад в Сирии вместе с женами и детьми... некоторые девушки отправляются туда и выходят замуж за боевиков, так как думают, что благодаря этому союзу обеспечат себе место в раю как жены мучеников, если те погибнут в бою...

Томсон рассказывает, как и почему французские боевики стремятся жениться на франкоязычных моджахедах, которые готовы отправиться на поле боя. Большинство предпочитают обращаться по интернету к француженкам, а не брать в жены сирийки, с которыми им крайне сложно наладить

контакт. Кроме того, Томсон говорит о юной француженке Сирин, которая отправляется в Сирию, предварительно всего лишь несколько раз пообщавшись с будущим мужем по Skype, Facebook и телефону. Вероятно, она вообще не увидит его до самой свадьбы: «Если честно, меня это немного смущает. Но потом я сказала себе, что мне воздастся в раю».

ЖЕНЩИНЫ В ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Развернутая радикалами пропаганда ослепляет и вырывает из общества женщин. Они становятся легкими жертвами. В результате они отбрасывают человечность и принимают участие в этой варварской и средневековой оргии.

Видят ли они, как женщины страдают под гнетом Исламского государства?

Осознают ли они, что свободная женщина воплощает в себе все, что так ненавидят радикалы: Запад и свободу?

Разве они не замечают, что женщины — это первые жертвы войны, причем касается это не только езидского и христианского меньшинств, но суннитов и шиитов?

Дело в том, что Исламское государство устроило террор на подконтрольной ему территории в Ираке и Сирии. И считает, что женщины должны быть полностью подчинены и лишены человеческого достоинства. Политолог и специалист по Ираку Мириам Банраад (Mugiam Benraad) утверждает, что боевики рассматривают их как неодушевленные объекты и средства удовлетворения похоти. Они берут их в плен, делают частью военной добычи. В самопровозглашенном халифате женщина — не гражданин, а домашняя и сексуальная рабыня, которой муж может распоряжаться, как его душе угодно.

1) На территории Исламского государства женщины могут выходить из дома только с закрытым телом и лицом, по разрешению отца или брата и в сопровождении кого-то из них.

ГЕРМАНИЯ: ИСЛАМСКИЕ РАДИКАЛЫ ПОДНИМАЮТ ГОЛОВУ¹

Добров Д.

Тема радикального Ислама вновь привлекла внимание немецкой общественности в связи с серией терактов в Ираке, которые совершили джихадисты, прибывшие из Германии. Ахмет С. из земли Северный Рейн-Вестфалия, получивший боевую кличку «Аль-альмани», или «Немец», взорвал себя у блокпоста в Багдаде, при этом погибло 54 человека. Таких случаев отмечено немало, причем, по мнению иракских экспертов, прибывшие из Европы джихадисты ведут себя намного агрессивнее местных боевиков.¹

Также широкий резонанс в Германии получило недавнее появление «шариатской полиции» на улицах Вупперталя в земле Северный Рейн-Вестфалия. Именно эта земля становится главным очагом нового агрессивного направления среди немецких мусульман — салафизма (вернее, неосалафизма). Дружинники-салафиты в оранжевых куртках патрулировали улицы и контролировали поведение местных мусульман в вопросах выпивки, азартных игр и наркотиков. До этого шариатские патрули появлялись в прошлом году в Бонне, где они принуждали девушек к ношению хиджаба и избили подростка за то, что он якобы потреблял на вечеринке алкоголь. А впервые такого рода патрули появились в 2011 году в Великобритании и имеют тенденцию к распространению на все города Европы, где существуют крупные мусульманские общины. В ряде районов Лондона самозванные дружинники объявили «шариатские зоны», где запретили проституцию, азартные игры, наркоманию и даже алкоголь.

По мнению немецких властей, и прежде всего Федеральной службы по охране конституции (аналога ФБР), салафизм становится наиболее активным отрядом «политического Ислама» в Германии. Его приверженцы распространяют экстремистскую литературу, ведут пропаганду среди граждан Германии и пытаются внести радикальные настроения в ряды умеренных мусульман. Организации салафитов находятся под пристальным вниманием немецких спецслужб, поскольку

связаны, по их данным, с международным терроризмом и спецслужбами ряда арабо-мусульманских стран. Некоторые из салафитских организаций уже были запрещены, так как открыто призывали к насилию. Министерство внутренних дел ФРГ предложило в этой связи выдворять из страны наиболее активных проповедников салафизма.

Эксперты говорят о «неосалафизме», который мало чем напоминает традиционный салафизм (возврат к первоначальному Исламу). Неосалафизм возник после арабо-израильской войны 1967 года и иранской исламской революции 1979 года — как радикальная реакция на экспансию Запада, а также политику Израиля и прозападных арабских режимов. Внутри неосалафизма особо выделяется радикальное джихадистское крыло. Именно его сторонники направляются в Сирию, Ирак, Ливию и другие страны для борьбы с неверными — «кяфирами».

Исторически салафизм тесно связан с ваххабизмом — у них общие идеологические установки, однако отличаются методы борьбы и источники финансирования. Если салафиты представляют собой некий «исламский интернационал», то ваххабиты теснее связаны с Саудовской Аравией, где ваххабизм — государственная религия. Салафиты являются как бы «модернизированной» версией ваххабизма, во всяком случае, в качестве инструмента своей борьбы за чистоту Ислама они используют интернет и современные методы политпропаганды.

Салафизм привлекателен для многих молодых мусульман Европы, так как говорит с ними на доступном, неформальном языке и предлагает радикальные способы решения политических проблем. Среди молодых мусульман в немецких городах стало почетно быть салафитом, а самые активные добровольно отправляются джихадистами на Ближний Восток. Немецкие спецслужбы опасаются, что, вернувшись в Германию, они применят на практике навыки вооруженной борьбы и терроризма. Кроме того, салафиты и другие радикальные исламистские круги в Германии оказывают финансовую поддержку боевикам в Сирии и Ираке.

¹ Источник: <http://inosmi.ru/world/20140901/222732152.html>

Число салафитов растет повсюду, где есть крупные мусульманские общины. В Египте, например, по степени влияния они обогнали старейшую исламистскую организацию «Братья-мусульмане». Не обошла эта тенденция и Западную Европу. По данным немецких спецслужб, в Германии насчитывается около 5000 салафитов, по другим данным — до 10 000. Среди них — немало обратившихся в Ислам немцев. Если до середины 2000 годов число немцев, принявших Ислам, ежегодно чуть превышало 1000 человек, то в течение последних 10 лет их количество выросло до 4000 человек в год. Хотя в абсолютных значениях это число невелико (меньше, чем во Франции и Великобритании), не стоит забывать о высокой общественно-политической активности их идейного ядра. Для сравнения: во Франции проживает около 6 миллионов мусульман, среди них от 70 до 100 тысяч французов, принявших Ислам. В Великобритании — из 3 миллионов мусульман около 100 тысяч коренных британцев обратилось в Ислам.

Примечательно, что в Германии именно в рядах салафитских лидеров немало обратившихся в Ислам немцев. Среди них — Пьер Фогель, принявший имя Абу Хамза и организовавший салафитскую организацию «Приглашение в рай». Фогель активно выступает за отправку в Сирию немецких джихадистов. Он стал известен в 2011 году, когда организовал поминальную службу по Усаме бен Ладену, которая была запрещена властями. Лидер салафитов в Вуппертале — Свен Ляу — тоже этнический немец, бывший пожарный, он является настоятелем одной из региональных мечетей. Среди лидеров других салафитских группировок также замечены немцы — они полностью интегрировались в движение, представленное, в основном, выходцами из мусульманских стран.

В Германии проживает свыше 4 миллионов мусульман — это вторая мусульманская община Европы после Франции. Около 70% — выходцы из Турции, где практикуется довольно умеренная разновидность суннитского Ислама. Однако это не помешало возникновению в Германии «параллельного мусульманского общества», в котором игнорируются западные правовые нормы.

Германия начала проводить политику по интеграции мусульман в немецкое общество еще в 60-е годы, когда первые контингенты турецких гастарбайтеров начали прибывать в страну — без большого успеха. Немецкие власти вели и ведут активную борьбу с такими проявлениями архаич-

ной мусульманской традиции, как принудительный брак, брак с несовершеннолетними и между близкими родственниками, убийство «согрешивших» девушек под предлогом «защиты чести», ношение бурки (паранджи), полностью закрывающей лицо, а также дискриминация женщин. Борьба за интеграцию мусульман в немецкое общество многими считается проигранной, несмотря на яркие примеры успеха отдельных личностей в деловой, научной и культурной сфере. Как признала канцлер ФРГ Ангела Меркель, модель «мультикультурализма» в Германии провалилась. Немецкие политики полагают, что иммигрантам, и в первую очередь мусульманам, необходимо приложить больше усилий, чтобы интегрироваться в западное общество.

Однако куда более острой темой является не «бытовой Ислам», а новый воинствующий радикализм. Центральный совет мусульман Германии пытается дистанцироваться от радикалов, он осудил действия как джихадистов, так и «шариатской полиции» заявив, что эти люди не представляют мнения большинства верующих.

Хотя салафиты составляют лишь малую часть мусульманской общины Германии, они активно привлекают в свои ряды молодежь. Число салафитов в Германии постоянно растет: если в 2012 году их было 4-5 тысяч человек, то сейчас — значительно больше. Салафиты проводят агитацию на улицах немецких городов, раздают бесплатно томики Корана и листовки, организуют митинги и даже проповедуют в школах, причем с очевидным успехом.

Переход к экстремистским формам действия — относительно новое явление, свидетельствующее о радикализации салафизма и непосредственно связанное с событиями в Сирии и Ираке. В 2012 году в Бонне и Золингене происходили уличные столкновения между группами салафитов и полицией. Некоторые акты саботажа и террора в самой Германии готовились, скорее всего, салафитами. Так, в Дюссельдорфе сейчас проходит процесс по делу четырех салафитов, которые планировали теракты, в том числе неудавшийся взрыв бомбы на главном вокзале Бонна.

Немецкие джихадисты, прежде всего салафиты, принимают активное участие в сирийском конфликте. На конец августа 2014 года в Сирии и Ираке сражалось свыше 2600 (по другим оценкам — значительно больше) джихадистов из стран Европы, в том числе 500 из Великобритании, 130 из Австрии и около 400 — из Германии. Джихадистов рекрутируют как пу-

тем личного общения, через друзей, так и через интернет: Facebook, Instagram, YouTube, Twitter и другие социальные сети. Молодым исламистам обещают то, чего так не хватает в повседневной жизни на Западе — героизм, служение высшей цели, боевое братство. Их привлекает не столько религия (в метафизическом смысле), сколько радикальная идеология, соответствующая молодому темпераменту и авантюризму. Тот факт, что в ряды джихадистов активно вовлекаются девушки (через организацию Frauen und Jihad), говорит о новых, более совершенных методах воздействия на верующих.

В Германии по-разному реагируют на подъем радикального Ислама внутри страны. Наряду с уже привычными призывами к взаимопониманию и «мультикультурности» начинают

звучать другие голоса. Так, министр внутренних дел Баварии Йоахим Херрманн осудил исламизм и исламский экстремизм как явления, недопустимые в общественно-политической жизни Германии.

До лета этого года власти действовали мягко: из вернувшихся в Германию десятков джихадистов только трое были арестованы по обвинению в терроризме и убийствах. Сейчас, в свете объявленной странами Запада войны против «Исламского государства» в Сирии и Ираке, в Германии принимаются более жесткие меры: возбуждено 140 дел, из них более 30 переданы в прокуратуру, а всего обвинения выдвинуты против 60 человек. Начиная с 12 сентября любая форма поддержки «Исламского государства» считается уголовно наказуемой.

И ВСЕ ЭТО НАТВОРИЛ НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ ОБАМА ¹

Тарнеро Ж.

Американцы уже шесть недель бомбят позиции Исламского государства, и это ни к чему не приводит. Украина начинает утрачивать позиции любимчика Запада, а президент Порошенко, попросив в Вашингтоне новое оружие, не получил ничего. У нас же все по-прежнему переживают за людей, за которых аналитик Тереза Спенсера не дала бы и ломаного гроша. Будь то российский олигарх Михаил Ходорковский или бывший премьер-министр Украины Юлия Тимошенко.

— Идет война, о которой вы недавно сказали, что она ничего не решит. Я имею в виду авиаудары по позициям «Исламского государства» (ИГ) в Ираке и Сирии. С чисто военнотактической точки зрения, можно ли уничтожить ИГ одними авиаударами? Или в итоге все равно придется перейти к наземной операции? И если говорить о политико-стратегических соображениях, особенно что касается перспективы мира на Ближнем Востоке, настаиваете ли вы и сегодня, когда карты уже раскрыты, на том, что текущая операция ни к чему не приведет?

— Я думаю, что примеры бесконечных бомбардировок Йемена, Пакистана, а также операция в Сомали недвусмысленно говорят о том, что сами по себе авиаудары ничего не решают, и «Исламское государство» нельзя победить только с воздуха. В конце концов, ИГ в Ираке американцы бомбят уже шесть недель — и ничего, а между тем боевики ИГ преспокойно бьют отряды иракской армии один за другим. О необходимости применения сухопутных сил повторяет и американский генералитет, и единственный, кто пока эту возможность исключает, это Барак Обама. Когда-то, сделав ставку на имидж, противоположный образу Джорджа Буша-Младшего, он получил Нобелевскую премию мира и теперь не хочет окончательно уподобиться военному преемнику Бушу.

Но, кстати, и без того этот лауреат премии мира за шесть лет успел нанести бомбовые удары по семи странам, и сегодня он говорит, что только что начавшаяся «новая война в Ираке», которая якобы «совсем не та», что была при Буше, станет проблемой и для его преемника, а может, и для того, кто будет после. Так что да, я настаиваю на том, что мира на Ближнем Востоке эта война не принесет. Регион стоит на пороге десятилетия убийств и разрушений, творимых под руководством США. Но с другой стороны, конечно, весьма вероятно, что рано или поздно кто-то встанет поперек планов на нескончаемую войну — в конце концов, США уже не являются ничем не ограниченными властителями планеты.

— В СМИ пишут о том, что ИГ — это, по сути, продукт сирийского лидера Башара Асада. Также есть те, кто напоминает — ИГ вооружили США. Как тут разобраться читателям? Ведь помимо этого, публикуются анализы, утверждающие, что на самом деле появился новый очаг конфликта между Соединенными Штатами и Россией, при этом Россия будет стремиться любой ценой воспрепятствовать падению режима Башара Асада...

— Мысль о том, что за ИГ стоит Дамаск, первой высказала поддерживаемая Западом сирийская эмигрантская оппозиция, которая хотела объяснить своим спонсорам, почему «умеренных повстанцев» нигде не видно, а если они и появляются, то их громит джихад. Это очень странная формация, тем более что, сегодня уже бывший, посол в Дамаске Роберт Форд часто фотографировался с исламистскими лидерами, теперь возглавившими ИГ, а после ухода с должности он вдруг «прозрел» и описывает ситуацию в отношениях между США и «повстанцами» очень реалистично. Более того, несколько ведущих представителей ИГ, включая «хали-

фа» Абу Бакра аль-Багдади, в 2004-2005 годах пребывали в заключении в американском лагере Camp Висса в Ираке. Все эти террористы были отпущены, чего вообще-то США не делают, и сразу же восстали против своей первоначальной организации, то есть «Аль-Каиды», и создали первую группу, которая постепенно трансформировалась в сегодняшнее «Исламское государство»...

Ясно, что Сирия является местом столкновения США и России, но Россия мешает падению Башара Асада уже три года и успешно, так что тут нет ничего нового. Более удивительно то, что американские налеты, официально направленные на ИГ, также обрушиваются на базы связанного с «Аль-Каида» «Фронта ан-Нусра», который борется с режимом Асада. Если забыть обо всех заявлениях высшего американского руководства, направленных против Асада, остается факт: «Аль-Каида» — общий враг США и Сирии, и по крайней мере на данном этапе похоже, что, уничтожая «Аль-Каиду», американские бомбардировки помогают Дамаску. И сирийское правительство даже не протестует против авианалетов на свою территорию, а, согласно некоторым заявлениям, одобряет их. Вероятно, подобных странных союзов в ближайшее время мы увидим еще немало, что, однако, не означает, что эти новые альянсы будут долговременными и крепкими. Скорее всего, ситуация будет меняться «оперативно», и бывшие союзники через пару дней могут превратиться во врагов и наоборот. Но вообще, судя по всему, для Ближнего Востока по-прежнему справедливо изречение, которое приписывают Генри Киссинджеру: опасно быть врагом Америки, но смертельно опасно быть её другом.

— Как эксперт по арабскому миру... Что бы вы могли сказать чешской общественности, обеспокоенной появлением ИГ, эскалацией проблем с мусульманскими переселенцами, а также спорами о ношении хиджабов? Как, по-вашему, в будущем решать проблему иммиграции бедного мусульманского населения в Европу, что делать с теми, кто уже здесь, и как воспрепятствовать росту экстремизма? Должна ли Чехия бояться мусульман, их нетолерантности и терроризма? И прав ли Милош Земан, который утверждает, что ислам — это «антицивилизация»?

— Если чешская общественность на самом деле обеспокоена ИГ, то это лишь доказательство того, что все у нас хорошо, и мы можем позволить себе такую роскошь, как переживания по поводу проблем, которые нас непосредственно не касаются. Но, наверное, бессмысленно тут рассуждать о рациональности европейской ксенофобии и ее отношения к исламу и хиджабу, тем более что многим политикам подобные дискуссии лишь позволяют легко набрать очки, и они охотно поддерживают распространение ненависти и страха.

Но в вашем вопросе есть масса медиа-клише, на которые я бы хотела отреагировать с другой позиции. Пока мы тут «боялись» мусульман, именно под маской этой угрозы Запад вел в последние годы войны в Афганистане, Ираке, Судане, продолжает беспилотные атаки в Пакистане и Йемене, бомбардировки Сомали, а теперь и Сирии — все это сплошь арабские или мусульманские государства. Запад создал тюремную и пыточную систему за пределами демократической юрисдикции, и все заключенные там — исключительно мусульмане. Более миллиона мусульман были «демократично» убиты. Еще миллион лишился крова. Если все это не война, объявленная исламу, то что же это?

— В связи с повышенным вниманием к событиям на Ближнем Востоке в СМИ все меньше публикаций об Украине. Что серьезного сейчас там происходит, а мы об этом не знаем? Решение вопроса о статусе Донбасса, газ, предвыборная кампания...Что там произошло за неделю?

— У меня впечатление, что Киев начинает трезветь и перестает чувствовать себя самым важным пупом земли и любимчиком Запада. В конце прошлой недели президент Порошенко прилетел в Вашингтон за оружием, но его не получил. Он также хотел получить статус особо союзника НАТО, а Обама ответил «нет». И хотя Сенат США принял закон о поддержке Украины, его окончательное утверждение было отложено ad acta. Так что в итоге Порошенко хотя бы произнес красивую речь в духе холодной войны в Конгрессе и получил от Атлантического совета премию Global Citizen Award. Получая ее, он заявил, что «Украина столкнулась с угро-

зой, враг силен и лучше подготовлен, но с американской помощью и силой духа мы победим в этой битве, так как правда на нашей стороне», и уехал домой.

Между тем в Минске был подписан протокол о перемирии между Киевом и повстанцами, который обеим сторонам дает, прежде всего, время. Соглашение фактически останавливает лишь реальные бои, что, конечно, принесет облегчение жителям юго-востока Украины, но не касается ничего, что можно было бы расценивать как основу настоящего разрешения конфликта.

Правительство получает возможность провести в октябре досрочные парламентские выборы, на которые «самопровозглашенные республики» Донбасса даже не собираются посылать своих кандидатов, а вместо этого все настойчивее требуют независимости. В результате Донбасс «избежит» выборов, что само по себе ставит под вопрос их легитимность, если воспринимать Украину по-прежнему как единое государство. Но с другой стороны, судя по всему, это хотя бы какой-то шаг к конституционной легитимности, от которой Украина столь далека после февраля, когда был свергнут законно избранный Янукович. Тем более что Запад примет результаты выборов «со всеми неровностями», и если уж Путин принял результаты выборов президента на Украине, то нельзя исключать, что Россия сделает это снова.

Перед заключением перемирия ополченцы почти взяли Мариуполь, что могло бы привести к установлению контроля над всем побережьем Азовского моря, а впоследствии и над всем черноморским побережьем Украины. Тем самым они укрепили бы стратегические позиции для своей политической элиты, и — при резонном условии, что НАТО и США не вмешаются военными средствами в украинскую войну — можно ожидать, что пока они не достигнут этой цели, украинский конфликт не может быть урегулирован никаким соглашением. Так что конфликт на Украине лишь заморожен, и до мира еще далеко. Судя по всему, сейчас все ждут, когда обе стороны переведут дух, усовершенствуют тактику и прояснят свои цели. Я боюсь, что велика вероятность того, что огонь начнется снова, хотя во многих отношениях это, разумеется,

будет зависеть от финансов. А их, по крайней мере, у Киева, на самом деле не слишком много.

— Западные СМИ выдвигают предположения о том, почему Путин решил задержать миллиардера Евтушенкова, который всегда был лоялен к Кремлю. Как вы считаете, идет ли тут речь об укреплении власти Путина, или о борьбе олигархов, или о форме борьбы с коррупцией, о которой российское правительство так громко заявляет?

— Над этим вопросом ломают голову целые толпы западных «кремлюологов», и они так и не пришли к единому мнению. Тут может быть всего, от сказанного вами, по чуть-чуть, но, видит Бог, я не могу заглянуть в душу Путину, и не слишком хорошо разбираюсь во взаимоотношениях кремлевских клик. Но меня лично не перестает удивлять, какое внимание мы тут у нас уделяем судьбам «бедняжек» олигархов типа Ходорковского или Тимошенко. Как будто кто-то обижает нашего ближайшего друга, без которого мир теряет смысл и продолжать жить невозможно. А Евтушенков «получил» лишь домашний арест. За его «чистые руки» и «демократичность», как и Ходорковского, Тимошенко и прочих, никто не должен давать и ломаного гроша.

— В конце традиционный вопрос: что из произошедшего на неделе удивило вас? И за какими событиями в ближайшее время нам стоит следить?

— Во времена, когда СМИ прилежно сообщают о каждом американском авианалете на Сирию и Ирак, намного интереснее будет следить как раз за Украиной. После того как Порошенко в США не получил оружия и привез какие-то трагикомические 50 млн долларов наличными и обещания следующих миллиардов, Международный валютный фонд заявляет, что Киеву в следующем году потребуется как минимум 55 млрд, а по некоторым оценкам все 100 млрд. Может, их предоставят Польша и Прибалтика — самые агрессивные сторонники эскалации конфликта с Россией? Или, может быть, кто-то из наших антироссийски настроенных политиков и артистов, которые подписывают всякие петиции?

Разумеется, это будет делать Германия. С одной стороны, от такой перспективы канцлер Меркель должна прийти «в неописуемый восторг», но с другой — тем самым в ее руки попадает инструмент для «отрезвления» ЕС, который уже заявил, что пересмотрит санкции против России. И несмотря на то, что с украинской политической сцены в отношении России по-прежнему звучат разные вздорные и просто фантастические заявления типа обвинений в ядерном уда-

ре, конкретные шаги говорят о реальном: Киев вынужден закупать уголь перед зимой в России (!), а также внезапно выразил готовность покупать российский газ по рыночным ценам (!). Остается лишь найти на это где-то денег. Неужели все постепенно вернется во времена, когда Россия фактически дотировала Украину поставками газа? Посмотрим, но ситуация серьезная, зима не за горами, а в Киеве уже начали регулярно отключать электричество. Пока лишь на два часа в день...

ДРУГОЕ

ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ: МУСУЛЬМАНСКИЕ ЛИДЕРЫ НА КРЫМСКОЙ ПЕРЕГОВОРНОЙ ПЛОЩАДКЕ

*Адиатулина Г.Ш.*¹

Ряд экспертных оценок, прозвучавших в ходе Всероссийской научно-образовательной конференции «Исмаил бей Гаспринский и реформы образования российских мусульман» 22 сентября в Москве, в более развернутом виде были представлены на состоявшейся через два дня в Казани научно-практической конференции «Позитивный опыт мониторинга и регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации». Обсуждение на обеих дискуссионных площадках актуальных проблем государственной национальной политики не могло не затронуть острых вопросов религиозной и конфессиональной идентичности в современной России, взаимодействия лидеров мусульманского сообщества с органами государственной власти — с «руководящими людьми», по выражению И. Гаспринского, призыв которого «из прекрасного Бахчисарая» конца XIX века создать «прочную базу для честного соглашения и обеспечения общего интереса и мирного развития народов»² актуален сегодня как никогда.

В таком уникальном и одновременно сложном многонациональном, многоконфессиональном государстве, как Российская Федерация, проблемы межнациональных, межэтнических и межрелигиозных отношений постоянно должны находиться в зоне повышенного внимания органов государственной и муниципальной власти во всех регионах страны. Только при этом условии может эффективно достигаться в целом политическая стабильность и правопорядок в единой России, в

которой более половины граждан (57%), по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), считают, что она должна оставаться многонациональным государством, объединяющим разные народы³, однако при этом почти столько же россиян (54%), согласно замечаниям, проводимым «Левада-Центром», поддерживают националистический лозунг «Россия для русских»⁴.

Не упустим из внимания и тот факт, что еще несколько лет назад ряд отечественных политологов и конфликтологов выделяли на значительной части территории нашей страны и в приграничных регионах ближнего зарубежья более 100 потенциальных и действующих этноконфессиональных конфликтов⁵. Однако информация о возникающих напряжениях и ее анализ часто оказываются не слишком корректными с научной точки зрения, к тому же не во всех российских регионах имеются и квалифицированные специалисты, готовые осуществлять такого рода мониторинг и своевременно сообщать местной власти о возможных конфликтах на этнической почве.

3 «Россия — общий дом для разных народов». Пресс-выпуск № 2611 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. [2014]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114874> (дата обращения: 30.09.2014).

4 Национализм, ксенофобия и миграция [Электронный ресурс] // Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр): [сайт]. [2014]. URL: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya> (дата обращения: 30.09.2014).

5 Профилактика экстремизма в области межэтнических и межконфессиональных отношений - одно из направлений обеспечения национальной безопасности. Информация Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 января 2012 г. : Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] // Гарант.ру: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70030894/#review#ixzz3G70gxfxF> (дата обращения: 30.09.2014).

1 Адиатулина Гульнара Шамилевна — магистрант кафедры общественных связей и медиаполитики, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

2 Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань, 1993. С. 72.

На эти сложности авторитетными учеными и специалистами обращалось внимание главы государства В.В. Путина, в частности, на заседании Комиссии президентского Совета по межнациональным отношениям 15 мая 2013 г. в Москве⁶, решения которого должны были ускорить создание федеральной властью государственной и муниципальной системы мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, введение которой является частью утвержденной в декабре 2012 г. Указом Президента России Стратегии государственной национальной политики России до 2025 г.

В этой связи проведение Всероссийской научно-практической конференции «Позитивный опыт мониторинга и регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (25–27 сентября 2014 г., г. Казань) является важным событием для научных организаций и коллективов, занятых в области социологических исследований, и органов государственной и муниципальной власти, предметом особой заботы которых являются межнациональные и межконфессиональные отношения. С инициативой организации подобной конференции выступили Институт истории им. Ш. Марджани Академия наук Республики Татарстан, Центр этносоциологических исследований, Институт социологии Российской академии наук, Центр исследования межнациональных отношений при поддержке Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики, Министерства культуры РТ и Российского общества социологов.

Притом что формальным поводом для столь представительного мероприятия стала юбилейная дата — 45-летие первого в современной отечественной этносоциологии крупномасштабного исследования, комплексно осуществленного в 1967–1968 гг. в Татарской АССР под руководством Ю.В. Арутюнова, и результаты которого, положенные в основу коллективной монографии⁷, оказали серьезное влияние на формирование и апробирование первых теоретических и методических под-

ходов к изучению этносоциальных процессов⁸ — организаторы форума постарались направить научные дискуссии специалистов из более чем 20 регионов России, а также из Израиля и Эстонии в сугубо конструктивное и практическое русло.

Этой задаче в немалой степени способствовали строгая академичность и деловой тон обсуждения, изначально заданные заместителем Руководителя Аппарата Президента РТ — руководителем Департамента Президента РТ по внутренней политике А.М. Терентьевым, огласившим Приветствие Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова к участникам конференции. В приветственном слове, в частности, отмечена важность вопросов реализации государственной национальной политики, обеспечения межнационального и межконфессионального мира и согласия, содействия диалогу различных этнических общностей, предупреждения конфликтной ситуации как приоритетных задач современной России. При этом особая роль в их решении отводится экспертному сопровождению деятельности и привлечению к работе ведущих научных центров.

«Актуальность этого только возрастает на фоне распространения различных суждений, псевдоспециалистов и фондов, тиражирующих мнение о нарастании напряженности в межнациональных отношениях и провальности мер органов государственной власти. В этой связи очень важно иметь научные методики и технологии, позволяющие адекватно диагностировать ситуацию, принимать выверенные управленческие решения», — говорится также в тексте приветствия главы республики.

Положительный опыт сотрудничества Института социологии РАН и этносоциологов республики и областей РФ в проведении совместных исследований, позволяющих объективно отразить ситуацию в межнациональных отношениях, признается и в приветственном письме директора Института социологии РАН, академика М.К. Горшкова, с которым к участникам конференции обратилась Л.М. Дробижеева, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, член Совета при

6 Эксперты обсудили создание Центров мониторинга и предупреждения межэтнических конфликтов [Электронный ресурс] // Национальный акцент : [сайт]. [2014]. URL: <http://nazaccent.ru/content/7787-eksperty-obsudili-sozdanie-centra-monitoringa-sostoyaniya.html> (дата обращения: 5.10.2014).

7 Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М. : Наука, 1972.

8 Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Становление и развитие этносоциологии в Республике Татарстан // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижеевой / Редакторы: Р.Н. Мусина, Г.Ф. габдрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 16.

Президенте Российской Федерации по международным отношениям.

В научной конференции в Казани смогли принять участие представители исполнительной власти, государственных органов субъектов РФ, ученые и эксперты по вопросам межнациональных и межэтнических отношений из 34 городов. В этом окружении московская и казанская делегации исследователей были одними из самых многочисленных на мероприятии. Столичная научная общественность была представлена специалистами Института социологии РАН, Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Московского городского психолого-педагогического университета и др.

На пленарном заседании были заслушаны доклады А.М. Терентьева «О национальной политике в Республике Татарстан», В.И. Мукомеля «Этническая и миграционная политики: федеральный центр и регионы» и Л.М. Дробижевой «Этносоциологические проблемы в контексте новых вызовов на социально-политическом пространстве», которая еще в преддверии обсуждения в казанском Доме дружбы народов Татарстана, предоставившем дискуссионную площадку, четко обозначила на страницах академического журнала «Социологические исследования»⁹ круг теоретических и социально-практических вопросов, стоящих перед современной российской этносоциологией. Многие из них вышли на передний план научного дискурса о соотношении государственно-гражданской, этнической и конфессиональной идентичности в следствие событий в Крыму и Украине с конца 2013 г., общественного отклика на них в Российской Федерации¹⁰.

Московскую часть исследователей, изучающих различные аспекты идентификационных процессов в мусульманском сообществе страны, представляли специалисты столичных вузов, которые являются к тому же участниками научных меро-

приятий, активно организуемых в последние годы Духовным управлением мусульман европейской части России (ДУМЕР решением делегатов VI Съезда-Меджлиса 21 сентября 2014 г. переименовано в Духовное управление мусульман Российской Федерации) и Советом муфтиев России под председательством их руководителя муфтия шейха Равиля Гайнутдина, получившего, заметим, в 2003 г. ученую степень кандидата философских наук в стенах Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В частности, на форум ученых в Казань практически сразу по завершении научно-образовательной конференции «Исмаил бей Гаспринский и реформы образования российских мусульман» прибыли О.С. Павлова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета, специалист в области этнопсихологии, социально-психологических особенностей этносов Северного Кавказа, представившая доклад по теме «Язык как маркер этнической, гражданской и религиозной идентичности народов Северного Кавказа», и Ш.Р. Кашаф, аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук РАНХиГС, член редакционной коллегии журнала «Ислам в современном мире», который выступил в первый день конференции с докладом «Конструирование нации в идентификационном пространстве России: дискурс-коммуникации акторов российского мусульманства в Крыму».

Свой анализ «разговора об идентичностях» и политики идентичности в пространстве России, чья политическая юрисдикция вновь объемлет Крым, Ш.Р. Кашаф построил на результатах исследования интерактивных дискуссий, которые сегодня во многом обуславливают процессы российского нациестроительства и «через которые осуществляется самопонимание и даже вырабатывается коллективная солидарность»¹¹.

Сближаясь во взглядах со сторонниками концептуальных подходов к изучению идентичности, фокусирующих сегодня исследовательский взгляд на социальной практике (а один из ярких представителей, следующих этой научной позиции — Л.М. Дробижева как раз модерировала на конференции работу секции «Этническая и национально-гра-

9 Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 102–112.

10 Дробижева Л.М. Этносоциологические проблемы в контексте новых вызовов на социально-политическом пространстве // Позитивный опыт мониторинга и регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 43.

11 Дробижева Л.М. Новые концептуальные подходы к изучению идентичности: взгляд через призму социальной практики // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М. : РОССПЭН, 2013. С. 37.

жданская идентичность в российских регионах и в этносоциальных группах)), Ш. Кашаф, предлагает рассматривать связанные с крымским плебисцитом и присоединением Крымского полуострова к России дискурс-коммуникативные события лидеров российского мусульманства, «как репрезентацию политического участия одного из ключевых акторов конструирования российской национальной идентичности в новом месте ее дислокации»¹², важным механизмом вовлечения крымско-татарского народа «в общероссийскую государственно-гражданскую идентичность»¹³.

Для Российского государства, вновь воссоединившегося с Крымом, как отмечает эксперт, ранее развивавший схожую мысль в одной из своих работ¹⁴, является архизначимым, чтобы населяющие его этнокультурные мусульмане не только согласились с предложенным им российской властью гражданством РФ, но также приняли и новый для них связующий политический и социальный конструкт, который в литературе определяется понятием «общероссийская национально-государственная идентичность». Схожую управленческую задачу почти 120 лет назад прекрасно формулировал И. Гаспринский. «Желательно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь, — писал в своих заметках Исмаил-бей, бывший городской управляющий Бахчисарая, прежней столицы Крымского ханства, — ... укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу»¹⁵. Призывавший к взаимной выгоде от сотрудничества внутри русско-мусульман-

ского мира русский этнос и народы мусульманской культуры крымско-татарский реформатор И. Гаспринский сегодня должен быть услышан. «Особенно в контексте проблематизировавшейся идентичности 290–300 тысяч крымских татар-мусульман, жителей полуострова», — считает Ш. Кашаф.

Современная власть, заключает исследователь, близка к тому, чтобы в полной мере осознавать это, да и не могло российское руководство в этих условиях не обратиться к ресурсным возможностям исламских негосударственных институтов и мусульманской «народной дипломатии». Представляющие их религиозные, политические и интеллектуальные элиты российского мусульманства вступились в позитивную коммуникацию со своими «братьями» по вере, истории, культуре. Активизация носителей символической власти (М. Шаймиев, Р. Минниханов, Р. Гайнутдин, К. Самигуллин, Д. Мухетдинов и др.) в публичном пространстве обуславливается, прежде всего, их стремлением раскрыть «новым россиянам» потенциал и преимущества консолидации общества и, поддержав коренной народ Крымского полуострова, вовлечь крымско-татарское население и мусульманское сообщество России в целом в общероссийскую государственно-гражданскую идентичность. При этом выделяемая наблюдателями утилитарная компонента — добиться от Меджлиса и крымских татар-мусульман поддержки новой государственности Крыма и принятия новой власти¹⁶, безусловно, присутствует в акторной деятельности мусульманских «челночных дипломатов» из обеих столиц — Москвы и Казани.

Как подчеркнул на конференции Ш. Кашаф, глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, как некогда и Исмаил Гаспринский из своего «прекрасного Бахчисарая», вкладывает в действо крымско-российского воссоединения глубочайший, божественный смысл: «Всевышний распорядился таким образом, что Крым вошёл в состав Российской Федерации, в связи с чем крымскотатарская нация вливается в двадцатимиллионную умму России»¹⁷.

12 Кашаф Ш.Р. Конструирование нации в идентификационном пространстве России: дискурс-коммуникации акторов российского мусульманства в Крыму // Позитивный опыт мониторинга и регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 57.

13 Там же. С. 59.

14 Кашаф Ш.Р. Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 64–71.

15 Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань: Фонд Жиен, Татарское кн. изд-во, 1993. С. 27.

16 Рустам Минниханов: «Крымские ханы правили Казанским ханством. История есть история, ее мы тоже не должны забывать...» // Бизнес-online [Электрон. ресурс] : [сайт]. — Электрон. дан. — URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/98841/13> (дата обращения: 05.03.2014).

17 Глава СМР муфтий шейх Равиль Гайнутдин и муфтий Крыма хаджи Эмирли Аблаев призвали единоверцев к сплоченности // Мусульмане России [Электрон. ресурс] : [сайт]. — Электрон. дан. — URL: <http://dumrf.ru/common/event/8164> (дата обращения: 28.03.2014)

Реестр аргументаций дискурса главы Татарстана Р.Н. Минниханова, позиционировавшего себя на крымской переговорной площадке в качестве «представителя Российской Федерации, субъекта Российской Федерации», редуцируется до репрезентации политических, экономических и социокультурных преимуществ федеративного союза «одной из продвинутых республик» с Россией, приемлемости татарстанского опыта в выстраивании отношений крымско-татарского народа с российским обществом и властью в рамках единого государства¹⁸.

Подводя итог своего выступления, исследователь из Президентской академии назвал одним из важных критериев эффективности дискурсивных коммуникаций лидеров российских мусульман с активом крымско-татарского народа и российским руководством оперативное принятие государственными органами РФ позитивных мер, которые направлены на поддержку коренного народа Крымского полуострова, вовлечение мусульманского сообщества Крыма и России в целом в общероссийскую государственно-гражданскую идентичность.

Обсуждение проблем особенностей идентификационных процессов в многонациональной и поликонфессиональной России были продолжены и в целом ряде других выступлений на конференции. «Казанский костяк» этой группы докладчиков составили Л.В. Сагитова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, выступившая с докладом «Стратегии культурного «большинства» и «меньшинства» в процессе идентификации», М.М. Гибатдинов, кандидат педагогических наук, руководитель Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доложивший на конференции по теме «Образ ислама и мусульман в европейских и российских учебниках истории», Р.Р. Сафиуллина-аль Анси, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук Российского исламского института, которая рассмотрела позицию самих верующих по вопросу согласия в умме Татарстана под углом зрения: миф или реальность.

По отзывам казанских журналистов, одной из самых интересных и эмоциональных на конференции стала секция «Религиозная идентичность и межконфессиональные отношения», которую

модерировали Р.Н. Мусина, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Марджани АН РТ, В.В. Михайлова, заведующая УНЛ «Философские основы гражданской культуры» Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, и И.И. Гатауллин, начальник Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента РТ по вопросам внутренней политики. Один из эпизодов в рамках состоявшейся на ней дискуссии почти «со стенографической скрупулезностью» вошел в пресс-отчет деловой электронной газеты Татарстана «Бизнес-online». Как сообщает корреспондент Е. Чернобровкина, вопрос относительно одного из публичных маркеров исламской идентичности, с которым представитель РАНХиГС обратился к Д.Ш. Муфтахутдиновой, доценту кафедры гуманитарных дисциплин Российского исламского института (РИИ), по окончании ее доклада, «вызвал просто взрыв эмоций».

«Почему российская власть, — попросил прокомментировать казанскую коллегу Ш.Р. Кашаф, затрагивая чувствительную тему запретов на публичное ношение женского мусульманского платка, — воспринимает хиджаб татарских, башкирских и иных девушек и женщин как вызов светскому Российскому государству?»

«Во-первых, сильно демонизирована угроза ваххабизма, — передает ответ Д. Муфтахутдиновой корреспондент газеты. — И вот эти теракты, они же исключительно в средствах массовой информации показывались как исламские... А яркая идентичность, когда женщина в хиджабе, — сразу есть, на кого показать: вот они, те, которые по-настоящему исповедуют религию, они начлены этими идеями джихада. Во-вторых, сказывается незнание мусульманской религии... У нас нет кризиса мультикультурализма. Мы 500 лет рядом живем, мы защищали в гражданскую войну православные храмы... Где еще такой пример в мире? Мы сами себя не знаем. Мы удивительная нация. Мы уникальны! Мы не меркантильный Запад, мы не Восток, где все духовное свято, а телесное греховно. Мы золотая середина, уникальный народ. Но дайте нам нормально выражать свои ценности»¹⁹.

Эмоциональная реакция ученой из РИИ в оче-

18 Рустам Минниханов: «Многие до конца не осознают...»

19 Чернобровкина Е.Н. «У нас нет кризиса мультикультурализма, мы 500 лет рядом живем» [Электронный ресурс] // Бизнес Online. Деловая газета Татарстана: [сайт]. Электрон. периодич. издание. [2014]. URL: <http://www.business-gazeta.ru/text/115601> (дата обращения: 30.09.2014).

редной раз подтвердила, насколько достаточно тонкой материей является сегодня актуализация этнической и конфессиональной идентичности и религиозного сознания в России. Соответственно, требующей «объективности, ответственности и тесного взаимодействия всех акторов этноконфессиональной ситуации — государства, общества, религиозных институтов»²⁰.

За два дня участники научной конференции в Доме дружбы народов Татарстана смогли плодотворно обсудить многие острые проблемы развития национальной, этнической и религиозной идентичности, подходы в формировании национально-гражданской идентичности и особенно реализации национальной политики в современных условиях России, имеющей богатый опыт становления и развития многонациональной и многоконфессиональной страны.

По результатам работы конференции были приняты рекомендации научному сообществу, органам государственной власти и общественным объединениям (электронный вариант документа представлен на официальном сайте Института социологии РАН в сети «Интернет»²¹). В них, в частности, подчеркивается, что Стратегия государственной национальной политики фиксирует внимание на сохранение культурной самобытности и традиций народов многонациональной и многоконфессиональной России. В этой связи участники конференции рассчитывают на усилия местных государственных органов, научного сообщества и общественных объединений, которые должны быть направлены на поддержку тех традиций, что способствуют свободному развитию и самореализации личности и содействуют сохранению позитивного культурного наследия.

Научное сообщество также рекомендует национально-культурным объединениям и религиозным организациям активизировать взаимодействие с общественными советами при главах регионов, городов, районов в сфере укрепления позитивных этнических и межконфессиональных отношений. Для чего им следуют, по возможности, максимально широко использовать результаты научных исследований для адаптации соотечественников в целях профилактики правонарушений и предупреждения этнических и межконфессиональных конфликтов.

В заключение следует отметить, что многие проблемы, поднятые учеными и экспертами в ходе вышеуказанных научно-практических конференций в Москве и Казани нашли свое дальнейшее развитие на расширенном заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям с участием членов Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, посвященное обсуждению темы «Развитие российской идентичности. Региональный аспект». Мероприятие состоялось 23-24 октября 2014 г. в Ярославле под председательством заместителя Руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председателя Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям М.М. Магомедова. В двухдневной работе заседания приняли участие председатель Международной исламской миссии, сопредседатель исполкома Межрелигиозного совета СНГ Ш.А.Пшихачев, Совет муфтиев России на данном мероприятии представлял первый заместитель председателя ДУМ РФ Д.В. Мухетдинов.

20 Мусина Р.Н. Этноконфессиональная ситуация в Республике Татарстан: акторы и факторы // Позитивный опыт мониторинга и регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 257–262.

21 Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции «Позитивный опыт мониторинга и регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН : [сайт]. [2014]. URL: http://www.isras.ru/files/File/conferencii/Rekomendatsii_Kazan_1.pdf (дата обращения: 05.10.2014).

АРХИПЕЛАГ СУННИТОВ ¹

Тенк А.

«Братья-мусульмане», ХАМАС, «Аль-Каида», Исламское государство, «Боко Харам»... За общей «салафитской» матрицей скрывается бесконечное множество движений, от первых умеренных исламистов до сегодняшних радикальных экстремистов и бойцов мирового джихада. Попробуем разобраться, что к чему.

После провала двух кровавых тоталитарных систем XX века, нацизма и коммунизма, мир посчитал, что (по крайней мере, на время) застрахован от появления новых угроз благодаря возвращению мира и процветания (пусть его распределение и оказалось очень и очень неравным). Тем не менее, мы так и не дождались окончания конфликтов и столкновений между странами, расами и этносами, которые подпитывает используемая в политических целях религиозная ненависть. Этот религиозный экстремизм вынуждает демократические страны сохранять бдительность, оказывает сильнейшее воздействие на международную политику, питает прочие виды экстремизма и затягивает всех в бесконечную спираль насилия.

Подъем суннитского фундаментализма — это одно из ключевых событий конца прошлого века. Это решающий элемент в политической дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке («Братья-мусульмане», ХАМАС, «Аль-Каида» и ее производное, Исламское государство), в Африке («Аль-Каида» в исламском Магрибе), «Боко Харам» в Нигерии), в Афганистане и Пакистане (талибы) и даже, пусть и в более умеренной форме, в Турции (Партия справедливости и развития).

Последние 30 лет суннитский исламизм постоянно подпитывают самые разные факторы: бесконечный арабо-израильский конфликт, катастрофические войны в Афганистане и Ираке, арабские революции 2011 года, распространение исламского радикализма по Африке — вчера в Алжире, сегодня в Сахеле. Перед тем, как разбираться с отличиями этих движений, давайте внимательно рассмотрим их общую матрицу.

1. САЛАФИТСКАЯ МАТРИЦА

Все исламистские группы так или иначе уходят корнями в идеологию салафизма, то есть са-

мого строгого из течений в суннитском исламе. В основу современного салафизма легли теории аравийского мыслителя XVIII века Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. По его мнению, упадок мусульманских стран по отношению к Западу был связан с тем, что утонченная и обленившаяся мусульманская элита забыла изначальное послание ислама. Он выступал за буквальное и пуританское прочтение ислама и объединился с Мухаммадом ибн Саудом, основателем ультраконсервативной династии, которая по сей день правит Саудовской Аравией и служит вдохновителем исламизма по всему миру.

Несмотря на все различия в поведении, регулярно появляющиеся в новостях умеренные или радикальные исламисты имеют общий знаменатель в лице салафитской или ваххабитской идеологии, которая выступает за возвращение к Корану, Сунне (традиция пророка Мухаммеда), шариату (исламский закон) и жесткому разделению полов. Они придерживаются фундаменталистского прочтения священных текстов и почитают «саяфов», то есть «праведных предшественников» (Магомет и его соратники): они подражают их манере говорить и одеваться, отпускают, как и они, длинные бороды. Женщины же полностью закрывают одеждой все тело и лицо, оставляя только глаза.

Они считают себя представителями единственного настоящего ислама и призывают очистить религию от любого западного и иностранного влияния. Они отвергают четыре традиционные школы мусульманского права (ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский мазхабы) и руководствуются лишь Кораном и Сунной. Они стремятся вернуться к истокам, чтобы избавить ислам от людской интерпретации, которая воспринимается как ненужные «инновации». Салафиты в строгом понимании этого слова вообще предпочитают держаться подальше от политической деятельности, хотя и представили кандидатов на парламентских выборах 2012 года, которые последовали за революцией в Египте.

2. «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» И ПОПЫТКА «ИСЛАМИЗАЦИИ СВЕРХУ»

В числе источников идеологии и исламистских организаций необходимо также отметить

¹ Источник: <http://www.slate.fr/story/91101/description-mouvements-sunnites>

движения «Братья-мусульмане» (основано в 1928 году в Египте Хасаном аль-Банной) и «Джамаат-и-Ислами» (создано в 1941 году в Пакистане Сайидом Абуль Ала Маудиди).

Эти группы объединяет общая мечта о возвращении золотого века изначального ислама. Они требуют расширения места ислама во всех областях общественной и личной жизни, выступают за жесткий порядок и нравственность, безусловное подчинение Богу, войну с «неверными» и евреями. На индийском субконтиненте практически нет соперничающих с «Джамаат-и-Ислами» еще более радикальных течений, тогда как у «Братьев-мусульман» в Египте зародилось террористическое экстремистское движение, вдохновителем которого выступил радикальный мыслитель и активист Сайид Кутб (его казнил Насер в 1966 году).

В конце 1980-х годов «Братья-мусульмане» и тайные (или не очень) политические группы салафитского толка начали «экспорт» своей идеологии за границу. В 1987 году «Братья-мусульмане» основали ХАМАС («Исламское движение сопротивления») в Палестине. В 1989 году в Алжире появился «Исламский фронт спасения», чьей мечтой было установить в стране исламское государство и шариат. В Египте радикальные активисты «Братьев-мусульман» заметно укрепили свое положение на фоне социального кризиса и объявили войну Гамалю Абдель Насеру, Анвару Садату (погиб от их рук в 1981 году) и Хосни Мубараку.

Успех этих исламистских движений объясняется их размещением в густонаселенных городских районах и активными действиями в сфере социальной поддержки и образования. Именно они стояли у истоков арабских революций, например, движения в Каире в 2011 году. Тем не менее, в дальнейшем опыт «Братьев-мусульман» во власти обернулся настоящей катастрофой, а их президент Мухаммед Мурси был свергнут армией в 2013 году.

Эта первая попытка исламизации сверху в суннитском мире обернулась полным провалом в отличие от того, что произошло в шиитском мире три с лишним десятилетия тому назад с успехом иранской революции 1979 года. «Братья-мусульмане» и салафиты вызывают ненависть у светских интеллектуалов и партий социалистического и марксистского толка. Поэтому они регулярно становятся объектами военных репрессий, как это, например, происходит в Египте и Алжире.

Их нарастающая радикальность порождает все новые трагедии, ведет к убийству иностран-

ных туристов и создает угрозу для религиозных меньшинств (прежде всего, христиан). Апогей пришелся на 1990-е годы. В Алжире «Исламский фронт спасения» породил ужасную гражданскую войну, которая унесла порядка 100 тысяч человеческих жизней. А пришедший к власти в Палестине ХАМАС расширяет борьбу (изначально она носила исключительно националистический характер) против Израиля.

3. ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ В МИРОВОМ ДЖИХАДЕ

Как бы то ни было, с 1990-х годов суннитский фундаментализм окончательно порвал с первыми, умеренными или террористическими формами исламизма, которые изначально представляли собой игру общественных сил (элита без будущего, отчаявшаяся городская молодежь) и интеллектуальных влияний, но так и не смогли добиться успеха. В дальнейшем место этого первого суннитского фундаментализма занял совершенно извращенный ислам, отличавшийся самой что ни на есть радикальной, глобальной и самоубийственной агрессией.

Сегодня мы живем в эпоху мирового джихада («Аль-Каида», талибы, «Боко Харам», Исламское государство), который становится угрозой для цивилизованного мира, дестабилизирует международные отношения и выводит из равновесия всю планету. Этот мировой радикальный исламизм распространился по Афганистану, Пакистану, Ближнему Востоку, Ираку, Магрибу и Сахелю в Африке вплоть до самого Запада. Теракты 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне и их отражения в Марокко, Мадриде, Лондоне, Бомбее и Найроби говорят о том, что ни один регион мира не застрахован от этой опасности.

Первые активисты мирового джихада появились в так называемом «лагерном поколении»: речь идет о «концентрационных лагерях» в Египте при президенте Насере (там содержали первых исламистских боевиков) и тренировочных лагерях в Пакистане, Афганистане и Алжире. Они стали своего рода бойцами «интернациональных бригад» ислама, если сравнить ситуацию с войной в Испании 1936 года. Промывание мозгов, боевая подготовка, насаждение ваххабитской и салафитской идеологии... Новый террористический исламизм не имел ничего общего с изначальными «Братьями-мусульманами» Хасана аль-Банни в Египте, Маудуди в Пакистане и всех прочих теоретиков первых умеренных поколений.

4. ТАЛИБЫ ИЛИ ИСКАЖЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Рассмотрим пример афганских талибов. В 2002 году американцы свергли их основанный на терроре режим (они силой захватили власть в 1996 году), однако они до сих пор очень активны и ведут бои на территории Афганистана и в пограничных с Пакистаном зонах, где проживают главным образом пуштунские племена, которые стали одним из главных мировых рассадников льющего кровь по всей планете радикального исламизма.

Талибы — это выходцы из традиционной среды, индийских религиозных школ Деобанди. Они были созданы еще в колониальную эпоху с тем, чтобы сформировать хороших мусульман в индуистском окружении. Тем не менее, эта школьная система превратила учеников в авторов террористических фетв и смертников. Она подтолкнула их к еще более грязной и преступной деятельности. Но как образование могло стать заложником радикальных террористических групп? Специалисты до сих пор задаются этим вопросом...

5. «АЛЬ-КАИДА» И РАСШИРЕНИЕ ИСЛАМИЗМА

Террористическая сеть «Аль-Каида» («база», «основа»), одним из основателей которой в 1987 году стал Усама Бин Ладен, уходит корнями в экстремистские теории таких мыслителей как египетский философ Сайид Кутб. Ее радикальный исламизм распространялся по всему миру, Ближнему Востоку, Африке и Азии путем создания своего рода «отделений» и ячеек. Некоторые из них находятся в спящем состоянии, тогда как другие наоборот активно занимаются подготовкой операций и терактов.

В основу расширения влияния «Аль-Каиды» в 1990-х и 2000-х годах легли два главных фактора.

Первый — это формирование образа «жестокости» мусульманского сообщества, «уммы» во всем мире. Мусульмане в Азии, арабских регионах и Африке становятся объектом наслоения страданий и раздражающих факторов, которое создается бесконечным повторением «мученичества» их собратьев по вере: сегодня это Палестина и Ирак, вчера — Чечня, Косово и Босния, хотя в каждом из этих случаев политическая и религиозная ситуация складывалась совершенно по-разному. Речь идет о призыве к страдающей умме. Ликвидированный американскими солдатами в Пакистане в 2011 году Бин Ладен не пользовался

поддержкой четко определенных общественных классов или политических движений, а призывал к мобилизации всего мусульманского сообщества, которое унижают западные «крестоносцы» и евреи.

Вторым инструментом в руках «Аль-Каиды» и мирового джихада стала апокалиптическая риторика о Последнем суде, на который после смерти попадает каждый мусульманин. Этот аргумент используется в отправке террористов-смертников (шахидов) и призывах к джихаду против Запада. Задача «Аль-Каиды» в том, чтобы породить столкновение цивилизаций, культур и религий, опираясь на историчность действий Пророка, грубую интерпретацию самых воинственных стихов из Корана при полном отсутствии критического исторического анализа.

6. ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ОТВЕТВЛЕНИЕ И СОПЕРНИК

После исчезновения Усамы Бин Ладена исламисты «Аль-Каиды» продолжили действовать под руководством его первого заместителя Аймана аз-Завахири. Тем не менее, бесконечное напряжение напряженности привело к появлению в Ираке еще более агрессивных суннитских исламистов, которые объединились под знаменем Исламского государства.

Изначально оно представляло собой ответвление иракского «представительства» «Аль-Каиды». В апреле 2013 года оно объявило о намерении провести слияние с сирийской экстремистской группой «Джабхат ан-Нусра» и создать движение «Исламское государство Ирака и Леванта». Тем не менее, сирийские радикалы отказались от предложения, что породило братоубийственную войну.

Потенциальная угроза Исламского государства даже выше, чем у «Аль-Каиды», что вызывает нешуточное беспокойство как в Иране, так и в США, Европе и Саудовской Аравии. Оно ведет завоевательную войну в Ираке, берет в свои руки города, изгоняет религиозные меньшинства (в первую очередь христиан), стремится создать исламистское государство по обеим сторонам иракско-сирийской границы.

«Аль-Каида» полагалась на личное состояние Усамы Бин Ладена и богатых спонсоров из стран Персидского залива. Абу аль-Багдади, влиятельный, но не привлекающий к себе внимания лидер Исламского государства, может похвастаться большей независимостью. Он провозгласил себя «халифом» и обладает более разнообраз-

ными источниками доходов: нефтяные вышки и электростанции становятся хорошим дополнением для контрабанды, вымогательства и похищений ради выкупа.

Ряды Исламского государства насчитывают несколько тысяч иракских активистов (они прекрасно знают территорию), а также множество сирийских боевиков, которые набрались опыта за три года войны против Башара Асада. Некоторые из вооруженных радикалов прошли подготовку в Чечне и Афганистане. От 1,5 до 2 тысяч прибыли из Европы. У их лидера аль-Багдади сложились откровенно не лучшие отношения с аз-Завахири, соперником из «Аль-Каиды». Он не признает его власть и отказывается уйти с сирийского фронта, освободив место для «Джабхат ан-Нусра».

7. «БОКО ХАРАМ» — НИГЕРИЙСКИЕ ТАЛИБЫ

Последние 10 лет множество радикалов набирают в исламском Магрибе и Нигерии. На мусульманском севере этой страны закрепились секта «Боко Харам» (ее официальное название «Джамаату ахлис Сунна Лиддаавати валь-Джихад» или Общество приверженцев распространения учения пророка и джихада). С самого момента создания в 2002 году она отметилась целой серией фанатичных акций против центрального правительства, христиан (теракты в церквях) и женщин (похищения, изнасилования). «Боко Харам» означает «западное образование запрещено». Его идеология выступает за радикальный и строгий ислам и в целом близка к афганским талибам.

Так, каким же сейчас представляется будущее мирового джихада? Питающие его источники социальной и политической фрустрации в мусульманских странах азиатского, африканского и арабского регионов по-прежнему очень сильны. Тем не менее эта самая умма, которую он стремится задействовать, вовсе не является некой однородной структурой. Поэтому хотя радикальные исламисты и укрепляют позиции, им в одиночку не под силу создать условия для глобального восстания мусульман против Запада.

Таким образом, можно сделать осторожное предположение о том, что у подобного глобального исламизма, который опирается на риторику гонений мусульман в апокалиптическом столкно-

вании цивилизаций, нет будущего, если он останется, как сегодня, уделом горячих голов, не сможет расширить общественную базу и источники политической поддержки.

8. ПСР — ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛА

Особое место на этой общемировой картине суннитского фундаментализма принадлежит Партии справедливости и развития, которая недавно подтвердила свою власть в Турции после избрания президентом страны ее лидера Реджепа Тайипа Эрдогана. Эта партия, разумеется, не имеет ничего общего с радикальными течениями, однако продвигаемый им умеренный исламизм тоже представляет собой форму исламизации турецкого общества и, следовательно, едва прикрытую угрозу для принципа светского общества, который имел решающее значение для основателя современного турецкого государства Мустафы Кемаля Ататюрка.

Тем, кто критикует его авторитаризм и религиозный уклон его режима, лидер ПСР отвечает, что всего-навсего хочет воспитать набожную молодежь в соответствии с ценностями и принципами турецкой нации. Во время недавней предвыборной кампании Реджеп Тайип Эрдоган обратился к своим противникам в таком популистском ключе:

«Неужели вы ждете, что наша консервативная и демократическая партия позволит сформироваться поколению атеистов? Может быть, это ваша задача, ваша миссия, но уж точно не наша. Вам не нужна набожная молодежь. Вы что, хотите, чтобы она сидела на наркотиках?»

В его риторике продвижение ислама представляется не как политический инструмент, а как ключевой вектор общественного единства. В прошлом «добрый и набожный» мусульманин был вынужден находиться в оппозиции к официальной светской системе. Последние 10 лет ПСР Эрдогана пытается объединить ислам с конституционным соблюдением светских принципов. Такая попытка примирить два, казалось бы, противоположных направления порождает множество двусмысленностей и противоречий, однако взгляды всех отвергающих радикальный исламизм мусульманских стран сейчас обращены в сторону Турции.

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АПОКАЛИПСИСА ¹

Бреммер Я.

Прошла половина 2014 года, но единственной примечательной чертой, международного ландшафта стало расширение геополитического конфликта. Почему это должно нас беспокоить? В чём заключается коллизия, что это значит для глобальной экономики? Что мы должны думать о геополитике?

Мои мысли на эту тему, окидывая взглядом на четыре ключевые геополитические части – находясь в Евразии, на Ближнем Востоке, в Азии и трансатлантической геополитике.

ГЕОПОЛИТИКА

Несколько лет назад я писал о корневых причинах геополитической нестабильности, которую сегодня переживает мир, новый, джи-нулевой мир, в котором Соединённые Штаты менее заинтересованы в обеспечении своего глобального лидерства, и никто больше не желает или не способен вступать в эту роль. Этот первичный вакуум предводительства противоречит ситуации конкуренции внешнеполитических приоритетов, становящихся всё более могущественными развивающихся рынков (с очень разными политическим и экономическими системами) и возглавляемой Германией Европы; вызовы системе международных отношений от находящейся в упадке ревизионистской России, и трудности координации из-за количественного роста дееспособных государств и негосударственных игроков, даже в тех случаях, когда интересы совпадают. Всё это расшевелило напряжённости, доставшиеся нам в наследство от финансового кризиса: нестабильность по всему Ближнему Востоку после мертворождённой арабской весны; трёхлетняя сирийская гражданская война; провальная «перезагрузка» с Россией, нарастающий конфликт между Китаем и Японией; изнашивание американских союзов с такими странами как Бразилия, Германия и Саудовская Аравия.

И всё же геополитические проблемы не силь-

но изменили наши взгляды на глобальные рынки, поскольку каждый конфликт был небольшим и автономным (или побочные конфликты не воспринимались как очень значимые). Геополитика вызвала тревогу в кулуарах, но заслуживала не более чем беспокойства. Это необходимо изменить. Хотя события и воспринимаются как дискретные, рост геополитической напряжённости напрямую связан с креативным разрушением старого геополитического порядка. Это процесс, который набирает обороты, создавая в свою очередь кризисы ещё большего масштаба и ещё более широкую рыночную нестабильность. Сейчас мы достигли точки, когда ближайшие в среднесрочной перспективе последствия нескольких геополитических конфликтов могут стать главными двигателями геополитической экономики. Это верно в отношении конфликтов Россия/Украина, Ирака, Восточно- и Южно-Китайского морей, и отношений США/Европа. В каждом из них состояние статус-кво нежизнеспособно (хотя и по разным причинам). И, таким образом, как бы то ни было, пред нами четыре всадника геополитического апокалипсиса.

РОССИЯ/УКРАИНА

Перспектива потери Украины была последней каплей для российского правительства, которое последовательно теряло геополитическое влияние со времён коллапса Советского Союза, произошедшего более двух десятилетий назад. Москва рассматривает расширение НАТО, расширенную европейскую экономическую интеграцию, диверсификацию источников энергии и энергетическую революцию как прямые угрозы безопасности, которые необходимо принимать во внимание. Украина для Кремля – это также возможность... для президента Путина подбодрить ослабевающую базу поддержки дома.

Путин собирается усиливать экономическое и военное давление на Киев до тех пор, пока, как минимум, юго-восток Украины не окажется по существу под русским контролем. Последняя ответная попытка украинского правительства, одностороннее недельное прекращение огня

¹ Источник: <http://www.mauldineconomics.com/editorial/outside-the-box-the-four-horsemen-of-the-geopolitical-apocalypse>

на юго-востоке, приветствовалась вялой риторикой Путина, и было отвергнуто русскими сепаратистами региона, которые нарастили свои атаки на украинских военных. Тем временем тысячи русских военных, недавно отведённых от украинской границы, теперь были заново размещены на ней, основываясь на приказе Путина о переходе на усиленный вариант несения службы в этом регионе.

Это неблагоприятная для Киева альтернатива. Если они продолжат давление, насилие усилится, а русская поддержка расширится, что приведёт либо к разгрому украинской армии, либо повлечёт за собой серьёзные потери и потребует прямого «формального» ввода русских войск. Если они отступят – они потеряют Юго-Восток, критичный для их внутренней легитимности среди всего украинского населения. А украинская экономика всё это время расшатывается, поскольку большая часть её индустриальной базы отключена, вдобавок к российским санкциям на таможне, в торговле и газовых поставках.

Нарастающий конфликт приведёт к дальнейшему ухудшению российских отношений с США и Европой: перебоям в газовых поставках, увеличению расходов на оборону и координацию действий НАТО с Польшей и прибалтийскими государствами, волнениям вокруг Молдавии и Грузии, недавно подписавшими свои соглашения о европейской ассоциации... и «третий уровень» отраслевых санкций против России. Это, в свою очередь, означает серьёзные экономический спад в самой России... и ответные экономические последствия для самой Европы, которая гораздо больше зависит от России, чем США.

Последние несколько лет главные рыночные риски для Европы были экономическим: возможный коллапс еврозоны. Теперь об этом можно не беспокоиться. Первичный риск для Европы сегодня явно геополитический – разрастающийся русско-украинский конфликт ударит по Европе, в худшем случае загоняя континент обратно в рецессию.

ИРАК

Как и многое из мирового колониального наследия, многие ближневосточные границы работали только благодаря комбинации авторитарного светского правления и международной военной и экономической поддержке. Это, конечно, верно и для Ирака – до недавнего времени находившегося под контролем партии Баас, начиная

с 1953 года. Свержение Саддама Соединёнными Штатами и Великобританией 40 лет спустя, в сочетании с демонтажом почти всей военной и политической структуры, которая его поддерживала (в явном контрасте, к слову сказать, со свержением Хосни Мубаррака в Египте) подорвало территориальную целостность Ирака. С тех пор иракское правление могло функционировать лишь номинально, учитывая значительное присутствие американских войск, а также военную и экономическую помощь. Как только это было устранено, осталось мало чего такого, что бы обеспечило функционирование Ирака как страны.

Сектантство – это первичная форма подданства в сегодняшнем Ираке, как ограничивающая власть шиитского правительства Нури аль-Малики, так и образующая более тесные связи между иракскими суннитами, шиитами и курдским населением, а так же их братьями за пределами иракских границ. Как следствие, экстремизм внутри Ирака тоже резко возрос, в особенности среди лишённого сегодня права голоса суннитского населения – усугубившись в результате их тяжёлых потерь в войне против Башара Асада за пределами по большей части неопределённой границы с Сирией. Переломный момент наступил с обширным с наступлением группировки «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) в течение последних двух недель, ускорив ход десятилетней экспансии межконфессионального насилия и этнических чисток между суннитами и шиитами. Сравнительно богатые и политически стабильные курды сделали всё что можно, для того чтобы держаться подальше от этих волнений, ухватившись за долгожданную возможность получения независимости де-факто.

Американский ответ был осторожным. Поддержка внутреннего военного противостояния в Ираке сильно уменьшилась, в то время как война продолжилась, а экономические и людские потери возросли. Обама неоднократно обещал положить конец оккупации и считал полный вывод войск главным достижением своей администрации. В том, чтобы взять на себя ответственность за этот кризис – мало положительных сторон. Позиция Обамы, соответственно, состояла в том, что любое прямое военное вмешательство требует смены правления от самих иракцев – первоначально звучащего как правительство национального единства и постепенно переходящему на смену правительству премьер-министра Малики. С призывом верховного шиитского аятолы Али аль-Систани к иракскому премьер-министру

расширить правительство, включив в него курдов и суннитов, давление на аль-Малики возросло.

Но Малики, успешно справившийся с конституционным кризисом и попытками покушений, не говоря уж о решительной победе в демократических выборах, вряд ли подчинится. ИГИЛ представляет угрозу для единства иракского государства, но не для правления Малики шиитским большинством населения, которое, если уж на то пошло, сейчас стало сильнее, чем до начала боевых действий. А ключевой международный спонсор Малики, Иран, слабо заинтересован в принуждении Малики к компромиссу до тех пор, пока не существует угрозы для Багдада: они видят своё стратегическое положение гораздо более выгодным при возглавляемым Малики правительстве Ирака, чем при более широко представленном правительстве, при котором они бы были одной из многих соревнующихся международных сил. Кроме того, даже если Малики и был готов действительно разделить власть с иракскими курдами и суннитами (то, что он сделал бы скорее формально под неформальным «влиянием» 300 американских военных советников, сейчас прибывающих в Багдад), вряд ли он хотел бы стать свидетелем большого энтузиазма в ответ на это предложение. Курды предпочитают придерживаться номинальной (а это более ясная дорога к возможной формальной) независимости; а лидерам суннитов, которые бы публично искали общие мотивы с Малики, было бы лучше побеспокоиться о том, чтобы ИГИЛ не отыскала членов их семей.

В отсутствие каких-либо существенных военных действий со стороны американцев (или кого-либо ещё) иракское правительство едва ли способно отстранить от власти ИГИЛ и, соответственно, восстановить контроль над суннитскими и курдскими областями страны. Это приведёт к значительному увеличению экстремистского населения проистекающего со стороны исламского мира, тенденция, которая уже значительно ухудшилась за последние годы (хотя чиновники администрации Обамы заявили, что кибер-атаки для национальной безопасности США представляют величайший риск – утверждение, которое президент Обама опроверг во время своей речи в Вест-Поинт), с 2010-го, численность боевиков-джихадистов удвоилась, а количество атак аль-Каиды утроилось.

Сочетание сложных экономических условий, религиозного руководства и революции средств коммуникации, наделяющая полномочиями ин-

дивидуумов посредством сужения политических и идеологических призм, будут всё это, скорее всего, расширять. Это не только представляет большую угрозу стабильности для бедных рынков ближневосточных стран, но также будет трансформироваться обратно в растущую террористическую угрозу, направленную против западных активов в регионе и за его пределами. Что, в свою очередь, создаст потребность повышения безопасности расходов и большие опасения по поводу жирного террористического следа в развитом мире, особенно в южной и западной Европе (где большое число не интегрированного и безработного мусульманского населения будет представлять собой ещё более прямую угрозу).

Более широкий риск состоит в том, что конфликт между суннитами и шиитами метастазирует в одну, более широкую войну. ИГИЛ провозглашает исламское государство на всей суннитской территории Ирака и Сирии, становясь эпицентром спонсирования терроризма и вербовки по всему региону.

Саудовское правительство осуждает отсутствие международного участия как в конфликте, так и в прямом противостоянии всё более чувствительному и открытому влиянию Ирана на правление в Иране и Сирии. Соединённые Штаты завершают всеобъемлющую ядерную сделку с Ираном и заявляют о победе (но это реально не работает в случае с Ираном и Ираком), избегая растущих разногласий между двумя основными силами Ближнего Востока.

Совет по сотрудничеству стран Персидского залива стал распадаться, как только его члены увидели возможности в совместных экономических проектах с Ираном. Иранские «советники» в Ираке трансформируются в вооружённые силы; Саудовская Аравия публично выступает против ИГИЛ, но саудовские деньги и вооружения попадают в их руки, а изобилие неформальных связей всплывает на поверхность. Растёт милитаризация между осмелевшим Ираном и более изолированной, занявшей оборонительную позицию Саудовской Аравии. Вот когда геополитическая плата за цены на энергоносители становится серьёзной.

ВОСТОЧНОЕ/ ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЯ

Украина и Ирак – два главных геополитических конфликта. Но есть ещё две геополитические точки напряжения с участием крупнейших экономик, которые становятся значимыми.

В Азии, это следствие (и реакция на) всё более могучий и самоуверенный Китай. Рост влияния Китая на протяжении долгого времени остаётся самой важной геополитической новостью. Но как минимум сегодня, китайский рост является по большей части возможностью для всего остального мира. Для Ближнего Востока это принципиально новый источник энергетический источник, поскольку Соединённые Штаты становятся всё более энергонеуязвимыми. Для Африки – наилучшая возможность отстроить давно желанную инфраструктуру по всему континенту. Для Европы и даже для Соединённых Штатов – это критически важный источник кредитования и поддержки валют и ключевой производитель дешёвых товаров. Нельзя утверждать, что в каждом из этих заявлений нет оговорок (или что количество таких оговорок не растёт – оно растёт), но в целом Китай сначала рассматривался этими игроками скорее как возможность, чем как угроза, и так и остаётся ею на сегодняшний день.

В Азии же растущий Китай всегда рассматривался скорее как обоюдоострый меч. Сравнительно большое влияние китайской экономики всегда переводилось в большее политическое влияние Пекина (формальное и неформальное) за счёт других государств этого региона. Тем временем резкий рост военной мощи Китая фундаментально изменил баланс сил в Азии; это осталось практически без внимания в других местах.

Военная напористость Китая возросла также и на его задворках. В других районах мира Китай продолжает преподносить себя как бедную страну, которой необходимо сфокусироваться на стабильности и своём собственном развитии.

На Востоке и Юго-востоке Азии у Китая есть ключевые интересы, которые он защищает, и он всё более расположен поставить под сомнение статус-кво, поскольку его влияние асимметрично возросло.

Ясней всего это продемонстрировал случай с Вьетнамом, куда Китай отправил свою нефтедобывающую платформу для бурения скважины в спорных водах непосредственно у берегов Вьетнама, в сопровождении нескольких сотен китайских рыболовных судов. На прошлой неделе они заявили, что разместили там ещё четыре. Неудивительно, что вьетнамским ответом стали резко антикитайские демонстрации, волнения, усиление военно-морского присутствия в регионе и координация действий с Филиппинами.

Ничто из этого само по себе не создаёт политического риска: Вьетнам не является союзни-

ком Соединённых Штатов и поэтому вызывает меньшую поддержку и ответ из Вашингтона, чем Филиппины или Япония... и именно поэтому Пекин решил, что это лучшее место для начала смены регионального баланса в регионе.

Но Токио считает иначе. Японское правительство понимает, что растущий Китай – это надолго, и это гораздо более угрожающая проблема для её собственной безопасной позиции в Азии, и оно не готово ждать до тех пор, пока его позиция ещё больше ослабится, чтобы выразить беспокойство. Поэтому Синдзо Абэ заявил о своей поддержке безопасности Вьетнама.

С американской стороны Обама отверг официальный «разворот» в Азию. Но администрация продолжает верить, что центр американских интересов безопасности, сейчас и в будущем, находится в Азии, и если Китай значительно нарастит напряжённость в Восточно- и Южно-Китайском морях, США навряд ли будут сидеть так же праздно, как они это делают в Сирии и Украине.

Хорошие новости состоят в том, что – в отличие от тех стран, которые нагнетают напряжённость в Евразии и на Ближнем Востоке – Китай политически стабилен и не выглядит международной угрозой. Но реалии китайского роста, в сочетании с сильной ведущей ролью Японии и (со временем) Индии, наряду с мощным американским фактором будут способствовать созданию гораздо более беспокойной геополитической обстановке в этом регионе.

Основная опасность для рынков – это то, что произойдёт, если китайское правительство перестанет придерживаться этой концепции. Приверженность президента Си Цзиньпина трансформационным экономическим реформам была сильна в первый год его правления, и он получил удивительно слабый отпор от закоснелых элит.

Но неопределённость вокруг китайской около-среднесрочной линии движения гораздо больше, чем по поводу таковой у любой другой из главных мировых экономик. В случае возникновения в Китае существенной нестабильности, несомненно правдоподобный сценарий, – готовность Китая предпринять гораздо более напористую (и более рискованную) стратегию безопасности в этом регионе, продвигая национализм теми же методами, которыми Путин выстроил с недавних пор свою базу поддержки, – станет гораздо более вероятным. И тогда Восточно- и Южно-Китайские моря переместятся в верхнюю часть нашего списка.

США-ЕВРОПА

И, наконец, трансатлантические отношения.

Передовые промышленно развитые экономики с консолидированными институтами и политической стабильностью, здесь нет ничего похожего на геополитический конфликт, который мы наблюдаем в настоящее время на Ближнем Востоке, в Евразии или Азии. Геополитическая напряжённость долгое время отсутствовала в трансатлантических взаимоотношениях, величайшем успехе альянса НАТО. Не смотря на периодическое несогласие в Европе с американской военной политикой и политикой в обеспечении безопасности как во времена Холодной войны, так и после неё (войны в Ираке, израильско-палестинский конфликт, борьба с терроризмом и тому подобное), европейские страны никогда не рассматривали необходимость расширения сотрудничества в области безопасности в качестве противовеса членству в НАТО.

Но изменяющийся характер геополитики создаёт раскол между Соединёнными Штатами и Европой. Американская мировая гегемония состояла из двух составляющих: экономической и безопасности, и именно коллективная безопасность являлась стержневым элементом, связывающим воедино трансатлантический альянс. Это больше не так: в результате цепочки смены приоритетов у американцев и европейцев, и эволюции мирового порядка (Россия/Украина – главный всплеск, но не единственный), трансатлантические взаимоотношения гораздо менее выровнены экономически.

И это не просто расхожее мнение. Большинство обозревателей говорит, что после Буша американская политика сегодня выглядит более европейской – менее милитаристской, более многосторонней. Но, на самом деле, политика США не становится более европейской, скорее она становится более похожей на китайскую. Она менее сосредоточена на военных вопросах, за исключением тех, которые представляют особо важные вызовы безопасности (в которых Соединённые Штаты действуют без особой нужды советоваться с союзниками), в то время как американская экономическая политика склоняется к односторонним действиям по поддержанию привилегированного американского геополитического положения – что, грубо говоря, видно по нашей манере накладывать санкции (сегодня более 20-ти банков – в основном европейских – обложены штрафными санкциями на более 15-ти млрд. долларов)

и по политике слежки АНБ (учитывая нежелание США сотрудничать с Германией по предложенному ею соглашению о взаимном «отказе от шпионажа»)

Трансатлантический экономический диссонанс является также свидетельством большого числа более фундаментальных разногласий: американского подхода «рост превыше всего» к спаду в экономике, в сравнении с немецкой фиксацией фискальной отчётности. Более тесное взаимодействие между европейскими правительствами и корпорациями по вопросам индустриальной политики, в противоположность децентрализованному, возглавляемому частным сектором (а подчас и поглощённой им) американским политическим окружением.

Более гибкий экономически побуждаемый подход европейцев к Китаю, России и другим развивающимся рынкам; правительство США кажется больше сосредоточено на руководящими США «универсальными» принципами промышленного шпионажа, авторского права и т.д.

Как настаивает теория Джи-нулевого мира (мира отсутствующего правительства), мы станем свидетелями того, как Соединённые Штаты позаботятся о том, чтобы навязать более односторонние экономические стандарты, по поводу которых европейцы возмущаются и которым сопротивляются; в то время как европейцы смотрят на другие страны больше как на стратегический баланс американской экономической гегемонии (в этом отношении особенно критичны немецко-китайские взаимоотношения, но это также правильно в том, что касается европейской готовности поддерживать американскую экономическую политику в России и на Ближнем Востоке). Всё это означает гораздо меньший «универсализм» (с американской точки зрения) и большую «многовекторность» (с точки зрения европейской). Суммарное стремление к нулю в трансатлантических взаимоотношениях – это серьёзная перемена в геополитической обстановке; предвестник истинной многополярности, но в промежутке – более фрагментированный и гораздо менее эффективный глобальный рынок.

* * *

Так вот, я рассматриваю геополитическое пробуждение как ключевой фактор для глобальных рынков – гораздо в большей степени, чем когда бы то ни было после окончания Холодной войны. Здесь есть хорошие и плохие новости.

Хорошие новости заключаются в том, что ни один из этих геополитических рисков, скорее всего не будет иметь на рынок такого влияния, которое оказывали на него макроэкономические риски после финансового кризиса. Для этого существует масса причин. Низкий уровень процентных ставок и непрерывный рост США и Китая – плюс выходящая из рецессии еврозона – наравне с неудовлетворённым спросом на инвестиции, ведущим к значительному оптимизму, который геополитике будет не так легко сбить.

История энергетического спроса-предложения в основном «медвежья», так что геополитические риски Ближнего Востока не образуют устойчиво высоких цен. Рынки понятия не имеют, каким образом правильно оценивать эти геополитические

риски; они не так чётко рассматриваются аналитически, поэтому инвесторы не обращают на них слишком много внимания (прежде чем и до тех пор, пока это не понадобится).

Плохие новости... заключаются в том, что само отсутствие давления рынков означает, что политические лидеры не будут чувствовать необходимости разрешить эти кризисы, даже если они разрастутся, в особенности это касается Соединённых Штатов. Это ещё одна причина, по которой мировые геополитические кризисы будут оставаться за пределами, при которых аналогичный экономический кризис разразился бы до того, как будут предприняты серьёзные меры для их смягчения. Эти геополитические факторы будут только возрастать. Настало время обратить на них внимание.

ВОЙНА С ТЕРРОРОМ. КТО ТЕПЕРЬ ВРАГ ¹

Жигалкин Ю.

Каковы результаты 13-летней антитеррористической кампании? С тем ли врагом борются Соединенные Штаты? Эти вопросы мы обсуждаем с профессором университета имени Джорджа Мэйсона Марком Катцем, профессором университета штата Индиана Дмитрием Шляпентохом, правозащитником, сотрудником Гуверовского института Юрием Ярым-Агаевым. В передаче принимают участие научный сотрудник вашингтонского фонда «Наследие» Джеймс Филипс и корреспондент Радио Свобода в Вашингтоне Владимир Дубинский.

10 сентября, накануне 13-летней годовщины террористических атак в Нью-Йорке, в результате которых погибли почти три тысячи человек, президент Обама выступил с телеобращением, в котором он объявил о том, что США начинают новую антитеррористическую кампанию. 13 лет назад врагом была «Аль-Кайда», террористическая сеть Усамы бен Ладена. Сегодня враг иной. Это так называемое «Исламское государство», исламистская радикальная группировка, захватившая значительные территории в Сирии и Ираке. По только что появившимся оценкам ЦРУ, в ее рядах числятся от 20 до 30 тысяч боевиков.

Несколько недель назад, через два с лишним года после ухода американской армии из Ирака, президент Обама вернул в эту страну несколько сотен военнослужащих для охраны американских объектов и санкционировал нанесение ограниченных воздушных ударов по боевикам «Исламского государства». В среду президент заявил, по сути, о готовности начать масштабную долговременную воздушную войну с «Исламским государством» в Ираке и Сирии, войну, которая должна вестись на земле иракскими вооруженными силами, курдскими боевыми подразделениями и умеренной сирийской оппозицией. Объявление президентом новой антитеррористической кампании было встречено и с пониманием, и с тревогой.

Цель объявленной президентом стратегии заключается в полном уничтожении группировки «Исламское государство». Но, по словам прези-

дента, добиваться этой цели Соединенные Штаты будут не в одиночку. Для успешного осуществления стратегии необходимо участие союзников США в Европе, странах Ближнего Востока, и, разумеется, правительства Ирака:

— Это не только наша битва. Военная мощь США может сыграть решающую роль, но мы не можем сделать для Ирака то, что эта страна должна сделать сама. И мы не можем заменить наших арабских партнеров в деле установления мира в их регионе, — заявил президент США.

Усилия по ликвидации группировки «Исламское государство», сказал президент Обама, будут продолжительными и комплексными, но не предусматривается отправка в район действия террористов американских сухопутных войск. Чисто военная роль США, по словам президента, будет заключаться в нанесении по «Исламскому государству» ударов с воздуха, причем эти удары не ограничатся территорией Ирака. Президент сказал, что он без колебаний готов распорядиться о нанесении ударов по террористам и в Сирии.

На нанесении ударов по позициям «Исламского государства» на территории Сирии давно уже настаивают многие американские законодатели — представители обеих политических партий, а Пентагон считает, что нейтрализовать группировку «Исламское государство», не атаковав ее позиции в Сирии, невозможно. По предложенной президентом стратегии, наземные боевые действия «Исламского государства» на территории Ирака должны вести войска правительства этой страны, а также курдские вооруженные формирования. Однако, как считает специалист по Ближнему Востоку из вашингтонского исследовательского фонда «Наследие» Джеймс Филипс, рассчитывать на то, что иракские силы справятся с боевиками «Исламского государства», едва ли приходится.

— В настоящий момент иракские вооруженные силы не обладают достаточной мощью, чтобы дать достойный отпор «Исламскому государству», — говорит Джеймс Филипс. — Более того, к ним, к сожалению, могут присоединиться разного рода вооруженные радикальные шиитские

¹ Источник: <http://www.svoboda.org/content/usa-today-obama-isis/26581349.html>

группировки, что только осложнит ситуацию, так что рассчитывать на то, иракские силы справятся с «Исламским государством», не следует. Может быть, они будут в состоянии остановить наступление «Исламского государства» или даже отводить какую-то территорию, но о полной победе говорить нельзя будет до тех пор, пока в Багдаде действительно не будет создано подлинное правительство национального единства.

Еще более проблематично выглядит ситуация в Сирии. Кто будет воевать с террористами там, непонятно. В своем обращении президент Обама призвал к увеличению поставок оружия так называемой умеренной сирийской оппозиции. Джеймс Филипс из фонда «Наследие» считает, что говорить о том, что сирийская оппозиция сможет стать эффективной боевой силой, преждевременно:

— Президент, насколько я понимаю, сказал, что борьба с «Исламским государством» в Ираке займет по меньшей мере три года. В Сирии же, на мой взгляд, речь идет о гораздо большем сроке. Вооружать сирийскую оппозицию надо было еще два года назад, и об этом говорили даже самые ближайшие советники президента Обамы, включая министра обороны, государственного секретаря, директора ЦРУ и главу Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США. Но в Белом доме не прислушались к их совету, и, на мой взгляд, теперь там об этом сожалеют.

Естественным, так сказать, врагом «Исламского государства» является правительство сирийского президента Башара Асада. Однако президент Обама заявил, что полагаться в борьбе против террористов на режим Башара Асада нельзя, так как этот режим никогда не сможет восстановить утерянную им легитимность. Джеймс Филипс также считает, что ни о каком сотрудничестве с Асадом даже во имя борьбы с «Исламским государством» речи быть не может.

— Президент, на мой взгляд, поступил абсолютно правильно, исключив вероятность сотрудничества с сирийским правительством. Режим Асада является частью проблемы и никоим образом не должен принимать участие в ее решении. В лучшем случае, мы можем надеяться, что между США и Сирией будет достигнуто некое негласное понимание, о том, что американские ВВС будут наносить по позициям «Исламского государства» в Сирии удары с воздуха, а сирийская авиация не будет им мешать, ибо в противном случае ее самолеты будут сбиты. Но на этом сотрудничество,

если это можно, назвать сотрудничеством, и прекратится. Я очень сомневаюсь в том, что Соединенные Штаты даже предупредят Сирию, перед тем как атаковать позиции боевиков.

Ключевой частью объявленной президентом Обамой стратегии является участие арабских стран в антитеррористической коалиции. Осознавая, что «Исламское государство» в первую очередь угрожает им самим, эти страны поддерживали инициативу США. Но в чем именно будет заключаться их участие в коалиции, пока неясно.

Комментаторы ведущих либеральных изданий, близких Демократической партии, также испытывают сложные чувства по поводу решительной антитеррористической инициативы президента, пришедшего в Белый дом под лозунгом прекращения войн своего предшественника Джорджа Буша-младшего. Джефф Шесол в журнале *The New Yorker* пишет:

«Успех Америки в этой новой важной миссии будет базироваться не на наших ценностях, нашей силе или победном духе, о которых так ярко говорил президент Обама в своей речи. Он будет зависеть от партнеров, которые в лучшем случае ненадежны, а в худшем — неспособны. Если они провалятся, тогда чем завершится эта американская попытка борьбы с террором? Этот вопрос не был задан и на него не было дано ответа в речи президента».

Тревожится и обозреватель журнала Slate Фред Каплан:

«Цель, заявленная президентом, верна. План, предложенный Обамой, выглядит обоснованным, в нем даже учтены нюансы. Что может его сорвать? Как скажет вам любой человек, изучавший регион, все, что угодно. Роли и задачи участников коалиции еще не определены, их обещания, скажем так, не высечены в граните. Этот план может быть осуществлен в Ираке, потому что новое правительство страны поддерживается в данный момент и суннитами, и шиитами, но он может провалиться в результате взрыва в любой мечети или на рынке. В том, что касается Сирии, многое остается неясным».

Дэвид Игнатус, комментатор The Washington Post, правда, находит поводы для оптимизма по поводу возможного успеха новой антитеррористической операции:

«Решение Обамы дать бой «Исламскому государству» предоставляет ему возможность перезагрузить свое собственное президентство и

идею американского лидерства, после того, как стали очевидными сомнения и в США, и за рубежом относительно того, есть ли что-то, за что президент готов сражаться. Его природная осторожность в данный момент является гарантией того, что эта борьба будет вестись осторожно, в партнерстве с нашими союзниками в регионе. Америка теперь может использовать военно-воздушные силы для того, чтобы ослабить «Исламское государство». США могут избежать серьезных сухопутных операций в той степени, в которой они смогут привлечь сухопутные войска своих региональных союзников».

— Насколько реалистичным кажется план победы на «Исламском государством», изложенный президентом Обамой американским экспертам? Юрий Ярым-Агаев, ваша точка зрения?

— В своем подходе к терроризму Обама, на мой взгляд, повторяет все ошибки Буша и добавляет еще больше своих ошибок. Главная ошибка Буша была в том, что он выделил терроризм в отдельную силу или идею и объявил против нее войну. Он вынул терроризм из контекста идеологии, из контекста организованных государств, которые за ним стоят, — говорит Юрий Ярым-Агаев. — Терроризм — это инструмент войны, это такой же инструмент, как атомная бомба или межконтинентальные ракеты, и нельзя объявлять войну межконтинентальным стратегическим ракетам. Обама пошел еще дальше, он вообще очень долгое время старался как можно меньше говорить о проблеме терроризма, во вчерашней речи он как раз признал существование терроризма, но опять у него терроризм повис абсолютно без идеологии, без контекста, без ничего и остался в голом виде, еще более оголенным, чем он был у Буша.

— Дмитрий Шляпентох, ваша точка зрения? Можно ли действительно бороться с терроризмом, формулируя борьбу в том виде, в котором ее представил Барак Обама?

— Первым делом, какой контекст, с чем сравнивать. Для меня как историка терроризм и исламизм не связан с неким абстрактным халифатом и контекстом арабской истории и ислама, он структурно мне ближе и понятнее в контексте большевизма, — говорит Дмитрий Шляпентох. — Причем структурное их сходство очень велико: там и там интернационализм, там и там идеальное общество, там и там умрем за дело это. Погубило врагов большевизма то, о чем писал еще Ленин.

Почему вы выстояли в этой борьбе, задавался он вопросом? Потому что американские империалисты были врагами французских империалистов, французские — немецких, и так далее. Исламизм можно победить только в том случае, если Соединенные Штаты, и Иран, и Сирия, и Россия будут действовать сообща. А поскольку сообща они не действуют, как не действовали в 1917-18 году враги Советов, то биться с исламизмом, а к тому же не посылая туда войск, с воздуха или с помощью хитроумных комбинаций — это, по-моему, некая абстракция, дорога в никуда.

— Профессор Катц, наши собеседники испытывают серьезные сомнения по поводу новой американской стратегии в Ираке и Сирии. С вашей точки зрения, вступают ли США в новую войну и можно ли в ней одержать верх?

— Это без сомнения война, но существуют разные способы ведения войн. На мой взгляд, если говорить об «образцовой» войне подобного рода, то это операция против марксистских повстанцев в Сальвадоре, которую организовала администрация Рональда Рейгана, — говорит Марк Катц. — В этой стране находилось не более пятидесяти пяти американских военнослужащих, но при активной поддержке США власти Сальвадора смогли эффективно нейтрализовать повстанческое движение, которое было активным многие годы. Естественно, ситуация в Ираке иная, но, насколько можно судить, стратегия Белого дома заключается в том, чтобы предоставить иракским властям и сирийской оппозиции помощь воздушными ударами и вооружением, с тем чтобы они сами смогли разрешить эту проблему.

— Профессор, США ведут войну с радикальными исламистами уже по крайней мере 13 лет, со времени терактов в Нью-Йорке. Но, если судить по успехам «Исламского государства» в Ираке и Сирии, по успехам исламистов в Африке, эта угроза не уменьшилась. Уместно задаться вопросом: возможна ли победа в этой войне?

— У нас есть очень серьезные проблемы в поиске наиболее эффективного способа борьбы с этими группами. Но, на мой взгляд, их способность захватить территорию не означает, что они способны удержать ее под своим контролем, консолидировать свою власть. Их попытки навязать населению свою версию ислама приводят к падению их популярности. Эти группы, как правило, раздроблены, там идет постоянная как внутрен-

няя борьба, так и борьба между разными движениями. Очень интересно сейчас наблюдать за потасовкой «Аль-Кайды» и «Исламского государства», это удивительный поворот событий. Иными словами, нейтрализация этих групп возможна, но для этого требуется длительное время, терпение и эффективная стратегия. Я, например, думаю, что «Исламское государство» не достигнет новых успехов в Ираке, поскольку причиной его прежних успехов была не сила террористической группы, а слабость иракской армии и служб безопасности, которые, как известно, нередко бежали при приближении боевиков. Если будет возможно избежать подобного в будущем, то исламисты не смогут продвинуться дальше в Ираке.

— Дмитрий Шляпентох, учитывая, что через 13 лет после начала борьбы с одной террористической организацией, мы вынуждены иметь дело с другой, потенциально более опасной, не выглядит ли эта борьба, грубо говоря, безнадежной?

— Совсем она не безнадежная. Как и в 1918-19 году, если бы и немцы, и французы, и американцы послали бы не пару тысяч, а сотни тысяч своих солдат, то большевиков бы не было. То есть сейчас необходимо привлечь к усилиям по борьбе с «Исламским государством» всех его противников, включая Иран. Правы те, кто говорит, что Иран сам использует террористов, но кто их не использует. Действительно, сами исламисты могут быть созданы теми или иными государствами, но они не являются всегда их послушными орудиями, они действуют иногда сами по себе. Ленин был ли орудием у германского кайзера? Он, конечно, давал ему деньги, помогал, но у него были собственные цели. Исламизм является в конечном итоге врагом смертельным не только американцев, но и иранцев тоже. Потому что иранцы в основном большевики, им нужно государство, великая империя, им не нужна мировая революция. Хорошо ли с ними объединяться? Политика — это вещь не идеологий, а реальностей. Советский Союз стал союзником Америки во время войны с Гитлером, Китай, красный Китай во время культурной революции стал союзником Соединенных Штатов при архиконсервативном Никсоне. Была интересная книжка, в которой описывались их переговоры, совершенно идеология не упоминалась ни Мао, ни Киссинджера, все шло вокруг проблемы борьбы с Советским Союзом как государством. Поэтому если Соединенные Штаты действительно рассматривают исла-

мизм как опасного врага, а он является опасным врагом не только для них, но и для России, и для Ирана, и для Китая, то здесь необходимо сотрудничество и уступки.

— Вы считаете, что США должны, по крайней мере, рассмотреть вероятность вступления в союз с меньшим злом, чтобы противостоять большему?

— Совершенно верно, они должны вступить в союз с Асадом, — говорит Дмитрий Шляпентох. — Между прочим, сейчас, заметьте, исчез Асад со страниц газет американских как символ свержения. Это необходимое условие, потому что начинается уже дальше Кафка. Что, бомбить и Асада, и его врагов.

— Юрий Ярым-Агаев, действительно, ситуация парадоксальная, и это отмечают многие наблюдатели, что необходимо нейтрализовать радикальных исламистов, но при этом не усилить режим Асада? Выполнима вообще такая задача?

— Режим Асада усилен не будет. Но ни в коем случае нельзя пытаться объединяться со своими главными врагами. Дело в том, что все страны, которые перечислил Дмитрий, — Иран, Россия, Сирия, — для них главным врагом была и остается Америка. Это факт. Они не могут быть принципиально нашими союзниками, потому что мы для них являемся главным врагом. Причем это для них принципиальная вещь, на этом основана не только внешняя, но и внутренняя политика. Антиамериканизм принципиально необходим и Ирану, и даже современной России. Привлекать Иран для борьбы с исламизмом для меня приблизительно то же самое, что было привлекать в 1970-е годы Советский Союз для борьбы с коммунизмом.

— А сирийские власти привлечь, для которых исламисты так же являются смертельной опасностью?

— Я согласен, что сирийская власть не исламистская по натуре, так же как Саддам Хусейн не был исламистским, это были баасистские социалистические государства. Но Асад необратимо стал врагом Америки. К тому же там есть третья сила, которая является, мы можем обсуждать, насколько она сильна или не сильна, но она является умеренной демократической силой в Сирии, которую мы обязались поддерживать. Поддержать сейчас Асада — это в первую очередь предать все

зачатки демократических сил, которые существуют в Сирии, это просто предать и уничтожить. Это серьезное соображение. Я считаю, что Америка сама по себе очень сильное государство. На самом деле, как коммунизм, который находится в состоянии издыхания, так и исламизм не являются очень мощными и сильными идеологиями. Америка не нуждается в таких плохих союзниках. Америке, безусловно, надо объединяться с союзниками демократического плана, а именно с Европой, с Японией, с Австралией, со всеми странами, в которых есть демократия и которые антитоталитарные государства. Суть главная этих войн — это идеологические войны, это в первую очередь борьба идей. Все остальное — это следствие. Америка проигрывает и ведет очень слабо эту войну. Объединение с идейными противниками резко ослабляет позицию в идеологической войне.

— *Профессор Катц, как бы вы охарактеризовали эту кампанию: антитеррористическая кампания, война идеологий?*

— Моя точка зрения заключается в том, что война с террором должна рассматриваться в той же категории, что и холодная война, аналогия заключается в том, что мы вступили в новую эру противостояния, когда нам приходится иметь дело с целой группой конфликтов, имеющих отношение друг к другу. Холодная война затянулась надолго, на мой взгляд, и нынешний конфликт будет очень продолжительным. Ошибка Джорджа Буша заключалась в том, что он считал, что с терроризмом можно справиться довольно быстро, ошибка Обамы состоит в том, что он посчитал, что дела на антитеррористическом фронте идут столь хорошо, что можно его покинуть. Но, как и во время холодной войны, нам нужно быть готовым к длительной борьбе.

— *Интересно, что после прихода в Белый дом Барак Обама отказался от формулировки, да, кажется, и от понятия «война с террором», которое его предшественник использовал для мобилизации американского общественного мнения. Администрация Обамы делала ставку на отдельные антитеррористические операции. Как бы вы определили новую стратегию Барака Обамы?*

— Словосочетание «война с террором» никогда не было хорошим определением, — говорит Марк Катц. — Да и холодная война не была точным термином для обозначения происходящего в те годы. Свойство нынешнего конфлик-

та заключается в том, что нам противостоят не просто террористы, нам противостоят революционеры. Их необходимо воспринимать как революционеров. Нравится это нам или нет, сила революционеров заключается в идее, которая выглядит крайне привлекательной для других. Эта идея даже не должна быть привлекательной для большинства, она должна захватить достаточно людей, готовых оказать поддержку радикальному движению. Опыт показывает, что когда радикалы приходят к власти, их правление быстро начинает дискредитировать идею, точно так же как коммунистическая идея была дискредитирована в глазах людей и коммунизм, как глобальная идеология, потерпел поражение. На мой взгляд, дискредитация идеи станет в конце концов формулой победы в войне с террором.

— *Сегодня 13-летняя годовщина терактов 11 сентября. Дмитрий Шляпентох, если краткий итог подвести этого 13-летия, с вашей точки зрения, как можно оценить результаты этой состоявшейся или не состоявшейся борьбы с терроризмом, объявленной президентом Бушем?*

— Где был успех, а где был неуспех? Успех заключается в том, что ничего подобного не произошло на американской земле, хотя все предвещало, что это будет неизбежно. Это успех. Другая сторона вопроса, 11 сентября был как повод для военных экспедиций на Ближний Восток. Это оказалось полным провалом. Теперь возьмем Ирак. Сначала была идея быстрого блицкрига, который быстро кончится, оказалось, сидели там долго. Уйдя из Ирака, обнажились исламисты, которые никуда не уйдут. Если американская авиация будет продолжать их бомбить, то вместо Ирана, который в их глазах так же был смертельным врагом, у них был план двинуться через Багдад на Тегеран, они могут обратить внимание на США. Для иранцев это будет очень хороший способ перенаправить их в сторону американцев, и здесь начинается война без конца. Потому что, как бы ни была могуча американская военная машина, это как стрелять из мощной винтовки по ядовитому малярийному комару. Что касается идеологии, то идеология сама выросла из социальных условий. Пока эти социальные условия существуют, она будет воспроизводиться. Таковы здесь краткие итоги: победа внутри, поражение вовне.

— *То есть проблема остается открытой, Юрий Ярым-Агаев?*

— Во-первых, я не считаю, что это такая победа внутри. Ибо за эту победу было отдано довольно много, мы существенно ограничили наши внутренние свободы. И увеличение в какой-то степени полицейского режима в стране — это проигрыш, это проигрыш во внутренней политике, это уступка этому терроризму. Это не надо игнорировать. Что касается внешней стороны, главной ошибкой, которая была, была так называемая война с терроризмом, которая является по определению вечной войной. Это как война с человеческими пороками. Воевать можно с конкретным врагом, можно вести войну с идеологией. Последнее, к сожалению, Америка не умеет делать и делает очень плохо, и в этом главные наши проблемы.

— *Дмитрий Шляпентох, некоторые комментаторы говорят, что задача достижения победы в борьбе с радикальными исламистами неверно сформулирована. Лучшее, что можно сделать, — это, что называется, держать эту проблему под контролем до тех пор, пока исламистское движение не выдохнется и не умрет естественной смертью. Это, собственно, точка зрения нашего собеседника Марка Катца. Как вы относитесь к такому прогнозу?*

— Что она сама по себе умрет — нет, умер ли большевизм? Она просто трансформируется в государственную стадию, она может стать специфическим государством на Ближнем Востоке со своими собственными уже новыми государственными интересами.

— *Юрий Ярым-Агаев, наш собеседник предполагает, что в конце концов «Исламское государство» пока только по названию может превратиться в реальное государство?*

— Я не вижу, честно говоря, для этого никаких оснований, потому что у меня нет никаких оснований считать, что там находятся какие-то реальные силы, которые имеют реальную широкую поддержку и прочее. Спешить легитимировать, может быть, очень небольшую, никого не представляющую группу людей и спешить ее при-

знать, тем самым фактически помочь ей встать на эту позицию, я не вижу никаких оснований для этого. Я пока не видел никаких аргументов, говорящих в пользу того, что этих людей достаточно, они кого-то представляют, они представляют реальную силу. Поэтому пока таких аргументов нет. Если это рассматривать как небольшую группу людей, которые, может быть, с поддержкой каких-то внешних сил выполняют просто насильственные террористические акты, то первая моя реакция на это заключается в том, что эту группу просто уничтожить и дезавуировать, а не пытаться придавать ей значимость, которой может быть и нет. Я, по крайней мере, до сих пор не слышал никаких аргументов в эту пользу. Кроме того, что на совершенно пустом, грубо говоря, пространстве, в случае вакуума и в большой степени при наличии недобитых сил Хусейна, баасистских сил и сил его безопасности, которые играют колоссальную роль в этом государстве, которые заполнили некий существующий вакуум, когда там не было никакого отпора. Я бы не придавал этому большей значимости, чем эти люди того заслуживают. Я вижу такую аналогичную ситуацию с Донецкой и Луганской республикой, где тоже небольшая, никого не представляющая группа людей-самозванцев пытается из себя что-то изобразить, к сожалению, я вижу некоторую попытку легитимировать внешним миром этих людей, которые просто никого не представляют и ничего не представляют.

И еще одно мнение: обозревателя The Washington Post Дэвида Игнатюса:

«Обама, судя по всему, понимает историческое значение момента, появление кошмарного видения в облике «Исламского государства». Старый порядок на Ближнем Востоке рушится, очертания нового пока не проявились. На фоне этой анархии Обама пытается предотвратить худший вариант, не возвращая при этом к жизни тщетные иллюзии относительно строительства демократического порядка в Ираке. Ирак остается Ираком, но иллюзии 2003 года утрачены».

СОЮЗ С ИСЛАМОМ НА АНТИАМЕРИКАНСКОЙ ПОЧВЕ НЕВОЗМОЖЕН ¹

Ремизов М.

Неожиданное появление на Ближнем Востоке новой агрессивной и достаточно мощной силы – Исламского государства Ирака и Леванта – не только изменило привычный расклад политических сил в регионе, но и резко актуализировало дискуссию о «войне цивилизаций», начатую в 1993 г. публикацией знаменитой статьи С. Хантингтона. Впервые за долгое время мусульманский мир продемонстрировал способность к формированию не ограниченной официальными границами, кристаллизующейся вокруг сильного идеологического ядра квазигосударственной структуры. И хотя сейчас жертвами этого новообразования являются – за исключением нескольких показательных казненных западных журналистов – иракцы и сирийцы, не приходится сомневаться, что если Исламскому государству не помешают вырасти и окрепнуть, оно станет реальной угрозой современной секулярной западной цивилизации.

О вызовах, связанных с подъемом радикального исламизма и их влиянии на внешнеполитический курс России «Русская Idea» побеседовала с президентом Института Национальной стратегии Михаилом Ремизовым.

– В последние месяцы США наращивают санкции против России и одновременно объединяют страны в коалицию против «Исламского государства». Почему Америка не ищет вариантов сотрудничества с Россией, в отличие от 2001-2003 годов, когда она была заинтересована в российской поддержке? С другой стороны, общность интересов России и США в борьбе с террористической опасностью реальна или скорее иллюзорна?

– На сегодня эта общность иллюзорна, потому что Соединенные Штаты борются с угрозами, которые сами порождают, при этом прекрасно отдавая себе в этом отчет. Россия стоит на позиции поддержки светских политических режимов, способных сдерживать исламизм. Как правило, такие режимы авторитарны, потому что в против-

ном случае они были бы неспособны сдерживать исламизм. Другими словами, у двух стран разная политическая методология. В случае США – это вмешательство и раскачивание ситуации, а затем повторное вмешательство для решения вновь возникших и усугубившихся проблем. Т.е. они выпускают джинна из бутылки, а потом его ловят. Но у США есть преимущество – они далеко. Для России же исламизм является, прежде всего, внутренней проблемой. А во внешней политике ее интерес состоит в поддержании системы противовесов экспансии исламизма. Противовесов, как правило, действующих на локальном, региональном уровне. Глобальные коалиции вмешательства в этом отношении – куда менее удачный метод противодействия, чем поддержка локальных противовесов. Таких, как режим Асада или в прошлом режим Каддафи. США и их западноевропейские союзники сегодня уже не могут не видеть своих ошибок в Ливии и Сирии. Но их позиция по Сирии принципиально не изменилась. Поэтому России на данном этапе не следует вмешиваться в историю с «Исламским государством» и дать американцам возможность самостоятельно «расхлебать» ту политическую кашу, которую они заварили.

– И все же, почему в отличие от 2001-2003 гг. США не ищут возможности для сотрудничества с Россией? Тогда имело место определенное сближение, которое оказалось взаимовыгодным. Где проходит новая линия раскола, почему Россия и Запад оказались до такой степени по разные стороны баррикад?

– Сегодня все перевешивает украинский контекст. С точки зрения политического руководства США, Россия вышла за рамки допустимого, нарушив установленные самими американцами правила игры, и должна быть демонстративно-показательно наказана. Можно вспомнить о том, что в 2001 году, когда, казалось бы, шла речь о едином фронте борьбы с международным терроризмом исламистского толка, России не было позволено действовать столь же решительно, как действовали США. Напомню, тогда параллельно

¹ * Источник: <http://politconservatism.ru/forecasts/soyuz-s-islamom-na-antiamekanskoy-pochve-nevozmozhen>

с вмешательством США в Афганистан имел место инцидент в Кодорском ущелье в Грузии, откуда действовали группы ичкерийских боевиков, Россия не решилась нанести удары по Кодорскому ущелью – по тем самым международным террористам-исламистам и ровно в то самое время, когда Россия поддержала интервенцию США в Афганистан. Это была наглядная иллюстрация принципа: «что позволено Юпитеру, то не позволено быку». До тех пор, пока Россия соблюдала этот принцип, она могла, с определенными оговорками, рассматриваться в качестве союзника в борьбе с международным терроризмом. Как только Россия стала примерять на себя роль державы, которая самостоятельно трактует международное право, в том числе оставляет за собой возможность признания или непризнания тех или иных государств, применения силы на международной арене, она автоматически выпала из западной системы партнерства.

– Можно ли сказать, что для американцев не так важна верность идеологическим принципам, на первом месте для них скорее возможность контролировать международную политику союзника? И в этом контексте, могут ли американцы, к примеру, пойти на признание за Россией зоны собственных национальных интересов по периметру границ?

– США не раз подчеркивали, в лице самых разных представителей, что не приемлют и никогда не примут концепцию, в соответствии с которой у России есть некая законная сфера преимущественных интересов на постсоветском пространстве, некая неформальная сфера влияния. Даже в 90-е годы американцы в явочном порядке готовы были принять такой подход, но в нулевые – однозначно нет. С их точки зрения, сфера национальных интересов РФ ограничивается ее территорией. И это в лучшем случае.

– В сложившихся условиях насколько важно для российского консерватизма возможное сближение России со странами как суннитского, так и шиитского ислама? Не придется ли российским консерваторам искать сближения с внутренним исламом, условно говоря, отбросив повестку национализма и в какой-то степени играя на цивилизационном факторе?

– Цивилизационный фактор разъединяет Россию с исламом ничуть не в меньшей степени, чем этнонациональный. Союз с исламом на антиамериканской

почве невозможен. Я периодически слежу за ситуацией в панисламских и панкавказских сетевых сообществах и могу сказать вполне определенно: антиамериканизм, обострившийся на фоне борьбы с Исламским государством, не сделал их ни на йоту более лояльными российской системе геополитических приоритетов. Да, у России есть неплохие отношения с целым рядом исламских государств. Но это именно отношения с государствами, а не с исламским проектом, они задаются в системе координат национальных интересов, а не идеологического или цивилизационного сближения. Так, точки сближения России и Ирана лежат в плоскости проблем национального суверенитета, технологической независимости, диверсификации международных контактов в условиях санкций – именно на этой почве была и сохраняется основа для продуктивных отношений. Отношения с Турцией достаточно сложные. Возможно, в последние годы в них возникла большая доверительность. Я бы связал это с тем, что Р.Т. Эрдоган начал собственную большую игру, в которой интересы Турции расходятся с интересами США и Европейского союза. Поэтому он также заинтересован в диверсификации международных контактов. Но еще важнее, что исламистская Турция направляет свои преимущественные усилия в сторону от России – в направлении арабского мира, Ближнего Востока, отчасти Среднего Востока. Кемалистская Турция была в большей степени озабочена пантюркистским проектом, который предполагал активную игру именно на постсоветском пространстве, в том числе, на внутреннем российском пространстве. Поэтому возможность взаимопонимания с Турцией связана не с симпатиями к политическому исламу – а именно этот проект олицетворяет современная Турция – а с тем, что амбиции турецкого политического ислама на данный момент развернуты в другом направлении. Поэтому никакой почвы для широкого союза с исламским миром я не вижу, есть только признаки взаимопонимания с отдельными государствами по отдельным поводам. Мы вряд ли сможем что-то изменить в том факте, что все, кто мыслят в категориях глобального исламского проекта, считают Россию врагом или кормовой базой, и никакого сближения с ними быть не может.

– Если линия на разрыв с Западом сохранится, придется ли российским консерваторам пересматривать повестку применительно к внутреннему исламу?

– Не придется, потому что исламизм в значительной мере является инструментом американской и британской политики на территории нашей страны. Исламизм остается одной из ключевых угроз для России – сегодня это наиболее сильная интегральная антироссийская идеология, которая присутствует непосредственно в российском обществе. Единственное, что может, должно и старается делать государство – это проводить демаркационную линию между исповеданием ислама, с одной стороны, и исламизмом как политической доктриной и политической идеологией – с другой. С исламизмом как политической идеологией долгосрочных компромиссов быть не может.

– В 2003 году Вы разрабатывали концепцию российского изоляционизма, согласно которой Россия должна оставаться в стороне от схватки Запада с исламским террористическим подпольем. Насколько эта концепция актуальна сегодня, и есть ли у России ресурсы для такого прагматического изоляционизма?

– Главная цель – минимизировать собственную уязвимость, через которую мы можем быть втянуты в эти конфликты и расколы. Сегодня это прежде всего проблема Северного Кавказа, который необходимо плотно контролировать, так сказать, «держать в узде», потому что именно через Северный Кавказ Россия может быть вовлечена в схватку с глобальным исламизмом. Существенные угрозы несет и ситуация в Средней Азии. Здесь возможен выход нестабильности из Афганистана на территорию постсоветской Средней Азии, а также войны между государствами или иные формы вооруженных конфликтов. Все это может повлечь поток беженцев, которые потенциально станут разносчиками исламизма по всему российскому пространству. Поэтому лучший, точнее, единственный способ для России остаться в стороне от глобальной битвы исламизма с западным мировым порядком – жестко минимизировать, блокировать и по возможности ликвидировать анклав внутреннего исламизма, в том числе, не допуская разрастания миграционной пятой колонны и удерживая под контролем северокавказский исламизм.

– В условиях угроз, исходящих от исламского Ближнего Востока, возможно ли в будущем новое сближение России с Западом?

– Для такого сближения уровень угрозы должен быть существенно выше – условно говоря, взаимопонимание может возникнуть, если Исламский халифат станет мощной силой на пороге Европы, которую просто невозможно игнорировать.

– Политические силы в Европе, которые оппозиционны нынешнему мейнстриму, недовольны как усилением внешнеполитического влияния США в Европе, так и усилением миграции из исламских стран. Национальный Фронт во Франции выступает против исламизма и против атлантизма. Насколько серьезным будет этот фактор для европейского сопротивления, и может ли его повестка развиваться в сторону уменьшения оппозиции атлантизму?

– Указанные политические силы исходят из понимания того, что Соединенные Штаты одной рукой возвращают исламизм, а другой наносят по нему удары. На примере той же Ливии, Сирии, а шагом ранее Аль-Каиды, это стало невозможно игнорировать. Надо проявлять удивительную политическую наивность, чтобы на том основании, что США оказались вынуждены наносить удары по возвращенной ими силе, менять позицию в сторону большей лояльности к атлантическому вектору. Напротив, это аргумент в пользу того, чтобы не быть заложниками одинокой сверхдержавы, которая, по выражению французского стратега, социолога и историка Эммануэля Тодда (а он как раз выражает такую суверенистскую линию) не является умалишенной, но вынуждена в силу разных причин реализовывать игровую «стратегию умалишенного».

– Будут ли они при этом выступать с большей силой против исламизма?

– А как иначе, если многие из тех, кто воюет в Сирии, Ираке как джихад-туристы – это граждане европейских государств? Это повод бить в набат, менять законы о гражданстве, чтобы было возможным лишать гражданства на этом основании, чтобы иметь возможность проводить очень жесткие оперативно-розыскные и просто разведывательные мероприятия по всем мусульманским общинам, которые там существуют. То, что сейчас происходит с западными гастролерами, джихад-туристами из европейских стран – это на самом деле уже красный уровень угрозы.

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ГОВОРИТ КОРАН О НАСИЛИИ? ¹

Текн А.

Варварские поступки мусульманских террористов вновь поднимают вопрос о месте насилия в исламе и его священном писании. Если религия создает насилие, человек формирует религию для его оправдания и регуляции.

Действительно ли Исламское государство — это всего лишь обычная банда преступников, которая не имеет ничего общего с исламом? Такое определение (его используют, в том числе, и умеренные мусульмане) бесчинств на сирийско-иракской границе (а после казни Эрве Гурделя еще и в Алжире), без сомнения, является самым точным описанием действительности.

Тем не менее, все это не отменяет размышлений о месте насилия и святого в исламе. Да, смешение исламизма с исламом, джихада со священным императивом заслуживает порицания. Однако преступные отсылки этих террористов к Корану все равно сеют смуту. А отпирательства всех тех, кто утверждают, что ислам не имеет ничего общего с трагическими религиозными извращениями экстремистов, порождают неловкость и сомнения. Так, как все обстоит на самом деле?

Еще в XIX веке Алексис де Токвиль писал следующее:

«Ислам — это прогресс по отношению к политеизму, потому что он охватывает более широкие и четкие взгляды на общий долг всего человечества».

Тем не менее, этот философ и специалист по отношениям политики и религии говорил, что прочтение Корана наводит его на мысль о том, что «религия Магомета» обладает отвратительной склонностью к призывам к войне и убийству неверных. По его словам, ислам почти не оставляет места свободам в том плане, что отрицает существование иных «порядков». Он охватывает одновременно области политики, юриспруденции, этики и общества:

«Доктрина, которая говорит, что первый долг каждого верующего — слепое подчинение Пророку, и что священная война — первое из всех до-

брых дел, скрывается на каждой странице, почти в каждом слове Корана. Агрессивные и чувственные тенденции Корана так сильно бросаются в глаза, что мне не ясно, как их может не увидеть любой здравомыслящий человек».

Де Токвиль вовсе не был экстремистом, и с учетом исторических и современных примеров мы вынуждены признать правоту его суждения. Как бы то ни было, толкование и история позволяют глубже взглянуть, лучше понять священные тексты, скрытый смысл стихов, отойти от предубеждений, клише и заблуждений, которые по сей день демонизируют ислам. С этой точки зрения вряд ли можно назвать ошибочными слова тех историков и толкователей Корана, которые стремятся доказать, что те, кто убивают (в том числе и себя) во имя некоего священного предписания, на самом деле предают саму букву ислама.

«Не убивайте душу, убивать которую Аллах запретил»

В Коране жестко запрещается убийство, в частности это говорится в суре «Скот» (VI-151):

«И не приближайтесь к мерзким поступкам, явным или сокрытым. Не убивайте душу, которую Аллах запретил убивать, если только у вас нет на это права. Это заповедал вам Аллах».

В суре «Трапеза» (V-32) осуждается убийство Авеля Каином и закладываются основы мусульманского гуманизма:

«Кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям».

В суре «Аль-Исра» говорится следующее (XVII-33):

«Не убивайте душу, убивать которую Аллах запретил, если только у вас нет на это права».

В Коране преднамеренное убийство верующего грозит убийце вечной карой. Сура «Женщины» (IV-93) гласит:

¹ Источник: <http://www.slate.fr/story/92615/islam-violence-islamistes>

«Если же кто-либо убьет верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пребудет вечно. Аллах разгневался на него, проклянет его и приготовит ему великие мучения».

САМООБОРОНА

Эта сура долго анализировалась в исламской юриспруденции. Сегодня считается, что она приравнивает убийство верующего к неискупимому греху, который осуждает совершившего его человека на вечные муки, как и более страшные с точки зрения ислама преступления: идолопоклонничество, многобожие и лжесвидетельство.

Таким образом, в мусульманской вере оправданием для насилия или карательных действий может быть исключительно самооборона. В суре «Пчелы» (XVI-90) мы видим следующее:

«Воистину, Аллах повелевает блюсти справедливость, делать добро и одаривать родственников. Он запрещает мерзости, предосудительные деяния и бесчинства».

В истории ислама «джихад» как вооруженная борьба получил подтверждение лишь в VII веке, во время преследования Меккой Магомета и его соратников, и в период крестовых походов. Понятия «священная война» не существует ни в арабской истории, ни в арабском языке. Магомет говорил лишь о «малом джихаде», под которым он подразумевал вооруженную защиту оказавшейся в опасности родины и веры. Его не стоит путать с «большим джихадом», который означает усилия каждого добропорядочного мусульманина в борьбе со своими низменными инстинктами. В верной интерпретации ислама джихад представляет собой всего лишь упорство верующего в борьбе добра со злом.

ПРОДИКТОВАННЫЙ БОГОМ

Вопрос интерпретации священного писания вышел на первое место в мусульманском мире. Как известно, по исламской традиции, Коран был не просто навян Богом, как это относится к Ветхому и Новому Заветам, а напрямую продиктован им. Поэтому он вечен, неоспорим и неизменен.

Несмотря на репрессии, ряд мусульманских интеллектуалов все же осмеливаются утверждать, что Коран, то есть ниспосланное Богом священное писание, появился в знакомой нам сегодня форме только через два столетия, и что на него оказали давление и воздействие несколько школ

и авторов. Иначе говоря, они выступают против буквального, фундаменталистского прочтения Корана и требуют провести четкую черту между тем, что относится непосредственно к Корану, и хадисами (предания о словах пророка Магомета), которые исламисты с легкостью мешают в одну кучу. Как бы то ни было, в нынешних геополитических условиях в мусульманском мире к этим интеллектуалам и мусульманам-модернистам, которые отважно выступают за работу по интерпретации священного писания ислама, почти не прислушиваются.

Священное писание — это одно, а то, что делают с ним люди, уже совсем другое. При виде того, как им манипулируют всевозможные религиозные экстремисты, неизбежно возникает следующий вопрос: это религии сеют раздор и насилие в мире своими священными текстами и превращенными в «догмы» истинами? Или же вина лежит на людях, которые создают собственный образ Бога и пользуются любыми предложениями, в том числе и божественным, для оправдания собственного насилия и фанатизма?

Отношения между священным писанием и насилием были подробно изучены в том числе философом Рене Жираром. Священное писание представляет собой способ общего представления вселенной, который требует от человека подчинения, ставит перед ним предписания и запреты. В этой перспективе оно может вызывать и порождать насилие. Потому что именно оно в последней инстанции дает человеку его самосознание и смысл жизни. Священное писание может подтолкнуть человека к тому, чтобы пожертвовать собственной жизнью и жизнями других ради его защиты. Во всех религиозных преданиях божества добра и порядка ведут непримиримую борьбу с хаосом, злом и смертью.

РАДИ БЛАГОРОДНОЙ ЦЕЛИ

Но хотя священное писание и может породить насилие, процесс работает и в обратном направлении. Человек пользуется им или даже создает его для оправдания, легитимизации и регуляции собственного насилия. Священные войны — это не что иное, как задействование религиозных ресурсов ради так называемой благородной цели. «Gott mit uns» («Бог с нами») писали на португезах нацистские солдаты, хотя идеология нацизма была атеистической по своей сути.

Это всегда было так вне зависимости от эпох и цивилизаций. Пантеоны монотеистических

религий кишат богами войны. Религия используется как средство оправдания насилия, когда она наделяет ореолом священности земную борьбу: призыв к джихаду в исламе, защита символической территории (например, Косова, колыбели сербского православия), колонизация пространств на западном берегу реки Иордан еврейскими религиозными активистами. Религия призывает людей на войну, вдохновляет войска, толкает радикалов на смерть.

Политическая агрессия, война и терроризм ставят человека лицом к лицу с реалиями его существования. Религиозное алиби присутствует всегда. Для оправдания войны, жертвы, действий смертника пытаются найти оправдание в религиозной традиции или священных текстах, тех, что доступны, намеренно искажаются и отдаляются от изначального смысла или же просто-напросто изобретаются.

Имя Бога, которое возводится в абсолют для борьбы с личностной фрустрацией или оправдания некоего тоталитарного проекта, несет ответ-

ственность за часть величайших преступлений в истории. Ветхий и Новый Завет, Коран — все эти священные книги стали предлогом для множества погромов, крестовых походов и религиозных преследований. По сей день религии часто сводят лишь к наиболее экстремистским их проявлениям и приковывают к одному позорному столбу. Это «губительные идеологии», — говорила Эли Барнави в нашумевшей книге 2006 года.

Как бы то ни было, официальные и умеренные представители веры неустанно твердят о недопустимости убийства во имя Бога. Да, после убийства Авеля Каином Библия наполнена насилием, войнами и кровопролитием, но божественный закон, о котором говорят все иудейские, христианские и мусульманские теологи, совершенно однозначен. «Не произноси имени Господа напрасно», — гласит второй завет. «Не убий», — указывает шестой завет. «Убить кого-то во имя Бога, значит убить дважды», — сказал как-то бывший великий раввин Франции Жозеф Ситрюк.

IslamRF.Ru

**ИСЛАМ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Ежеквартальный альманах

Выпуск № 3 (35)' 2014

Ответственный за выпуск — **С. Ю. Бородай**

Верстка — **Р.Н. Симкин**

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ ФС77-35773 от 25 марта 2009 г.

Тираж 3 000 экз.

Издательский дом «Медина»
129090, Москва, Выползов пер., д. 7
Тел./факс (495) 681-73-72 доб 106, 128
+7 926-527-47-81 — Ильдар Анвярович Нуриманов
E-mail: info@idmedina.ru

www.dumrf.ru
www.muslim.ru
www.islamsng.com
www.islamrf.ru
www.miu.su